

ЖИЛБЛАЗЪ

ДЕ

САНТИЛЛАНА.

Сочиненіе Лесажа.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1821 года.

опасаясь попотребоваши чего ни-
будь такого, что могло бы
походить на скупость; а по-
тому выборъ блюдъ предоста-
вилъ на волю самаго хозяина.
Онъ угостилъ меня весьма хо-
рошо; во всей его прислугѣ
видѣлъ я знаки почщенія; и
это было для меня еще при-
ятнѣе вкуснаго его кушанья.
Когда надобно было распла-
чиваться, бросилъ я на столъ
писполю, изъ которой по
крайней мѣрѣ четвертая часть
причислалась мнѣ къ сдачѣ,
но я оставилъ эту бездѣлку
служителямъ. Потомъ вышелъ
изъ рестораціи, надувшись
какъ человекъ, весьма доволь-
ный самъ собою.

Шагахъ въ двадцати опшуда находился большой постоялой домъ, въ копоромъ обыкновенно останавливались прїѣзжіе господа. Я нанялъ въ немъ пять или шесть порядочно убранныхъ комнатъ. Казалось, будто бы имѣлъ уже я двѣ или три тысячи червонныхъ годового дохода: заплащилъ даже за первый мѣсяцъ впередъ. Послѣ того возвратился къ своей работѣ, и все послѣобѣденное время занимался продолженіемъ дѣла, начатаго мною поутру. Въ другомъ кабинетѣ подлѣ моего сидѣли еще два Секретаря; но они только переписывали набѣло то, что имъ давалъ

самъ Герцогъ. Я познакомился съ ними въ шопъ же вечеръ, когда хошѣли мы расходишья по кварширамъ; а чшобъ бо-лѣе заслужишь ихъ дружбу, убѣдилъ ихъ зайши въ мою ресшорацію, гдѣ велѣлъ изготвишь самыя лучшія блюда, какія шолько можно было имѣшь шогда, и подашь самыя дорогія вина.

Мы сѣли за споль, и начали разговаривать съ бѣльшею веселостію, нежели оспроуміемъ; ибо — сказать правду о моихъ собесѣдникахъ — я скоро примѣшилъ, чшо не уму своему обязаны они насшоящими мѣсшами. Правда, они имѣли довольно чешкій и кра-

сивый почеркъ; но писашъ такъ, какъ учашъ въ лучшихъ школахъ, и во снѣ имъ не грѣзилось.

За то совершенно знали они соблюдать собственныя свои выгоды; ихъ не такъ ослѣпляла честь находиться при первомъ Министрѣ, чѣмъ не имѣли причины жаловаться на свое состояніе. „Уже пять мѣсяцовъ, говорилъ одинъ изъ нихъ, какъ мы вступили въ должность не получая ничего на свое содержаніе; а чѣмъ всего хуже, намъ не назначено вѣрнаго жалованья, и мы не знаемъ, что съ нами впередъ будетъ.“—Что касается до меня, сказалъ другой, я

желалъ бы лучше, вмѣсто жалованья, получить десятка два ударовъ палкою, лишь только бы позволили мнѣ искупить другаго мѣста; а то я не смѣю ни опойти самъ собою, ни просить увольненія, пошому что былъ употребляемъ для переписки секретныхъ бумагъ: меня отправили бы погоспийтъ въ Сеговскую башню или въ Аликантскую крѣпость.—

„Да чѣмъ же вы живете?—спросилъ я ихъ: видно, есть у васъ какое нибудь состояніе?“—Они отвѣчали, что ничего почти не имѣютъ; но что, по счастью, живутъ у одной честной вдовы, кошорая

вѣришь имъ въ долгъ, и содержишь ихъ на всемъ гошовомъ, въ надеждѣ получишь съ каждаго въ годъ по списполей.— Такія рѣчи, изъ копорыхъ не проронилъ я ни слова, гораздо поубавили у меня силъси. Я представилъ себѣ, что на меня, конечно, обращено будетъ не больше вниманія, какъ и на другихъ; что, слѣдовашельно, не долженъ я радовашься, получивъ это мѣсто; что оно не такъ выгодно, какъ я воображалъ; и что мнѣ очень нужно поберечь свой кошелекъ. Сии размышленія излѣчили меня отъ безумной распочительности. Я началъ жалѣть, что

привелъ Секретарей въ респон-
рацію, и желалъ поскорѣе кон-
чить ужинъ; а при расплашѣ
довольно поспорилъ съ хозя-
иномъ, и счетъ его показался
мнѣ столь же безсовѣстнымъ,
какъ и у аптекарей.

Мы разошлись въ полночь,
потому что не принуждалъ
уже я болѣе пить моихъ по-
варицей. Они пошли къ своей
вдовѣ, а я въ великолѣпные
свои покои, досадуя на себя,
что ихъ нанялъ, и въ швер-
домъ намѣреніи выѣхать оп-
шуда по истеченіи мѣсяца.
Хотя лежалъ я на мягкой и
покойной постели, но уснуть
никакъ не могъ. Ломалъ голо-
ву и придумывалъ средства

не продолжаясь Королевской
службы даромъ. Въ этомъ
случаѣ послушался я совѣта
Монпезерова, и вспаль съ
шѣмъ, чшобы иди на пок-
лонъ къ Дону Родригецу
Кальдерону. Я былъ въ та-
комъ расположеніи духа, что
безъ всякой досады могъ я-
вишься предъ сшоль надмен-
нымъ чловѣкомъ: чувсшво-
валъ, что имѣю въ немъ ну-
жду. И такъ отправился я
къ этому Секретарю.

Покои его имѣли сообщеніе
съ покаями Герцога Лермы,
и не уступали въ великолѣ-
піи симъ послѣднимъ: по уб-
ранству ихъ шрудно было
различить Министра отъ Се-

крешаря. Я велѣлъ доложить о себѣ, какъ о преемникѣ Дона Валеріо; не смотря на то, заспавили меня болѣе часа простоявъ въ передней. „Господинъ новый Секретарь, говорилъ я между тѣмъ самъ себѣ, подожди, не теряй терпѣнья. Пошери напередъ побольше самъ, пока другихъ терпѣшь заспавишь.“—

Наконецъ двери отворились. Я подошелъ къ Дону Родригецу въ то самое время, какъ онъ, написавъ любовное письмо къ своей прелестной Сиренѣ, отправлялъ его съ слугою своимъ, Педриллою. Ни предъ Гренадскаго Архіепископа, ни предъ Графа Галіано, ни даже

предъ перваго Министра не
 являлся я съ такимъ подобо-
 страсшіемъ, съ какимъ пред-
 спалъ предъ господина Кальде-
 рона. Поклонился ему почти
 до полу, и просилъ его покрови-
 тельства въ такихъ вы-
 раженіяхъ, о которыхъ не мо-
 гу безъ стыда и вспомнить,
 такъ онѣ были унизительны!
 Предъ человѣкомъ, не столько
 надменнымъ, подлость моя об-
 рашилась бы мнѣ во вредъ.
 А онъ принялъ благосклонно
 всѣ знаки моего предъ нимъ
 раболѣпства, и сказалъ мнѣ
 ласково, что не упустишь
 случая быть для меня полез-
 нымъ.

Тупъ изъявилъ я ему все-
 нижайшую мою благодарность
 за милостивое обнадеживаніе,
 и увѣрялъ его въ вѣчной и
 душевной моей къ нему пре-
 данности. Наконецъ, опасаясь
 долѣе беспокоить его, вышелъ,
 прося извинить себя, если
 помѣшалъ въ важныхъ его за-
 нятіяхъ. Послѣ такого под-
 лаго поступка, отправился я
 въ Канцелярію, гдѣ и кончилъ
 порученное мнѣ дѣло. Герцогъ
 опяшь упрямъ зашелъ въ мою
 комнашу, и будучи столькоже
 доволенъ окончаніемъ, сколько
 и началомъ моего труда, ска-
 залъ мнѣ: „Прекрасно, прекра-
 сно, Жилблазъ! Теперь самымъ
 чиснымъ письмомъ внеси эту

сокращенную исторію въ кни-
гу по Королевству Капалон-
скому. Пошомъ возьми изъ
моей поршфели другое доне-
сеніе, и обрабопай его та-
кимъ же образомъ. — Я долго
разговаривалъ съ Герцогомъ;
простое и ласковое обхожде-
ніе Его Свѣшлости восхища-
ло меня. Какая разница меж-
ду имъ и Кальдерономъ!

Сегодня обѣдалъ я въ прак-
ширѣ, гдѣ брали за споль
довольно умѣренную цѣну; и
положилъ ходишь шуда вся-
кой день инкогнипо, до шѣхъ
поръ, пока увижу, какое дѣй-
сшеіе произведутъ мои услу-
ги и преданность. Денегъ у
меня оставалось не болѣе, какъ

мѣсяца на три. Это время
положилъ я употребить на
продолженіе трудовъ моихъ;
а какъ глупости, чѣмъ краш-
ковременнѣе, тѣмъ лучше, то
и рѣшился, если не получу
ни какой награды, оставишь
Дворъ съ ложнымъ его блес-
комъ. Такъ составилъ я планъ
свой. Между тѣмъ цѣлые два
мѣсяца употреблялъ всѣ спо-
собы придти въ милость у
Кальдерона; но онъ удостои-
валъ сшоль малаго вниманія
всѣ мои старанія, что, не
надѣясь достигнуть моей цѣ-
ли, перемѣнилъ я свое въ от-
ношеніи къ нему поведеніе:
пересталъ ходишь къ нему
на поклонъ; старался только

обратишь въ свою пользу тѣ
случаи, когда удавалось мнѣ
говорить съ Герцогомъ.

ГЛАВА IV.

Жилблазъ приходитъ въ
милость у Герцога Лер-
мы, который ввѣряетъ
ему важную тайну.

Хотя и каждый день ви-
далъ я Герцога, но всегда по-
чти на короткое время; не
смотря на то, Его Высочество
такъ меня полюбилъ, что
сказалъ однажды: „Послушай,
Жилблазъ, ты мнѣ очень по-
нравился: я нахожу въ тебѣ

человѣка усерднаго, вѣрнаго, умнаго и скромнаго. Кажется не ошибусь, сдѣлавъ себя своимъ повѣреннымъ.“—Услышавъ слова сіи, бросился я къ ногамъ его, и съ почтениемъ поцѣловавъ у него руку, копорую прощаянулъ съ, чшобы поднятъ меня, ошвѣчалъ ему: „Возможно ли, чшобъ Ваша Свѣшлоссть удосшоиавли меня споль великой милосши? Сколько тайныхъ враговъ возбудишь пропивъ меня ваша благосклонноссть! Впрочемъ, мнѣ спрашна ненависшь одного шолько человѣка, именно, Дона Родригеца Кальдерона.“—

—Съ эшой стороны ты не долженъ ничего опасаться, прервалъ Герцогъ. Я знаю Кальдерона. Онъ съ малолѣтства при мнѣ находишся; могу сказать, что у насъ одинъ съ нимъ образъ мыслей и одинъ чувствованія: онъ любитъ все то, что мнѣ пріятно; а что не нравишся мнѣ, то и ему прошивно. Въсѣмъ того, чтобы опасаться его недоброжелательства, ты долженъ бышъ увѣренъ въ его дружбѣ.— Изъ эшаго заключилъ я, что господинъ Родригесъ самой тонкой плушъ; что онъ совершенно овладѣлъ умомъ Его Свѣшлости, и что мнѣ надобно поступашъ съ нимъ весьма ошорожно.

„Чшобъ сдѣлать начало мо-
 ей къ тебѣ довѣренности,
 продолжалъ Герцогъ, открою
 тебѣ планъ, копорой у меня
 въ головѣ. Тебѣ нужно знать
 объ немъ, чшобъ шѣмъ лучше
 исполнять порученія, какія
 буду давать тебѣ. Давно уже
 замѣшилъ я, что власть моя
 вообще уважается, рѣшеніямъ
 моимъ все повинуется слѣпо;
 по своей волѣ располагаю я
 чинами, мѣстами, пенсіонами,
 словомъ: царствую, если смѣю
 такъ сказать, въ Испаніи.
 Счастіе мое не можетъ уже
 расширяться далѣе; но мнѣ
 желательнѣе оградить его отъ
 бурь, копорыя угрожаютъ на-
 чинающъ; и для эшаго хотѣ-

лось бы мнѣ имѣть по себѣ
преемникомъ въ Министер-
ствѣ Графа Лемоса, моего
племянника.“—

Министръ, при послѣднихъ
словахъ своихъ, примѣшивъ
мое удивленіе, сказалъ: „Ви-
жу, Саншиллана, вижу, чему
ты удивляешься. Тебѣ кажет-
ся странно, что я предпочи-
таю племянника Герцогу Уце-
ду, родному своему сыну. Такъ
знай, что сей послѣдній не
имѣетъ столько ума, чтобы
могъ занять мое мѣсто, а
при томъ еще и врагъ мнѣ.
Онъ нашелъ какое-то сред-
ство понравиться Королю,
который хочетъ объявить его
своимъ любимцомъ; а эшаго-то

я и не могу шерпѣшь. Носишь милоспи Государя и обладашь обожаемою женщиною, еспѣ почпи одно и поже: эшо ша-кое завидное счаспие, чшо ни кшо не захочешъ добровольно подѣлишья имъ съ соперникомъ, какъ бы онъ связанъ ни былъ съ нимъ родспвомъ или дружбою.“

„Теперь я открываю тебѣ все, чшо у меня на сердцѣ, продолжалъ онъ. Уже покушался я повредишь Герцогу Уцеду въ мысляхъ у Короля; но какъ не могъ въ шомъ успѣшь, шо выдумалъ другое средспво. Я хочу, чшобъ Графъ Лемось постарался снискашь милоспъ Наслѣднаго Принца.

Будучи при немъ Камеръ-юнкеромъ , имѣешь онъ случай всегда говоришь съ нимъ ; и сверхъ того, что онъ уменъ, я знаю надежный способъ окончишь это предпріятіе съ желаемымъ успѣхомъ. Чрезъ такую хитрость поспавлю моего племянника прошивъ сына моего, и произведу между ними раздоръ; что самое заспавишь ихъ обоихъ искашь во мнѣ подпоры; а нужда, какую имѣшь будешь въ моей власпи, сдѣлаешь того и другаго мнѣ покорными. Вотъ мое намѣреніе , прибавилъ онъ ; твое посредничество будетъ для меня полезно. Тебя буду я тайно посылать къ

Графу Лемосу, а ты станешь
переносить опять него ко мнѣ
все то, что онъ почтешь
нужнымъ сообщить мнѣ.“

Послѣ такой довѣренности,
которую почишалъ я за на-
личные деньги, всѣ мои без-
покойства исчезли.— „Вотъ
наконецъ я подъ жолобъ мѣ, го-
ворилъ я; золотой дождь по-
льется на меня рѣкою. Не
возможно, чтобъ наперсникъ
перваго въ Испанской Монар-
хіи вельможи не былъ пош-
лаемъ осыпанъ богатствомъ.
Въ такой сладостной надеж-
дѣ смотрѣлъ я уже равноду-
шно на истощеніе бѣднаго
кошелька моего.

ГЛАВА V.

Жилблазъ въ великой радости, гести и бѣдности.

Въ короткое время примѣшили, что Министръ меня жалуетъ. Онъ нарочно при всѣхъ показывалъ свою ко мнѣ благосклонность, и поручилъ мнѣ носить за собою въ Совѣтъ портфель съ дѣлами, копорую прежде носилъ обыкновенно самъ. На меня спали смотрѣть, какъ на маленькаго любимца; многіе мнѣ завидовали, однако принуждены были льстить. Оба товарища мои, Секретари, начали первые поздравлять меня съ

предстоящимъ возвышеніемъ,
 и пригласили ужинашъ къ сво-
 ей вдовѣ, не сколько изъ ува-
 женія ко мнѣ, сколько въ на-
 деждѣ побудитъ меня чрезъ по-
 къ оказанію имъ какихъ ни-
 будь услугъ въ послѣдствіи.
 Опо всѣхъ слышалъ я ласка-
 шельныя привѣтствія. Даже
 гордый Донъ Родригесъ пере-
 мѣнилъ свое со мною обраще-
 ніе: не называлъ меня иначе,
 какъ *Господинъ Сантиллана*;
 а до тѣхъ поръ говорилъ все-
 гда мнѣ просто: *вы*. Онъ осы-
 палъ меня учтивостями, осо-
 бливо когда ему казалось, что
 Министръ могъ эшо замѣшишь;
 но онъ имѣлъ дѣло не съ ду-
 ракомъ. Я оповѣчалъ на ком-

паче менше его шѣмъ съ бѣль-
шею вѣжливостію, чѣмъ бо-
лье чувствовалъ къ нему не-
нависти: самый опытный изъ
придворныхъ не лучше бы по-
супилъ въ подобномъ слу-
чаѣ.

Я провожалъ также Герцога,
когда ходилъ онъ къ Королю,
а онъ ходилъ туда обыкновен-
но три раза въ день. Лишь
только Его Величество изво-
лилъ просыпаться, Министръ
являлся въ его спальню, спа-
новился на колѣни у самой
постели, совѣщивалъ, что
ему въ этотъ день дѣлать и
что говорить; потомъ уда-
лялся. Послѣ обѣда приходилъ
онъ опять, не для доклада по

дѣламъ, но чѣмъ повеселишь
его своею бесѣдою. Онъ раз-
сказывалъ Его Величеству
разныя забавныя происшест-
вія, какія случались въ Мад-
ридѣ, и о которыхъ свѣде-
ніе прежде всѣхъ до него до-
ходило; и наконецъ вечеромъ
видѣлся съ Королемъ въ пре-
мій разъ, отдавалъ ему оп-
чешъ въ своихъ занятіяхъ, и
испрашивалъ повелѣній для
слѣдующаго дня. Между тѣмъ,
какъ онъ былъ у Короля, я
похаживалъ въ пріемной. Са-
мые знашныя, случайные люди
спарались заводитъ со мною
разговоръ, и восхищались, ко-
гда я ихъ слушалъ. Какъ же
мнѣ послѣ эшаго не почишъ

себя за важную особу? Многие, знача при Дворѣ еще меньше моего, не иначе о себѣ думаютъ.

Одинъ случай подалъ мнѣ поводъ еще болѣе пошщеславиться. Король, которому Герцогъ расхвалилъ мой слогъ, захопѣлъ видѣть пому опытъ. Его Свѣтлость велѣлъ мнѣ взявъ книгу о Капалонскихъ фамиліяхъ и приведя меня къ Монарху, заставилъ прочесть первую вписанную мною шудасшью. Начавъ чищать предъ Государемъ, я пришелъ было въ замѣшательство, но присутствіе Министра скоро ободрило меня. Я прочелъ свое сочиненіе. Его Величество

слушалъ меня не безъ удовольствія. Онъ изволилъ опознаться, что доволенъ мною, и сказалъ даже Министру, что бы принялъ меня въ особенное покровительство. Это еще увеличило спѣсь мою; а разговоръ, который нѣсколько дней спустя имѣлъ я съ Графомъ Лемосомъ, совершенно вскружилъ мнѣ голову.

Я пошелъ повидаться съ Графомъ, опъ имени его дяди, во Дворцѣ Наслѣднаго Принца, и подалъ ему письмо, въ которомъ Герцогъ увѣдомлялъ его, что онъ можетъ говорить со мною открыто, какъ съ человѣкомъ, имѣющимъ обстоятельное свѣденіе

о ихъ предпріятіи, и избран-
номъ въ посредники между
ними. Прочитавъ письмо,
Графъ повелъ меня въ другую
комнату, заперся тамъ со-
мною и сказалъ мнѣ слѣдую-
щее: „Такъ какъ ты пользу-
ешься довѣренностію Герцога
Лермы, то я и не сомнѣва-
юсь, чѣмъ ты не былъ ее
достоинъ, и не нахожу ни
малѣйшаго запрудненія бытъ
съ тобою опкровеннымъ. Знай
же, что дѣла наши идутъ,
какъ не лзя лучше. Наслѣд-
ный Принцъ опличаетъ меня
опъ всѣхъ приближенныхъ къ
нему вельможъ, копорые спа-
раюшся ему нравишся. Я го-
ворилъ съ нимъ сегодня на-

единѣ, и изъ словъ его замѣ-
шилъ, какъ ему больно, что
Король скупосшью своею ли-
шаетъ его способовъ бытъ
щедрымъ, и даже содержа
себя прилично Принцу. Я со-
жалѣлъ о немъ; и пользуясь
этою минутою, обѣщалъ при-
нести ему на другой день,
лишь только онъ проснется,
тысячу пистолей, въ ожида-
ніи гораздо большихъ суммъ,
которыя доставлю ему въ
непродолжительномъ времени.
Обѣщаніе мое привело его въ
восхищеніе; и я увѣренъ, что
войду къ нему въ великую
милость, если сдержу свое
слово. Поди, Расскажи все
это дядюшкѣ и принеси мнѣ

вечеромъ опъ него опвъпъ ,
чшо онъ о томъ думаетъ.“

Лишь только Графъ Лемось
окончилъ рѣчь свою , я по-
шелъ къ Герцогу Лермъ , ко-
порый, выслушавъ меня, при-
казалъ взять у Кальдерона ты-
сячу писмолей , и поручилъ
мнѣ вечеромъ доставить ихъ
къ Графу.— „А ! а ! сказалъ
я самъ себѣ дорогою , вижу
теперь, какое вѣрное средство
имѣешь Министръ къ испол-
ненію своего предпріятія. Да
онъ и правъ ! По всему дол-
жно полагать, что такая ра-
спочишельность не разоритъ
его. Я понимаю , откуда бе-
реть онъ писмоли , но при
всемъ томъ не справедливо ли,

чшобъ отецъ содержалъ сына?— Когда вечеромъ опкля-
 нялся уже я Графу, онъ шеп-
 нулъ мнѣ на ухо: „Прощай,
 любезный нашъ повѣренный!
 Наслѣдный Принцъ имѣетъ нѣ-
 копорую склонность къ пре-
 лесшному полу. Мы погово-
 римъ съ шобою объ эшомъ
 при первомъ свиданіи; я пред-
 вижу, чшо скоро буду имѣть
 нужду въ швоемъ пособіи.“—
 Идучи домой, размышлялъ я
 о сихъ словахъ, копорыя не
 заключали въ себѣ ничего дву-
 смысленнаго и приводили ме-
 ня въ восхищеніе.— „Тѣфу
 пропасть! говорилъ я, меня
 дѣлають Меркуріемъ наслѣд-
 ника престола!“— Хорошо ли,

худо ли это было, о томъ я не думалъ: знаѣность любовника заглушала мою совѣсть. Какая для меня честь быть повѣреннымъ въ удовольствіяхъ Великаго Принца! — „По-пише, попише, господинъ Жилблазъ! — скажутъ мнѣ — вамъ доспанется быть повѣреннымъ только второй степени.“ — Пусть такъ; но оба сіи званія равно почтенны; вся разница въ выгодахъ.

Исполняя такіа благородныя порученія, день ото дня входя болѣе въ милость у перваго Министра, и имѣя въ виду самыя прекрасныя надежды, какъ бы я былъ счастливей, если бы честолюбіе

могло избавить меня отъ го-
 лоду! Два мѣсяца уже, какъ
 оставилъ я великолѣпную свою
 кварширу и жилъ въ малень-
 кой каморкѣ. Хошя это было
 для меня и горько, но шакъ
 какъ я уходилъ со двора по-
 ушпру рано, и приходилъ но-
 чевашъ поздно вечеромъ, шо и
 сносилъ еще довольно терпѣ-
 ливо. Цѣлый день былъ я на
 своемъ театръ, шо ешъ, у
 Герцога; игралъ шамъ ролю
 знашнаго господина; но когда
 возвращался въ свой уголокъ,
 знашный господинъ исчезалъ
 и оставался только бѣдный
 Жилблазъ, безъ денегъ, а, чшо
 еще хуже, не зналъ, гдѣ до-
 спашъ ихъ. Кромѣ того, чшо

гордоснѣ не позволяла мнѣ оп-
крышѣ кому нибудь свои ну-
жды, я не зналъ никого, кшо
бы могъ помочь мнѣ, кромѣ
Наварро; но съ шѣхъ поръ,
какъ я попалъ ко Двору, шакъ
опъ него опспалъ, чшо не
смѣлъ уже къ нему прибѣг-
нуть. Нужда заставила меня
распродать мои вещи, одну
послѣ другой. Я оставилъ у
себя шолько самыя необходи-
мыя. Не ходилъ болѣе въ
пракширь, пошому чшо не-
чѣмъ было плашитъ за сполъ.
Какъ же я не умеръ съ го-
лоду? Каждое утро приносили
къ намъ въ Канцелярію на
завшракъ по небольшому хлѣб-
цу и по маленькой рюмкѣ вина;

вошъ все, что давалъ намъ
Министръ. Цѣлый день не ѣлъ
ничего болѣе, и почти всегда
ложился спать безъ ужина.

Таково было положеніе че-
ловѣка, который блисталъ
при Дворѣ, и который дол-
женъ былъ скорѣе возбудить
сожалѣніе, нежели зависть.
Наконецъ бѣдность моя вы-
вела меня изъ терпѣнія, и
я рѣшился, при первомъ удоб-
номъ случаѣ, объясниться съ
Герцогомъ Лермою. Къ сча-
стію, этотъ случай предста-
вился въ Эскуріалѣ, куда Ко-
роль и Наслѣдный Принцъ
поѣхали нѣсколько дней спу-
стя.

ГЛАВА VI.

Какимъ образомъ Жил-
блзъ далъ знать Герцогу
Лермъ о своей бѣдности,
и что Министръ для не-
го сдѣлалъ.

Когда Король бывалъ въ
Эскуріалѣ, то всѣ находившіе-
ся при немъ получали содер-
жаніе отъ Двора, и пошому
я не имѣлъ шамъ ни въ чемъ
нужды. Ночевалъ въ гардероб-
ной подлѣ спальни Герцога.
Въ одно утро Министръ,
вставши по обыкновенію сво-
ему очень рано, приказалъ мнѣ
взять бумаги съ чернильни-
цею, и идти за нимъ въ дворъ.
Часть VI.

цовый садъ. Мы сѣли подъ
деревомъ; по приказанію его
приготовился я писать на
шляпѣ; а онъ держалъ въ ру-
кѣ бумагу, дѣлая видъ, будто
ее читаетъ. Издали казалось,
что мы занимаемся очень важ-
ными дѣлами; а мы говорили
только о пустякахъ.

Слишкомъ часъ забавлялъ я
Его Свѣтлостъ всемъ, что
только ни приходило мнѣ въ
голову, какъ вдругъ на дере-
во, покрывавшее насъ своею
тѣнью, сѣли двѣ сороки, и
подняли такое щекопанье,
что обрали на себя наше
вниманіе.— „Эти птицы, ка-
жутся, бранятся между со-
бою, сказалъ Герцогъ. Хошѣ-

лось бы мнѣ знать причину ихъ ссоры.“—Ваша Свѣтлость, отвѣчалъ я, привели мнѣ на память Индѣйскую басню, которую читалъ я у Пильпая или у другаго какого-то баснописца.— Министръ спросилъ меня, что это за басня, и я разсказалъ ее слѣдующимъ образомъ:

„Нѣкогда царствовалъ въ Персіи добрый Государь, который, будучи не въ состояніи самъ управлять царствомъ своимъ, ввѣрилъ его попеченію Великаго Визиря. Этомъ Визирь, по имени Апалмукъ, человекъ опличнаго ума, несъ бремя правленія, не изнемогая подъ нимъ. Онъ сохранялъ

миръ во всемъ Государствѣ,
 умѣлъ даже сдѣлать власъ
 Царскую любезною, заславивъ
 почищать ее. Подданные ви-
 дѣли въ Визирѣ, вѣрномъ сво-
 ему Государю, нѣжнаго и по-
 печительнаго опца. Ашамукъ
 имѣлъ въ числѣ Секретарей
 своихъ молодаго Кашемирян-
 на, именемъ Зеангира, копо-
 раго любилъ болѣе прочихъ.
 Онъ находилъ удовольствіе съ
 нимъ разговаривать, бралъ
 его съ собою на охоту и оп-
 крывалъ ему всѣ свои тайны.
 Однажды, когда они спрѣляли
 вмѣстѣ въ лѣсу, Визирь,
 увидѣвъ двухъ вороновъ,
 кричавшихъ на деревѣ, ска-
 залъ Секретарю своему: „Же-

лалъ бы я знашь, чшо гово-
 ряшь эши ппицы на своемъ
 языкъ.“— Желаніе твое мо-
 жешъ исполнишься, опвѣчалъ
 Кашемирянинъ. — „Да какъ
 эшо?“—возразилъ Ашамукъ.—
 А вошь какъ: одинъ искусный
 въ Кабалисшикъ Дервишъ на-
 училъ меня ппичьему языку.
 Если прикажешъ, я подслушаю
 вороновъ и перескажу тебѣ,
 опъ слова до слова, весь ихъ
 разговоръ.“

„Визирь на эшо согласился.
 Кашемирянинъ подошелъ къ
 вѣронамъ и припворился, буд-
 то со вниманіемъ ихъ слу-
 шаетъ. Потомъ, возвращаясь
 къ своему господину, сказалъ:
 „Повѣришь ли? Предметомъ

ихъ разговора — мы! — Бышь
 не можешъ! — вскричалъ Пер-
 сидской Министръ. А что
 они объ насъ говорятъ? — „О-
 динъ изъ нихъ сказалъ: эшо
 самъ Великой Визирь Ашал-
 мукъ, орелъ — хранишель, ко-
 торый покрываетъ крылами
 своими Персію, какъ гнѣздо,
 и безпрестанно старается о
 ея благоденствіи. Для отдох-
 новенія послѣ трудовъ, спрѣ-
 ляетъ онъ здѣсь въ лѣсу съ
 вѣрнымъ своимъ Зеангиромъ.
 Какъ счастливъ эшошь Сек-
 ретарь, что служишь Визирю,
 который въ немъ души не
 слышитъ!... Постой, постой! —
 прервалъ другой вѣронъ: не
 выхваляй столько благополу-

чія Кашемиряннина. Правда, Ашалмукъ обходиться съ нимъ дружески, удоспоиваетъ его своей довѣренності, и я не сомнѣваюсь даже, чѣмъ онъ не имѣлъ въ виду дать ему хорошее мѣсто, но до того времени Зеангиръ умретъ съ голоду. Этимъ бѣднякъ живетъ въ наемномъ углу, гдѣ терпитъ крайній во всемъ недоспапокъ. Словомъ: онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и при Дворѣ ни кто того не примѣчаетъ. Великой Визирь не вздумаетъ спросить, хорошо ли ему, или худо, и, довольствуясь изъясненіемъ ему своей благодарности, оставляетъ его на жертву бѣдности.“

Тутъ я остано­вился, и
 ожидалъ, что скажетъ Гер-
 цогъ. Онъ спросилъ меня,
 улыбнувшись, какое впечат-
 лѣніе сдѣлала эта басня надъ
 Апалмукомъ, и не оскорбил-
 ся ли онъ дерзостью своего
 Секретаря.— „Нѣтъ, Мило-
 стивый Государь, отвѣчалъ
 я, смущившись нѣсколько отъ
 его вопроса, басня говоритъ
 прошивное: онъ осыпалъ его
 милостіями.“—Ну, счастливъ
 же этотъ Секретарь!—возра-
 зилъ Герцогъ съ важнымъ ви-
 домъ. Не всякой Министръ
 позволилъ бы дѣлать себѣ та-
 кія насшавленія. Но, приба-
 вилъ онъ, всшавая, Король
 скоро теперь проснется. Дол-

жностъ моя призываетъ меня къ нему.—Сказавъ сіи слова, пошелъ онъ скорыми шагами во Дворецъ, не говоря болѣе со мною, и, какъ мнѣ казалось, будучи весьма недоволенъ моею Индѣйскою баснею.

Я проводилъ его до дверей Королевской спальни; пошомъ опнесъ бумаги шуда, откуда ихъ взялъ, и вошелъ въ кабинетъ, въ кошоромъ шрудились оба наши Секретаря—переписчики; ибо они также были съ нами въ Эскуріалѣ.— „Что съ вами сдѣлалось, господинъ Саншиллана?—спросили они, увидѣвъ меня: вы перемѣнились въ лицѣ. Не случилось ли съ вами чего нибудь непріятнаго?“

Дурной успѣхъ басни столь-
 ко занималъ меня, что я не
 могъ скрыть отъ нихъ при-
 чины моей печали. Я расска-
 залъ имъ разговоръ мой съ
 Герцогомъ, и они показывали,
 что принимающъ участіе въ
 моемъ огорченіи.—„Вы не безъ
 причины печалились, сказалъ
 мнѣ одинъ изъ нихъ: дай Богъ,
 чтобъ не случилось съ вами
 того, что съ Секретаремъ
 Кардинала Спинозы! Этошъ
 Секретарь, наскучивъ пру-
 диться больше года даромъ
 для Его Преосвященства,
 принялъ однажды смѣлосшь
 предсавить ему свои нужды
 и просить сколько нибудь де-
 негъ на свое содержаніе.— Ты

правъ, сказалъ ему Министръ:
 надобно удовлетворишь тебя.
 Вошъ тебѣ—примолвилъ онъ,
 отдавая ему приказъ на вы-
 дачу тысячи червонныхъ—по-
 ди въ Казначейство: тамъ по-
 получишь эту сумму. Не забудь
 однакожь, что я теперь же
 съ тобою прощаюсь.— Секре-
 тарь не сожалѣлъ бы о сво-
 ей опсѣвкѣ, еслибъ выдали
 ему тысячу червонныхъ и по-
 зволили искать другаго мѣ-
 ста; но, лишь только вышелъ
 отъ Кардинала, какъ взявъ
 былъ подъ стражу Алгвази-
 ломъ и опведенъ въ Сегов-
 скую тюрьму, въ которой
 просидѣлъ долгое время.“

Этотъ анекдотъ настра-
 щалъ меня еще болѣе. Я по-
 читалъ себя погибшимъ; и,
 не могши утѣшиться, началъ
 упрекать себя за нетерпѣніе,
 какъ будто бы не былъ до-
 вольно терпѣливъ.— „Лукавой
 меня дернулъ, говорилъ я самъ
 себѣ, рассказать глупую бас-
 ню, которая не понравилась
 Министру! Можешь быть,
 онъ располагался уже извлечь
 меня изъ жалкаго состоянія,
 можешь быть даже, я былъ
 близокъ къ неожиданному сча-
 стію, которое всѣхъ бы уди-
 вило. Сколько богачства,
 сколько почестей выпустилъ
 изъ рукъ моимъ безуміемъ!
 Мнѣ должно было разсудить,

что есть вельможи, которые не любящъ, чтобъ ихъ предупреждали, а хощащъ, чтобъ и самыя бездѣлицы, которыя они даващъ обязаны, принимались опъ нихъ за великія милости. Гораздо бы лучше было, когда бы я продолжалъ поспитъся, не говоря ничего Герцогу, и умеръ бы съ голоду: тогда бы весь грѣхъ оспался на душѣ его.“

Если я имѣлъ еще сколько нибудь надежды, то Министръ, котораго увидѣлъ я послѣ обѣда, лишилъ меня ее совершенно. Онъ обошелся со мною прошивъ обыкновенія очень сухо, и почти не говорилъ ни слова; это причиняло мнѣ

цѣлый день смертельное без-
покойство. Ночь провелъ я
не лучше. Сожалѣніе, что ви-
жу пріятныя мои мечты из-
чезающими, и страхъ умно-
жить число государственныхъ
арестантовъ, позволяли мнѣ
только вздыхать и плакать.

Слѣдующій день былъ для
меня рѣшительный. Поутру
Герцогъ велѣлъ позвать меня
къ себѣ. Я вошелъ въ его
спальню съ бѣльшимъ препе-
ломъ, нежели преступникъ,
которому хотѣтъ объявить
приговоръ. „Саншиллана, ска-
залъ онъ мнѣ, подавая бума-
гу, которую держалъ въ ру-
кахъ, возьми это въ при-
казъ....“—При словѣ: приказъ;

я ужаснулся и сказалъ самъ себѣ : о Небо ! вошь живой Кардиналь Спиноза ! Повозка гошова ѣхашъ въ Сеговію ! — Спрахъ, объявшій меня въ сію минушу , былъ такъ великъ , что я прервалъ Министра , и, бросясь къ ногамъ его, сказалъ, обливаясь слезами: „Милоспивый Государь! съ сокрушеннымъ сердцемъ умоляю Вашу Свѣшлоспъ проспишъ мнѣ мою дерзоспъ: необходимости заспавила меня увѣдомишъ васъ о моей бѣдноспи.“

Герцогъ не могъ удержапъ-ся опъ смѣха, видя мое смущеніе.—„Успокойся, Жилблазъ, опвѣчалъ онъ , и выслушай меня. Хошя опкрывъ мнѣ свои

нужды, ты сдѣлалъ мнѣ уп-
рекъ за то, что я не пред-
упредилъ ихъ; но я охотно
прощаю тебя, другъ мой; а
досадую еще на самого себя,
что не спросилъ о твоёмъ
положеніи. Чтобы вознагра-
дить такое невниманіе, даю
тебѣ приказъ на выдачу ты-
сячи пятаковъ червонныхъ,
которыя тотчасъ получишь
изъ Казначейства. Это еще
не все: обещаю тебѣ каждый
годъ по столько же, и сверхъ
того, когда богатые и щед-
рые люди будутъ тебя о чемъ
просить, не запрещаю замол-
вить за нихъ у меня слово.“

Видя себя опять восхищенія,
въ конторѣ привели меня слова

сіи, я цѣловаль ноги Его
 Свѣшлости. Онъ приказаль
 мнѣ встать, и продолжалъ
 разговаривать со мной подру-
 жески. Я, съ моей стороны,
 старался было опять сдѣ-
 латься веселымъ; но не могъ
 перейти такъ скоро отъ пе-
 чали къ радости. Я былъ въ
 такомъ смущеніи, какъ не-
 счастливый, который въ ту
 самую минуту, когда смер-
 тельный ударъ ожидаетъ его,
 слышитъ себѣ помилованіе.
 Министръ приписываль все
 мое волненіе страху, что я
 прогнѣвилъ его, хотя страхъ
 вѣчнаго заключенія не менѣе
 въ томъ участвовалъ. Онъ
 признался, что пришеворился

нарочно холоднымъ ко мнѣ
 для того, чѣмъ увидѣшь,
 почувствую ли я такую пе-
 ремѣну; что по этому заклю-
 чаетъ о искренней моей къ
 нему привязанности, и что
 любишь меня теперь еще бо-
 лѣе прежняго.

ГЛАВА VII.

*На то употребилъ Жил-
 блазъ свои гербовцы; о
 первомъ дѣлѣ, за которое
 онъ взялся, и какая была
 ему отъ того выгода.*

Король, какъ будто бы же-
 лая угодишь моему неперпѣ-
 нію, на другой же день воз-
 вращился въ Мадридъ. Я по-

бѣжалъ потчасъ въ Казначей-
ство, и получилъ по приказу
деньги. Внимая только че-
столюбію и щеславію, оспа-
вилъ я каморку свою Секре-
тарямъ, которые не разумѣли
еще пшичьего языка, и на-
нялъ прежнюю кварширу; она,
по счастію, не была еще заня-
та. Послалъ за поршнымъ,
который шилъ почти на всѣхъ
пешиметровъ. Снявъ съ меня
мѣрку, пошелъ онъ со мною
къ одному купцу, у котораго
взялъ пять аршинъ сукна,
сколько, по словамъ его, на-
добно было мнѣ на плашье.
Пять аршинъ на Испанское
плашье! Боже мой!... Но что
полюбовашь объ этомъ? Во-

шедшіе въ славу поршные берущъ всегда болѣе, нежели прочіе. Потомъ купилъ я себѣ бѣлья, въ которомъ имѣлъ крайнюю нужду, шелковые чулки и пуховую шляпу съ широкимъ золотымъ позументомъ.

Какъ же послѣ эшаго обойтись мнѣ безъ слуги? Я просилъ хозяина моего, Винченца Фореро, сыскавъ мнѣ порядочнаго человѣка. Почти всѣ иносстранны, которые останавливались въ его домѣ, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Мадридъ, брали обыкновенно въ услуженіе Испанскихъ лакеевъ; а это и приносило труда шѣхъ, кои

были безъ мѣста. Первый, кошорый ко мнѣ явился, имѣлъ такой крошкой и набожной видъ, что я не хотѣлъ нанять его. Мнѣ показалось, что вижу Амброзія Ламелу.— „Я не люблю, сказалъ я Фореру, слугъ лицемеровъ: они ужь проучили меня.“

Лишь только оппустилъ я одного, какъ явился ко мнѣ другой. Этошъ былъ, какъ казалось, малой проворной, смѣлѣе придворнаго пажа, и при томъ немного плутовашъ. Онъ мнѣ понравился. Я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ; онъ отвѣчалъ на нихъ умно, и я замѣшилъ даже, что онъ

большой проныра; а тако-
 го мнѣ и надобно было.
 Я нанялъ его, и не имѣлъ
 причины раскаяваться: ибо
 скоро увидѣлъ, что сдѣлалъ
 великое приобрѣтеніе. Такъ
 какъ Герцогъ позволилъ мнѣ
 просить его за тѣхъ, копо-
 рымъ захочу оказать услугу,
 то я и вознамѣрился восполь-
 зоваться симъ позволеніемъ;
 мнѣ нужна была чужая со-
 бака для опысканія дичи,
 то есть, проворный и умный
 малой, который бы находилъ
 и представлялъ ко мнѣ лю-
 дей, имѣющихъ нужду въ ми-
 лостяхъ перваго Министра.
 Это было настоящее дѣло
 Сципіона (такъ звали моего

служу). Онъ опошелъ опъ
Донны Анны де Гвевары, кор-
милицы Наслѣднаго Принца,
у которой съ успѣхомъ за-
нимался подобными дѣлами.

Какъ скоро я далъ знать
Сципіону, что имѣю довѣріе
при Дворѣ, и что хотѣлось
бы мнѣ имъ воспользоваться,
то онъ отправился на про-
мыселъ, и въ тотъ же день
сказалъ мнѣ: „Я сдѣлалъ, су-
дарь, прекрасное открытіе.
Недавно пріѣхалъ сюда моло-
дой Гренадской дворянинъ, по
имени Донъ Рожеръ де Рада.
Одно дѣло, касающееся до его
чести, заспабляетъ его ис-
кашь покровительства Гер-
цога Лермы; онъ заплашистъ

щедро тому, кто ему въ семъ
случаѣ поможетъ. Я говорилъ
съ нимъ. Онъ хотѣлъ было
обратиться къ Дону Родри-
гецу Кальдерону, котораго си-
лу и довѣренность ему вы-
хваляли; но я объяснилъ ему,
что этоиъ Секретарь про-
даетъ услуги свои очень до-
рого, между тѣмъ, какъ вы
довольствуетесь въ такихъ
случаяхъ самыми умѣренны-
ми знаками благодарности;
что даже дѣлали бы добро и
безъ всякой мзды, еслибъ со-
стояніе ваше позволяло вамъ
слѣдовать врожденному по-
бужденію къ великодушію и
безкорыстію. Словомъ, я
столько наговорилъ ему объ

васъ, что онъ завтра поутру
 явится къ вамъ съ прось-
 бою.“—Какъ, господинъ Сци-
 піонъ? сказалъ я ему, ты уже
 успѣлъ кое-что сработать!
 Вижу, что ты дѣшина опыт-
 ный. Дивлюсь, какъ ты до
 сихъ поръ еще не разбогатѣлъ.—
 „Удивляться нечему, сударь,
 отвѣчалъ онъ: я люблю пу-
 скать деньги въ оборотъ; а
 копить ихъ не мое дѣло.“

Донъ Рожеръ де Рада дѣй-
 ствительно пришелъ ко мнѣ.
 Я принялъ его съ надменною
 учтивостью.—„Господинъ ка-
 валеръ, сказалъ я ему, преже-
 де, нежели дамъ слово слу-
 жишь вамъ, должно мнѣ знать
 дѣло, которое понудило васъ

прибѣгнутьъ ко Двору: ибо оно
 можешъ бытъ и таково, что
 я не осмѣлюсь просить за
 васъ перваго Министра. И
 такъ извольте разсказать обо
 всемъ подробно, и будите увѣ-
 рены, что я всшуплюсь за
 васъ со всемъ усердіемъ, если
 честному человѣку можно при-
 нятъ въ вашемъ дѣлѣ уча-
 стіе.—Съ охотою, отвѣчалъ
 молодой Гренадецъ: я расска-
 жу вамъ чистосердечно свои
 приключенія.— Тутъ началъ
 онъ говорить слѣдующимъ
 образомъ.

ГЛАВА VIII.

*Исторія Дона Рожера
де Рады.*

Донъ Анаспасіо де Рада, дворянинъ Гренадской, жилъ счастливо въ городъ Аншекверъ, съ женою своею, Донною Эсшефанією, кошорая съ швердыми правилами добродѣтели соединяла крошкой нравъ и необыкновенную красоту. Любя нѣжно своего супруга, она была и имъ любима спрассно. Донъ Анаспасіо былъ ошъ природы склоненъ къ ревности; и хощя не имѣлъ никакой причины сомнѣваться въ вѣрности жены своей,

однакожь не былъ съ этой
 спороны совершенно покоенъ.
 Опасаясь, чшобъ какой нибудь
 тайный врагъ его спокойствія
 не покусился на честь его,
 недовѣрялъ онъ никому изъ
 друзей своихъ, кромѣ Дона
 Губерто Гордалеца, которъй,
 какъ двоюродный братъ Эс-
 пифаніи, приходилъ въ домъ
 къ нему, когда хопѣлъ, и
 котораго одного только дол-
 женъ бы онъ былъ остере-
 гаться.

Донъ Губерто влюбился въ
 сестру свою и осмѣлился въ
 томъ ей признаться, не смо-
 тря ни на родственную связь
 ихъ между собою, ни на ис-
 креннюю дружбу, которую

имѣлъ къ нему Донъ Анаста-
сію. Донна Эстефанія, по бла-
горазумію своему, вмѣсто по-
го, чшобы открыть мужу
споль гнусный поступокъ,
опъ котораго могли бы про-
изойши непріятныя послѣд-
ствія, спала выговаривать
своему родственику съ кро-
посью, представила ему,
сколь много грѣшилъ онъ,
желая соблазнить ее и обез-
чешить ея мужа, и наконецъ
сказала съ важнымъ видомъ,
чшобъ онъ не льстилъ себя
надеждою успѣшь въ своемъ
предпріятіи.

Это еще болѣе воспламени-
ло Дона Губерто. Воображая,
чшо женщину съ такимъ ха-

рактеромъ надобно вывеспи
изъ терпѣнія, началъ онъ об-
ходишься съ нею безъ уваже-
нія, и осмѣлился однажды
насильно требовашь удовле-
творенія своихъ желаній. Она
опшолкнула его съ гнѣвомъ, и
грозила, что принудишь Дона
Анаспасіо наказашъ его за дер-
зоспъ. Любовникъ, усшрашен-
ный угрозами, обѣщашъ не гово-
ришь болѣе о любви; а Эсшефа-
нія, въ надеждѣ на его обѣща-
ніе, проспила ему прошедшее.

Донъ Губерто былъ чело-
вѣкъ самага злаго сердца.
Видя спраспъ свою споль-
худо награжденною, почув-
спвовашъ низкое желаніе опо-
мспишь за шо. Онъ зналъ;

что Донъ Анастасіо чрезвычайно ревнивъ, и что легко можно оклеветать предъ нимъ жену его; а эшаго уже и довольно было для произведенія въ дѣйство самаго гнуснаго намѣренія, къ какому только злодѣй можетъ быть способенъ. Однажды вечеромъ, прогуливаясь съ симъ легковѣрнымъ мужемъ, онъ сказалъ ему съ печальнымъ видомъ: „Любезный другъ, не могу жить долѣе, не открывъ тебѣ тайны, о кошорой никогда бы ты отъ меня не услышалъ, если бы я не зналъ, что честъ для тебя дороже самаго спокойствія. Общая наша съ тобою чувствитель-

ностъ къ оскорбленіямъ не позволяешъ мнѣ шайшь ошъ тебя. Итого, что происходишь въ швоемъ домѣ. Приготовься услышатъ новостъ, кошо-рая причинишь тебѣ споль-ко же горести, сколько и удивленія. Я поражу тебя въ самое нѣжное мѣсто.“—

—Понимаю, прервалъ Донъ Анаспасіо въ крайнемъ смущеніи, сеспра швоя мнѣ не вѣрна.— „Она мнѣ болѣе не сеспра, опешчалъ Донъ Гор-далецъ съ жаромъ. Не хочу объ ней и слышать. Она недоспойна бышь швоею же-ною.“—Не мучь меня долѣе!—вскричалъ Донъ Анаспасіо: говори, что сдѣлала Эстефа-

нія?—„Измѣнила тебѣ. У тебѣ есть соперникъ, съ копорымъ имѣешь она тайныя свиданія. Кто онъ таковъ, я не знаю; ибо прелюбодѣй, при помощи темной ночи, скрылся отъ глазъ твоихъ, которые за нимъ присматривали. Тебя обманываютъ: вопъ все, что я знаю, и въ чемъ твердо увѣренъ. Учасіе, которое я долженъ принимать въ этомъ дѣлѣ, не позволяешь тебѣ сомнѣваться въ истинѣ словъ моихъ. Когда я обвиняю Эстефанію, то конечно уже твердо убѣжденъ въ ея невѣрности.“

„Напрасно—продолжалъ онъ, примѣчая, что слова его про-

изводяшъ желаемое дѣйствіе—
 напрасно говоришъ тебѣ бо-
 лѣе. Вижу, что неблагодар-
 носшь, копорою осмѣливающ-
 ся плашишъ за любовь твою,
 раздражаешъ себя, и что ты
 помышляешъ о праведномъ
 мщеніи. Я тому не воспро-
 шивлюсь. Не смотри на то,
 какую жертву поразишъ ты
 долженъ; покажи всему горо-
 ду, что для сохраненія своей
 чести ты на все рѣшишься.“

Такимъ образомъ вѣролом-
 ный Донъ Губершо раздра-
 жалъ легковѣрнаго мужа про-
 шивъ невинной супруги; пред-
 ставилъ ему столько живо без-
 славіе, которое покроешь его
 навѣки, если онъ оставишь

обиду безъ наказанія, что привелъ его въ ярость. Донъ Анаспасіо теряетъ разсудокъ; казалось, фуріи имъ овладѣли. Онъ возвращается домой въ намѣреніи заколотъ несчастную свою супругу. Она только что хотѣла ложиться въ постелью, когда онъ вошелъ. Сначала онъ преодолѣлъ себя, и дожидался, чтобъ вышли служишели. Тогда ни что его уже не удерживало: ни страхъ гнѣва Божія, ни безславіе, какое нанесетъ чѣстной фамиліи, ни даже врожденное соспраданіе къ шестимѣсячному младенцу, котораго жена его носила подъ сердцемъ; онъ приблизился къ жертвѣ

своей и сказалъ яроспнымъ
голосомъ: „Ты должна погиб-
нуть, непотребная! Тебѣ ос-
таеиця жишь не болѣе ми-
нушы: проси у Бога проще-
нія за поношеніе, которое на-
несла мнѣ. Я не хочу, чшобъ
ты погубила свою душу
такъ какъ потеряла честь.“

При сихъ словахъ онъ вы-
хвaшилъ кинжалъ. Эсшефанія
испугалась, бросилась къ но-
гамъ его и, поднявъ вверху
руки, сказала ему въ изум-
леніи: „Чшо вы дѣлаете?
Чѣмъ имѣла я несчастіе раз-
дражишь васъ и доведши до
такой крайности? За чшо
хотише вы лишить жизни
жену вашу? Вы заблуждаешесь,

если подозрѣваете ее въ не-
вѣрности.“—

—Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ
ревнивецъ: я очень увѣренъ въ
твоей измѣнѣ! Досповѣрные
люди меня о томъ уведомили.
Донъ Губерто....— „Ахъ, су-
дарь! прервала она поспѣшно,
не полагайшесь на слова Дона
Губерто. Онъ обманываетъ
васъ своею дружбою, и если
сказалъ вамъ что нибудь пред-
осудительное о моей добродѣ-
тели, не вѣрьте ему.“—Мол-
чи, безстыдница! Желая очер-
нить Гордалеца, ты еще бо-
лѣе увеличиваешь мои подо-
зрѣнія. Спараешься поселишь
во мнѣ недоувѣрчивость къ
своему родственнику, пошому

что дурное твое поведеніе
 ему извѣстно; но хитрость
 твоя бесполезна, и усугуб-
 ляешь желаніе мое наказанъ
 тебя.— „Любезный супругъ!
 —оправдана невинная Эсфефа-
 нія, обливаясь слезами—спра-
 шившись вашего безразсуднаго
 гнѣва! Предавшись его спре-
 мленію, вы сдѣлаете то, въ
 чемъ не утѣшились и тогда,
 когда признаете свою неспра-
 ведливостъ. Ради Бога, удержитесь! По крайней мѣрѣ
 удостовѣрьтесь прежде въ
 своихъ подозрѣніяхъ! Вы са-
 ми тогда оправдаете ту, ко-
 торая ни въ чемъ не винов-
 ата.“

Всякаго другаго на мѣстѣ
 Дона Анастасіо пронули бы
 слова сіи, а еще болѣе печаль
 Эсшефаніи; но жестокой не
 только не смягчился, но ска-
 залъ ей впорично, чшобъ она
 поручала скорѣе душу свою
 Богу, и поднйалъ уже на нее
 руку.— „Посшой, варваръ!—
 вскричала она. Если любовь
 швоя ко мнѣ совсемъ пога-
 сла, если знаки нѣжності,
 копорые я тебѣ оказывала,
 вовсе изгладились изъ швоей
 памяти, если слезы мои не
 могушъ опвраишъ тебѣ опъ
 гнуснаго швоего намѣренія,
 то пощади по крайней мѣрѣ
 собшвенную кровь свою. Не
 поднимай яростной руки швоей

на невинное швореніе, кошорое еще не увидѣло свѣша. Сдѣлавшись его убійцею, ты раздражишь небо и землю. Я прощаю тебѣ смерть мою, но, будь увѣренъ, что смерть младенца потребуетъ мщенія.“

Хотя швердо рѣшился Донъ Анастасію не обращать никакого вниманія на слова и слезы Эсшефаніи, однакожь ужасная картина, копорою заключила она прогашельныя свои убѣжденія, поколебала его. Опасаясь, чшобъ эшо не попустило его мщенія, поспѣшилъ онъ воспользоваться ошпашкомъ яросши, и вонзилъ кинжалъ въ правый бокъ женѣ

своей. Она упала. Почишая ее умершею, въ ту же минуту вышелъ онъ изъ дому и скрылся изъ Аншекверы.

Между тѣмъ несчастная, лишившись чувствъ отъ нанесеннаго ей удара, пролежала нѣсколько минутъ безъ дыханія. Потомъ, пришедъ въ себя, начала такъ громко стонашь и плакать, что старая ея горничная проснулась и поспѣхъ къ ней прибѣжала. Какъ скоро добрая спарушка увидѣла госпожу свою въ такомъ жалкомъ положеніи, то подняла крикъ, который разбудилъ прочихъ служителей, и даже ближнихъ сосѣдей. Комната вскорѣ наполнилась

людьми. Призвали хирурговъ;
они осмошрѣли рану, и объ-
явили, что она не опасна.
Въ самомъ дѣлѣ Эстефанія
скоро выздоровѣла, и спустя
три мѣсяца послѣ сего пла-
чевнаго приключенія, благопо-
лучно разрѣшилась сыномъ.
Эшаго сына, господинъ Жил-
базъ, вы видите передъ со-
бою.

Злословіе, нещадящее и са-
мыхъ добродѣтельныхъ жен-
щинъ, не осмѣлилось однакожь
коснуться моей матери: всѣ
почитали описанную выше
кровавую сцену дѣйствіемъ
безумной ревности. Всѣ знали,
что отецъ мой жестокъ и
недовѣрчивъ. Гордалецъ дога-

дывался, что Эсшефанія по-
 дозрѣвала его, какъ единствен-
 наго виновника своего несча-
 стія, и довольствуясь тѣмъ,
 что опомсшилъ ей хопя въ
 половину, переспалъ посѣщая
 домъ нашъ. Чтобы не наску-
 чишь вамъ, господинъ Жил-
 блазъ, я не буду распроспра-
 няться о моемъ воспитаніи;
 скажу только, что мать моя
 старалась болѣе всего на-
 учишь меня фехтованью, и
 что я долгое время учился у
 славнѣйшихъ Гренадскихъ и
 Севильскихъ фехтмейстеровъ.
 Она съ нетерпѣніемъ ожида-
 ла времени, когда достигну
 я тѣхъ лѣтъ, которыя по-
 зволяли бы мнѣ вызвать на

поединокъ Дона Губерно; ибо прежде не хотѣла открытъ мнѣ причины своей къ нему ненависти. Наконецъ мнѣ минуло осьмнадцать лѣтъ. Она рассказала обо всемъ со слезами и съ чувствомъ живѣйшей горести. Какого впечатлѣнія не произведутъ мажоринскія жалобы въ душѣ опажнаго и чувствительнаго сына! Я тотчасъ ошылъ Гордалеца; предложилъ ему вызовъ, назначилъ мѣсто поединка, и, послѣ довольно продолжительнаго сраженія, тремя ударами шпаги повергъ его на землю.

Донъ Губерно, чувствуя себя смертельно раненымъ,

успремилъ на меня послѣдніе
 взоры свои, и сказалъ, что
 принимаешъ смерть отъ рукъ
 моихъ не иначе, какъ пра-
 ведное наказаніе за оскорбле-
 ніе, нанесенное чести моей
 матери. Онъ признался, что
 искалъ ея гибели только
 для того, чтобы отомстить
 за ея къ нему суровость, и,
 прося за свое преступленіе
 прощенія у Бога, Дона Ана-
 сшасіо, Эсшефани и у меня,
 выпустилъ духъ. Я не рассу-
 дилъ возвращаться домой и
 увѣдомлять мать мою о слѣд-
 ствіяхъ поединка: предоспа-
 вилъ это молвъ, и, перепра-
 вясь черезъ горы въ Малагу,
 пустился въ море съ однимъ

армашоромъ, выходявшимъ изъ гавани для поисковъ. Я показался ему человекомъ не робкаго десятишка, почему онъ охотно принялъ меня въ число удалцовъ, копорые находились на его суднѣ.

Мы скоро имѣли случай опличишья. Недалеко отъ острова Албурана встрѣшилъ насъ Алжирской корсаръ изъ Меллилы; онъ возвращался къ берегамъ Африки съ богато нагруженнымъ Испанскимъ судномъ, копорое захватилъ въ Карфагенскомъ заливѣ. Мужественно напали мы на Африканца, и завладѣли обоими его кораблями. Изъ нихъ было восемьдесятъ че-

ловѣкъ Христіянъ, копорыхъ
везъ онъ въ Варварію. По
окончаніи сраженія, пользуясь
благопріятнымъ въпромъ для
доспихенія Гренадскихъ бе-
реговъ, въ короткое время
прибыли мы въ Пуншу де
Гелена.

Разспрашивая освобожден-
ныхъ нами невольниковъ, оп-
куда каждый изъ нихъ ро-
домъ, сдѣлалъ я между про-
чимъ такой же вопросъ че-
ловѣку пріятной наружности,
копорый, казалось, былъ уже
лѣтъ пятидесяти.—„Изъ Ан-
шекверы“—опвѣчалъ онъ мнѣ
со вздохомъ. Его опвѣтъ, не
знаю, опъ чего, меня пронулъ.
Примѣтивъ это, пришелъ онъ

въ смущеніе.— „И я опшуда
же ; позвольте узнатьъ вашу
фамилію?“—Ахъ! опвѣчалъ онъ,
вы возобновляете скорбь мою,
пребуя , чшобъ я удовлешво-
рилъ ваше любопытство. То-
му осьмнадцать лѣтъ , какъ
оспавилъ я Аншекверу , гдѣ ,
конечно, воспоминають обо мнѣ
съ ужасомъ. Можеть быть ,
и вы много обо мнѣ слыхали.
Меня зовутъ Донъ Анаспасіо
де Рада.— „Праведное Небо !
вскричалъ я. Вѣришь ли по-
му , что слышу ? Какъ ! вы
Донъ Анаспасіо , вы отецъ
мой?“—Что вы говорише, мо-
лодой человѣкъ ?—возразилъ
онъ, смотря на меня съ уди-
вленіемъ: не ужъ ли вы шопъ

несчастный младенецъ, ко-
 рый былъ еще въ 'ушробѣ ма-
 тери, когда я принесъ ее въ
 жертву моей ярости?—„Такъ,
 отецъ мой, я шотъ самый, ко-
 тораго произвела на свѣтъ до-
 бродѣтельная Эсπεфанія черезъ
 три мѣсяца послѣ несчастной
 ночи, въ которую вы остави-
 ли ее плавающую въ крови.“

Едва успѣлъ я выговоришь
 слова сіи, какъ Донъ Анаста-
 сіо бросился ко мнѣ на шею,
 прижалъ меня къ груди своей,
 и цѣлую четверть часа вздо-
 хи его и слезы мѣшались съ
 моими. Послѣ первыхъ вос-
 торговъ, которые споль не-
 ожиданное свиданіе должно бы-
 ло произвести въ насъ, отецъ

мой возвелъ къ небу глаза ,
 для принесенія ему благодар-
 ности за спасеніе Эстефаніи-
 ной жизни ; но минушу спус-
 сся, какъ будто бы опасаясь,
 не напрасно ли еще благода-
 рилъ Провидѣніе , спросилъ
 меня , какимъ образомъ оп-
 крылась невинность жены
 его?— „Никто , кромѣ васъ ,
 бапюшка, и не сомнѣвался въ
 томъ, отвѣчалъ я. Поведеніе
 моей матери было всегда без-
 порочно. Я долженъ вывести
 васъ изъ заблужденія. Знайте,
 что Донъ Губерто обманулъ
 васъ.“—Тутъ я рассказалъ ему
 все, что сдѣлалъ этошъ въ-
 рломный родственникъ, какъ
 былъ онъ мною наказанъ , и

въ чемъ признался мнѣ, умирая.

Это извѣстіе обрадовало отца моего гораздо болѣе, нежели самое возвращеніе свободы. Въ восторгъ принялся онъ снова обнимать меня, и всячески старался выразить, сколько былъ доволенъ мною. — „Поспѣшимъ, сынъ мой, сказалъ онъ, поспѣшимъ оправдаться въ Антекверу: я горю неперпѣніемъ броситься къ ногамъ супруги, съ кою рою поступилъ такъ жестоко. Съ той минуты, какъ я узналъ отъ тебя о моей несправедливости, сердце мое терзается раскаяніемъ.“

Желая самъ, какъ можно скорѣе, соединишь опять двухъ особъ, столь для меня драгоценныхъ, могъ ли я откла- дывать далѣе сладостную ми- нушу ихъ свиданія? Я оста- вилъ арматора, и на деньги, доспавшіяся на мою долю изъ полученной добычи, купилъ въ Адрѣ двухъ муловъ, попо- му что отецъ мой не хотѣлъ болѣе подвергаться опасно- стямъ морскаго путешествія. Дорогою, имѣлъ онъ довольно времени разсказать мнѣ всѣ свои приключенія, копорыя слушалъ я съ такимъ жад- нымъ вниманіемъ, съ какимъ слушалъ юный Князь Ишаки повѣствованіе Царя, своего

родишеля. Наконецъ , чрезъ нѣсколько дней, добрались мы до подошвы горы, самой ближайшей опѣ Аншекверы , и шамъ остановились. Чѣмъ насъ не замѣшили , въѣхали мы въ городъ въ самую полночь.

Представьте себѣ изумленіе моей мащери, когда увидѣла она мужа, съ которымъ, казалось, разлучилась навѣки; а чудесный случай, возвратившій его , еще болѣе оное увеличилъ. Онъ просилъ у ней прощенія въ своей жестоко-сти съ такимъ раскаяніемъ, что она не могла не тронуться имъ. Въмѣсто того, чтобы по-чищать его своимъ убійцею ,

она видѣла въ немъ чловѣка,
 котораго власши ввѣрило ее
 Провидѣніе: такъ священо
 имя супруга для добродѣшель-
 ной женщины! Эсшефанія
 сполько обо мнѣ печалилась,
 что возвращеніе мое привело
 ее въ восхищеніе. Однакожь
 радость ея была возмущаема
 опасеніемъ. Одна изъ сесеръ
 Гордалеца подала просьбу на
 убійцу своего брата, и разо-
 слала повсюду людей искашь
 меня. И такъ мать моя, не
 видя для меня безопасности
 въ нашемъ домѣ, не могла
 бытъ спокойна. Это побудило
 меня въ пуже самую ночь
 ѣхать ко Двору, просишь се-
 бѣ прощенія; и я надѣюсь по-

лучишь его, если вы, Милоспивый Государь, примете на себя трудъ ходатайствовать о томъ у перваго Министра, и употребить весь вашъ кредитъ въ мою пользу.

Такъ храбрый сынъ Дона Анастасіо заключилъ свою испорію. Я сказалъ ему съ важнымъ видомъ: „Довольно, Донъ Рожеръ; вина ваша, какъ мнѣ кажется, заслуживаетъ прощеніе. Я беру на себя доложить о вашемъ дѣлѣ Его Свѣшлости, и смѣло обещаю вамъ его покровительство.“ — Тутъ Гренадецъ наговорилъ мнѣ шьму благодарностей, копорья вошли бы мнѣ въ одно ухо, а въ другое вышли,

еслибъ онъ не увѣрилъ меня,
 что вслѣдъ за моею услугою
 послѣдуетъ и его признашель-
 ность. Но едва онъ тронулъ
 эту чувствительную струну,
 я тотчасъ принялся дѣйстви-
 тельно. Герцогъ, которому въ
 тотъ же день разсказалъ я
 эту исторію, позволилъ мнѣ
 представить къ нему кавале-
 ра. — Донъ Рожеръ, сказалъ
 онъ, дѣло, которое привело
 васъ ко двору, мнѣ извѣстно.
 Саншиллана объяснилъ мнѣ
 всѣ обстоятельства. Будете
 спокойны. Поступокъ вашъ
 весьма извинителенъ; и Его
 Величество охотно всего
 прощаетъ кавалеровъ, кото-
 рые мстятъ за оскорбленіе

чесши. Для виду только надобно посадить васъ въ пюрму; но будьте увѣрены, что не долго шамъ останетесь. Вы имѣете въ Саншилланѣ друга, который обо всемъ позаботится: онъ скоро освободитъ васъ.“

Донъ Рожеръ очень низко поклонился Миниспру и добровольно пошелъ въ пюрму. Я выхлопоталъ ему милосливый указъ, и дней черезъ десять отправилъ эшаго новаго Телемака къ его Улиссу и Пенелопѣ. Безъ моего покровительсва выси-дѣлъ бы онъ и не одинъ годъ въ заключеніи. За труды доспалось мнѣ только сто пи-

сполой. Правду сказать, на-
жива не велика; но я еще не
Кальдеронъ, чтобы презирашь
малое.

~~~~~
ГЛАВА IX.

*Какимъ образомъ разбо-
гатѣлъ Жилбазъ въ ко-
роткое время, и какъ на-
чалъ вести себя.*

Эпо дѣло меня разлакоми-
ло, а десяти пистолей, дан-
ныя мною Сципіону за его
маклерство, побудили его къ
дальнѣйшимъ поискамъ. Я
хвалилъ его способности, и
по всей справедливости мож-

но было назвасть его великимъ
Сципіономъ. Впорой приве-
денный имъ ко мнѣ проси-
тель былъ шипографщикъ,
издапель рыцарскихъ рома-
новъ, разбогашѣвшій вопреки
здравому разсудку. Эшопъ
шипографщикъ перепечатаель
книгу одного изъ своихъ по-
варищей, за что изданіе его
было конфисковано. Поживив-
шись преля сшами червон-
ныхъ, я высвободиль экзем-
пляръ изъ - подъ запрещенія,
а его самага избавиль опъ
значишельнаго взысканія. Хо-
шя шакое дѣло и не принад-
лежало до Министра, одна-
кожъ Его Свѣшлость, по просъ-
бѣ моей, согласился употре-

бишь власть свою въ пользу
 шипографщика. Послѣ эшаго
 попался мнѣ въ руки купецъ.
 Вошъ въ чемъ состояла его
 прешензія : одно Португаль-
 ское судно взято было Вар-
 варійскимъ морскимъ разбой-
 никомъ, а онъ него перехваче-
 но армапоромъ изъ Кадикса.
 Двѣ преша шоваровъ, нахо-
 дившихся на эшомъ суднѣ,
 принадлежали одному Лисса-
 бонскому купцу, который, при
 всѣхъ своихъ стараніяхъ, не
 могши доспастъ ихъ назадъ,
 пріѣхалъ къ Испанскому Дво-
 ру искашь покровишеля, ко-
 торый бы пособилъ ему воз-
 врашишь оныя. Я принялъ
 въ его дѣлѣ учасшіе, и онъ

получилъ обратно свои вещи
за чешыреша пистолей.

Мнѣ кажется, будто слы-
шу я восклицаніе чипашеля:
„Смѣлѣе, господинъ Саншил-
лана! Куй желѣзо, пока горя-
чо! Ты теперь на хорошей
дорогѣ; не выпускай изъ рукъ
счастья!“—О! не безпокойтесь:
не прозѣваю.—Ба! вопѣ и слу-
га мой, если не обманываюсь;
да онъ еще кого — то подцѣ-
пилъ! Точно: это Сципіонъ.
Послушаемъ его.—„Позвольте,
сударь, предсказать вамъ
эшаго славнаго операшора.
Онъ проситъ исключитель-
ной привиллегіи на продажу,
въ печеніи десяти лѣтъ, ме-
дикаментовъ своихъ во всѣхъ

городахъ Испанской Монархіи;
 то есть, чѣмъ никто изъ
 его поварихъ не смѣлъ появ-
 лялся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ
 онъ будетъ имѣть практику.
 Въ знакъ благодарности даетъ
 онъ двѣсти писмолей тому,
 кто выпроситъ ему эту при-
 виллегію. — Спупай, дружокъ,
 сказалъ я шарлапану съ ви-
 домъ покровителя: все бу-
 детъ сдѣлано. — И дѣйствитель-
 нельно, нѣсколько дней спу-
 ская, отправилъ я его съ па-
 пенномъ, которымъ позволя-
 лось ему исключительненько об-
 манывать народъ во всѣхъ
 Королевствахъ Испаніи.

Чѣмъ болѣе я наживался,
 тѣмъ болѣе возрастала во

мнѣ жадность къ прибытку.
 Выпросишь у Его Свѣшлости
 упомянутыя выше чешыре ми-
 лости споль малаго труда
 мнѣ спойло, что я не поко-
 лебался присшупишь къ не-
 му и въ пяшый разъ. Надо-
 бно было исходашайствовашъ
 Губернашорство въ городъ
 Веръ, что на берегахъ Гре-
 надскихъ, для одного Кава-
 лера Калаправы, кошорый
 обѣщаль мнѣ за шо тысячу
 писполей. Министръ началъ
 смѣяшся, видя, что я шакъ
 падокъ ко взяшкамъ.— „Ну,
 другъ мой Жилблазъ, сказалъ
 онъ мнѣ, какъ ты проворенъ!
 Ты большой охотникъ одол-
 жать ближняго. Послушай:

въ дѣлахъ маловажныхъ я не
 спану входишь въ расчеты
 съ побою; но, когда ты бу-
 дешь просить о Губернапор-
 сѣвахъ или о другихъ какихъ
 нибудь значительныхъ мѣ-
 ссахъ, то будь доволенъ по-
 ловиною барыша, а другую
 побереги для меня. Ты не мо-
 жешь себѣ предсказать, про-
 должалъ онъ, какіе у меня
 ужасные расходы, и сколько
 пособій нужно для содержа-
 нія себя сообразно съ моимъ
 званіемъ; ибо, не смотря на
 личину безкорыстія, копорую
 принимаю я въ глазахъ пу-
 блики, признаюсь, я не такъ
 глупъ, чшобы захотѣлъ раз-
 строить собственныя дѣла

мои. Располагай по этому своими поступками.“

Сими словами, избавляя меня боязни наскучить ему, или лучше сказать, побуждая меня къ новымъ попыткамъ, онъ поселилъ во мнѣ еще болѣе жадности къ богатству. Я охотно велѣлъ бы тогда прибѣгнуть на всѣхъ перекресткахъ объявленія, чшобы желающіе получить какую нибудь милость отъ Двора являлись ко мнѣ. Мы съ Сципіономъ были въ безпрестанной работѣ: я только о томъ и думалъ, чшобы услужить кому нибудь за деньги. Калатравской Кавалеръ получилъ Губернашорство въ Верѣ за

тысячу пистолей; скоро потомъ выхлопошалъ я такое же мѣсто и за такую же цѣну одному Кавалеру Св. Іакова. Жалованъ въ Губернапоры показалось мнѣ еще не довольно. Я раздавалъ ордена, и перекрестилъ нѣсколько честныхъ мѣщанъ въ плохіе дворяне. Мнѣ хошѣлось также, чѣмъ и духовенство возчувствовало мои благодаренія: я опредѣлилъ многихъ въ приходскіе Священники, въ Каноники и другія духовныя званія. Чѣмъ касается до Епископства и Архіепископства, то раздавалъ имъ былъ Донъ Родригесъ Кальдеронъ. Отъ него же зависѣло назна-

ченіе въ Судьи, Командоры и Вицери. Должно предполагать, что высшія мѣста заняты были не лучше низшихъ; ибо всѣ тѣ, которыми продавали мы споль честнымъ образомъ разныя должности, не всегда были люди съ отличными способностями и самой строгой нравственности. Намъ извѣстно было, что насмѣшники Мадридскіе забавлялись на нашъ счетъ; но мы походили на скупцовъ, которые выносятъ всеобщія ругательства, любясь только на свое золото.

Исократъ справедливо называетъ невоздержаніе и дурачество неразлучными спут-

никами богачей. Когда я уви-
 дѣлъ себя господиномъ шри-
 цаши тысячъ червонныхъ, и
 былъ въ состояніи нажишь
 еще, можешь бышь, вдесяте-
 ро болѣе, то вздумалъ пред-
 ставлять фигуру, достойную
 наперсника перваго Министра.
 Я нанялъ цѣлый домъ и уб-
 ралъ его богато; купилъ ка-
 рету у одного Прокурора,
 который завелъ ее изъ хва-
 сповства, а старался сбыть
 съ рукъ по совѣту своего
 булочника. Нанялъ кучера и
 прехъ лакеевъ; а какъ спра-
 ведливостъ пребудешь награ-
 ждаешь усердіе старыхъ слу-
 живцевъ, то я пожаловалъ
 Сципіона камердинеромъ, се-

крешаремъ и управителемъ. Но вотъ что совершенно вскружило мнѣ голову: Министръ позволилъ людямъ моимъ носить его ливрею. Опъ эшаго лишился я и остальнаго разсудка. Безумствомъ своимъ походилъ я на учениковъ Порція Лапрона, которые, слишкомъ напившись пмину и поблѣднѣвъ также, какъ ихъ учишель, воображали, что они столь же ученые, какъ и онъ. Дѣло дошло до того, что я чуть было не почелъ себя родственникомъ Герцога Лермы. По крайней мѣрѣ забралъ себѣ въ голову, что прослышу однимъ изъ побочныхъ сыновей его; это чрезвычайно льстило моему честолюбію.

Прибавьше къ этому, что, по примѣру Его Свѣшлости, я также рѣшился держа въ открытой сполѣ, и поручилъ Сципіону сыскавъ мнѣ искуснаго повара. Онъ нашелъ шакого, котораго можно было сравнить съ поваромъ, лакомой памяти, Номеншана. Я наполнилъ свой погребъ лучшими винами, и запасшись прочими пошребностями, началъ принимать гостей. Каждый вечеръ ужинали у меня нѣкоторые изъ главныхъ приказныхъ Министра, которые съ гордостью выдавали себя за Государственныхъ Секретарей. Я угощалъ ихъ самыми вкусными блюдами, и они

всегда разсѣивались со мною,
 порядочно подгулявши. Сци-
 піонъ, съ своей стороны, (ка-
 ковъ господинъ, таковъ и слу-
 га) имѣлъ также свой столъ
 въ буфетной, и подчивалъ
 шамъ на мой счетъ своихъ
 пріятелей. Я любилъ эшаго
 малова; а припомъ, ежели
 онъ помогалъ мнѣ доставать
 деньги, то, конечно, былъ въ
 правѣ помогать мнѣ и про-
 живать ихъ. Впрочемъ, на
 сію распочишельность смош-
 рѣлъ я, какъ молодой чело-
 вѣкъ, и не примѣчалъ, какой
 вредъ она мнѣ причиняетъ.
 Другая еще причина не по-
 зволяла мнѣ объ этомъ забо-
 титься: чины и мѣста не

переспавали набивать мои карманы. Казна моя день ото дня увеличивалась. Я воображалъ, что вколошилъ гвоздь въ колесо счастья.

Тщеславію моему недоставало только того, чтобы Фабрицій былъ свидѣтелемъ моей роскошной жизни. Я не сомнѣвался о возвращеніи его изъ Андалузїи, и желая имѣть удовольствіе изумить его, послалъ къ нему безименную записку, копорою извѣщалъ моего друга, что одинъ Сицилійской дворянинъ, хорошій ему прїятель, ожидаетъ его къ себѣ ужинавъ. Я назначилъ день, часъ и мѣсто, куда ему придти, по естъ,

ко мнѣ въ домъ. Нуннецъ при-
 ходишь, и чрезвычайно удив-
 ляешься, узнавъ, что я пошъ
 чужестранный господинъ, ко-
 торый приглашалъ его къ
 ужину.—„Да, другъ мой, ска-
 залъ я, эшотъ домъ мнѣ при-
 надлежишь. Я имѣю экипажъ,
 хорошій споль и сверхъ шо-
 го сундукъ наполненный чер-
 вонцами.“— Возможно ли? —
 вскричалъ онъ съ радостью:
 я нахожу тебя въ изобиліи!
 Какъ мнѣ пріятно, что до-
 ставилъ тебѣ мѣсто у Графа
 Галіано! Не говорилъ ли я,
 что онъ господинъ щедрый,
 и не замедлишь соспавишь
 швое счастье? Безъ сомнѣнія,
 примолвилъ онъ, послѣдовалъ

ты благоразумному моему со-
вѣту и далъ немного болѣе
воли дворецкому. Поздравляю
тебя! Такимъ только поведе-
ніемъ наживающся въ боль-
шихъ домахъ управители.—

Я далъ Фабрицію свободу
хваспашь, сколько ему угод-
но; попомъ, чшобы умѣришь
его радость, рассказалъ ему
обшоятельно, какимъ обра-
зомъ наградилъ меня Графъ
Галіано за мою службу. Но,
примѣшивъ, что поэтъ мой
внушренно спыдился преж-
нихъ словъ своихъ, примол-
вилъ: „Я прощаю Сициліянцу
неблагодарность его. Между
нами сказать, мнѣ и сожа-
лѣть не о чемъ. Если бы

Графъ не сыгралъ со мною такой шутки, но я похваля бы съ нимъ въ Сицилію, и прослужилъ бы у него до сихъ поръ въ ожиданіи неизвѣстныхъ милоспей; словомъ, я не былъ бы любимцемъ Герцога Лермы.“

Слова сіи привели Нуннеца въ такое изумленіе, что нѣсколько минушъ не могъ онъ ничего выговоришъ. Потомъ, прервавъ вдругъ молчаніе, сказалъ мнѣ: „Что я слышу? Вы пользуетесь довѣренностью перваго Министра?“—Я раздѣляю ее, отвѣчалъ я, съ Дономъ Родригесомъ Кальдерономъ, и, повидимому, достигну еще большихъ почестей.—

„Право, господинъ Саншилла-
на, я вамъ удивляюсь! Вы
способны ко всякой должно-
сти. Какія дарованія! Можно
сказать, что вы на всѣ руки.
Душевно радуюсь, Милоспи-
вый Государь, вашему благо-
получію.“—О! любезный Нун-
нецъ, прервалъ я, какъ тебѣ
не стыдно? Что за Милоспи-
вый Государь? Обходись со-
мною попрежнему.— „Правда
швоя: я не долженъ перемѣ-
нять съ тобою обращенія,
хотя ты и разбогатѣлъ. Од-
накожь, признаюсь въ моей
слабости: повѣствованіе о
твоей счастливой участи
ослѣпило меня; но ослѣпленіе
проходишь, и я вижу въ тебѣ

только друга моего, Жил-блаза.“

Разговоръ нашъ прерванъ былъ приходомъ чепырехъ или пяши приказныхъ.— „Господа, сказалъ я, указывая на Нуннеца, вы будете ужинашь съ Дономъ Фабриціемъ, копорый сочиняешъ стихи, достойные Царя Нумы *), и пишешъ въ прозѣ такъ, какъ никпо не пишешъ.“— Къ несчастію, говорилъ я съ людьми, копорые столь мало имѣли уваженія къ поэзіи, чпо

---

*) Безполковые и темные стихи, копорые пѣвали Салійскіе Жрецы въ своихъ процессіяхъ, сочинены Нумою.

поэшь чрезъ похвалы мои ни-
 чего не выигралъ. Едва удо-
 стоили они взглянуть на не-
 го. Напрасно спарался Нун-
 нецъ обратишь на себя ихъ
 вниманіе остроумными изрѣ-
 ченіями: они не понимали ихъ.
 Это было ему такъ досадно,
 что онъ взялъ спихотворче-
 скую вольность, и пихонько
 вышелъ. Наши приказные по-
 го не замѣтили, и сѣли за
 столъ, не спросивъ даже, ку-
 да онъ дѣвался.

На другой день, лишь поль-
 ко я одѣлся и хопѣль иди
 со двора, Аспурійской поэшь
 вошелъ ко мнѣ въ комнату.
 „Извини меня, любезный другъ,
 сказалъ онъ, что я вчера ве-

черомъ такъ невѣжливо обо-
шелся съ твоими приказны-
ми; но, признаюсь, они вы-
вели меня изъ терпѣнія. Ка-
кая несносная гордость! Не
понимаю, какъ человѣкъ съ
твоимъ умомъ можетъ при-
нимать къ себѣ такихъ глуп-
цовъ. Я сегодня же приведу
къ тебѣ гостей, гораздо бо-
лѣе образованныхъ.—Ты очень
одолжишь меня: въ этомъ
случаѣ я совершенно полага-
юсь на твой вкусъ.— „И не
ошибаешься: я познакомлю те-
бя съ самыми учеными, съ
самыми веселыми людьми.
Теперь же пойду къ одному
продавцу ликеровъ, у кошо-
раго они сей часъ сбегутся,

и удержу ихъ тамъ, чшобъ
не дали слова бышь гдѣ ни-
будь въ другомъ мѣстѣ: ихъ
шакъ и ловяшъ, кшо обѣдашъ,
кшо ужинашъ; сполько - по
доспавляюшъ они удоволь-
ствія во всякомъ обществѣ.“

Сказавши эшо, онъ меня
оспавилъ, и ввечеру, когда
надобно было садиться ужи-
нашъ, явился съ шесшью
полько авшорами, копорыхъ
рекомендовалъ мнѣ, одного за
другимъ, перевознося ихъ по-
хвалами. По словамъ его, эши
ученые превосходили всѣхъ
мудрецовъ, прославившихъ
Грецію и Италію; и шворенія
ихъ доспойны бышь напеча-
таны золошыми буквами. Я

принялъ сихъ господъ очень ласково: спарался даже осыпашъ ихъ учшивоспиями; ибо авшорское племя нѣсколько щеславно и честолюбиво. Хошя я и не приказывалъ Сципіону, чшобъ онъ велѣлъ приготошвишъ къ сполу чшо нибудъ лишнее прошивъ обыкновеннаго; но онъ, зная, какіе люди будущъ въ шощъ день ко мнѣ ужинашъ, догадался прибавишъ нѣсколько блюдъ.

Наконецъ сѣли мы за споль съ большою веселосшью. Поэшы мой, начавъ разговоръ о самихъ себѣ, спали выхваляшъ другъ друга. Одинъ съ гордымъ видомъ счишалъ поимянно всѣхъ вельможъ и

знашнихъ дамъ, копорые плѣ-
 няющся его Музою. Другой,
 порицая одну Академію за то,
 что выбрала двухъ недоспой-
 ныхъ членовъ, намекалъ со
 всею скромностію, что его
 бы надлежало ей выбрать.
 Изъ разговоровъ прочихъ ви-
 дно было, что они не менѣе
 о себѣ думали. Въ половинѣ
 ужина принялись моришь ме-
 ня стихами и прозою. Каж-
 дый по порядку чищаетъ на-
 изустъ что нибудь своего
 мастерства; одинъ сонетъ,
 другой сцену изъ трагедіи,
 третій кришiku на комедію.
 Четвертый, въ свою очередь,
 хочетъ провозгласить оду изъ
 Анакреона, переведенную пло-

хими Испанскими стихами ;
 но поварищъ прерываетъ его,
 и говоритъ, что онъ употре-
 билъ непочное выраженіе. Пе-
 реводчикъ опшюдь въ помъ
 не признается, и—начинается
 диспушъ, въ копорый вмѣ-
 шиваются всѣ ученые. Мнѣ-
 нія становятся различны,
 спорящіе горячатся, доходитъ
 дѣло до ругательствъ. Это
 бы еще ничего; но они вска-
 кивающъ въ бѣшенствѣ изъ
 за спола и начинающъ кулач-
 ное сраженіе. Фабрицій, Сци-
 піонъ, кучеръ мой, лакеи и я,
 насилу могли ихъ разнять.
 Они вышли изъ моего дома,
 какъ изъ кабака, нимало не
 извинясь передо мною въ сво-
 емъ невѣжествѣ.

Нуннецъ, положась на слова котораго, воображалъ я провести вечеръ самымъ приятнымъ образомъ, не зная, куда ошъ сшѣда дѣваться.— „Ну, другъ мой, сказалъ я ему, спанешь ли впередъ хвасаться своими госпиями? Привелъ же ты ко мнѣ молодцовъ! Нѣтъ, буду лучше знахъся съ приказными; не говори мнѣ болѣе объ авшорахъ.“—Ни за что не приведу къ тебѣ другихъ, ошвѣчалъ онъ: ты видѣлъ еще благоразумнѣйшихъ.—

ГЛАВА X.

Жилблазовъ нравъ всемо испортился при Дворѣ. Какое поругеніе сдѣлалъ ему Графъ Лемосъ, и въ какую интригу оба они влѣшались.

Какъ скоро узнали, что Герцогъ Лерма меня жалуетъ, тотчасъ спали ходишь ко мнѣ на поклонъ. Каждое утро передняя моя наполнена была людьми, и я въ шлафрокѣ давалъ аудіенціи. Ко мнѣ являлись просишели двухъ родовъ: одни склоняли меня деньгами исходашайспвовашь для нихъ какую нибудь милость у Ми-

ниспра ; другіе приступали
 съ убѣдительными просьбами,
 чѣмъ я постарался за нихъ
 даромъ. Первые были увѣре-
 ны, что я ихъ выслушаю, и
 все для нихъ сдѣлаю; чтожъ
 касается до послѣднихъ, то
 я ошдѣлывался опъ нихъ раз-
 ными ошговорками, или луч-
 ше сказать, водилъ ихъ до
 шѣхъ поръ, пока они теряли
 терпѣніе. Прежде, нежели по-
 палъ я ко Двору, былъ опъ
 природы чувствительнъ, со-
 спрадашеленъ ; но шамъ не
 знаюшъ ни одной изъ человѣ-
 ческихъ слабостей, и я сдѣ-
 лался шверже кремня: слѣдова-
 шельно исцѣлился шакже опъ
 привязанности къ друзьямъ

своимъ , даже переспалъ со-
всемъ объ нихъ забошпшься.
Посшупокъ мой съ Іосифомъ
Наварро, при одномъ случаѣ,
кошорый я разскажу, можешь
служишь убѣдпшельнымъ по-
му доказательствомъ.

Эшошь Наварро, кошорому
я былъ сполько обязанъ , и
кошорый, шакъ сказашь, былъ
первымъ виновникомъ моего
счасшя , однажды посѣшилъ
меня. Изъявпвъ мнѣ, по обык-
новенію, всѣ возможные знаки
дружества , просилъ выхло-
пошашъ у Герцога Лермы мѣ-
сто для его пріятеля, увѣрряя,
что кавалеръ , за кошораго
онъ спараешся , естъ весьма
любезный и достойный чело-

вѣкъ; но что ему нечѣмъ
 жить безъ мѣста. „Зная ва-
 ше добродушіе и готовность
 помогать другимъ, примол-
 вилъ Іосифъ, я не сомнѣва-
 юсь, чтобы вы не почли за
 удовольствіе пособить чест-
 ному и недоспающему чело-
 вѣку. Я увѣренъ, что вы бу-
 дете сами благодарить меня
 за доставленіе вамъ случая
 оказать свою благошворитель-
 ность.“ — Начиспо сказано,
 что ожидаютъ отъ меня
 этой услуги даромъ. Хотя
 то было и не по моему вку-
 су, однакожь я пришеорился,
 будто готовъ исполнить его
 желаніе.— „Мнѣ очень пріятно,
 ошвѣчалъ я Наварру, что

имѣю случай доказать вамъ на опытъ живѣйшую благодарность мою за все то, что вы для меня сдѣлали. Когда вы принимаете въ комънибудь участіе, этого довольно, и я гошовъ служишь ему. Пріятель вашъ получишь желаемое мѣсто. Положись на меня: это теперь ужь не ваше, а мое дѣло.“

Іосифъ пошелъ отъ меня въ полномъ удовольствіи; но человекъ, котораго онъ сколько рекомендовалъ мнѣ, не получилъ просимаго мѣста. Я доставилъ оное другому за тысячу червонныхъ, которые и положилъ въ свой сундукъ. Эта сумма была для меня

гораздо пріятнѣе всѣхъ благодарносшей, копорыя наговоришь бы мнѣ дворецкой. Когда мы опять увидѣлись, я сказалъ ему съ печальнымъ видомъ: „Ахъ! любезный Наварро, вы очень поздно вздумали просить о вашемъ пріятелѣ. Кальдеронъ предупредилъ меня, и опдалъ извѣстное вамъ мѣсто кому-то другому. Я въ опчаяніи, что не могу сказать ничего лучшаго.“

Іосифъ повѣрилъ мнѣ безъ всякаго подозрѣнія, и мы разспались такими друзьями, какими никогда еще не бывали; но, я думаю, онъ скоро узналъ истину, ибо не при-

ходилъ ко мнѣ болѣе; а я былъ тому и радъ. Кромѣ того, что оказанныя мнѣ опъ него услуги лежали у меня на сердцѣ, мнѣ казалось, что при моемъ кредитѣ у Двора, низко уже для меня было знашся съ дворецкими.

Давно не говорилъ я о Графѣ Лемосѣ. Обращимся теперь къ нему. Я иногда посѣщалъ его. Въ первый разъ отнесъ ему тысячу пистолей (какъ сказано выше), а потомъ, по приказанію дяди его, Герцога, еще сполько же изъ денегъ, которыя хранились у меня для Его Свѣшлости. Въ эшопъ день вздумалось Графу всшупишъ со мною въ про-

странный разговоръ. Онъ объ-
 явилъ мнѣ, что наконецъ до-
 стигнулъ своей цѣли: вошелъ
 въ милость къ Наслѣдному
 Принцу, и сдѣлался един-
 ственнымъ его повѣреннымъ.
 Потомъ возложилъ онъ на
 меня очень лестное порученіе,
 къ которому напередъ меня
 пригошовилъ. — „Другъ мой
 Саншиллана, сказалъ онъ, те-
 перь-то надобно дѣйствовать!
 Упошреби всѣ старанія опы-
 скашь какуюнибудь молодую
 красавицу, кошорая была бы
 достойна служишь забавою
 нашему Принцу. Ты человѣкъ
 съ умомъ: нечего и говоришь
 тебѣ болѣе. Спупай, бѣги,
 ищи, и когда сдѣлаешь сча-

спливое открытіе, въ шужь минушу дай мнѣ о томъ знать.“—Я обѣщаль Графу не пощадишь ничего для успѣшнаго исправленія эшаго дѣла; впрочемъ оно казалось мнѣ не слишкомъ трудно, потому что многіе за него берутся.

Я не имѣлъ большой опытности въ поискахъ такого рода; но надѣялся, что Сципіонъ и въ этомъ случаѣ мнѣ пригодится. Возвратившись домой, велѣлъ я позвать его къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ ему: „Другъ мой, я хочу открыть тебѣ важную тайну. Повѣришь ли? Среди всѣхъ даровъ фортуны, чувствую, что мнѣ недостаетъ

чего-то. — Понимаю! — прервалъ онъ рѣчь мою: — вамъ нужна пригожая нимфа для разсѣянiя и забавы. Въ самомъ дѣлѣ странно, что въ цвѣтущихъ вашихъ лѣсахъ вы ее не имѣете, между тѣмъ какъ многіе спарики не могутъ обойтись безъ любовницъ. — „Удивляюсь швоей проницапельности, оповѣчалъ я улыбаясь. Да, другъ мой, мнѣ нужна любовница, и я хочу, чтобъ ты ошылскалъ ее мнѣ. Но скажу тебѣ напередъ, что я въ такихъ дѣлахъ очень разборчивъ. Я пребую опъ тебѣ красавицы, кошорая была бы и не дурной нравспвенности.“ — Это рѣдкость! — од-

накожь въ нашемъ городѣ ,
 благодаря Бога, можно достать
 все, что угодно, и я надѣюсь
 скоро услужить вамъ.—

И дѣйствительно, дня че-
 резъ три, сказалъ онъ мнѣ :
 „Я отыскалъ настоящее со-
 кровище. Одна молодая дама,
 по имени Капалина, хорошей
 фамиліи, прелестная собою,
 живетъ, подъ присмотромъ
 своей тетки, въ маленькомъ
 домикѣ; обѣ онѣ имѣютъ не-
 большое состояніе, копорымъ
 содержатъ себя честнымъ об-
 разомъ. Горничная ихъ, ко-
 рошко со мною знакомая, увѣ-
 рила меня, что двери ихъ,
 хоша закрыты для всѣхъ на
 свѣтѣ, могутъ быть отво-

ренны для богатаго и щедрого
 любовника, если согласишься
 онъ, для избѣжанія злословія,
 ходишь къ нимъ только по
 ночамъ, не дѣлая никакой о-
 гласки. Я описалъ васъ, какъ
 кавалера, достойнаго ихъ зна-
 комства, и просилъ горнич-
 ную представить васъ да-
 мамъ. Она обѣщала это сдѣ-
 лать и принеши мнѣ зав-
 тра по утру отвѣтъ шу-
 да, гдѣ условились мы уви-
 дѣться. — Все это хорошо,
 отвѣчалъ я; но боюсь, чѣмъ
 горничная, съ кошорою ты
 говорилъ, себя не обманула. —
 „Не безпокойшесь, не шакъ-
 то я проси; я уже разспра-
 шивалъ сосѣдей, и изъ всего

опъ нихъ слышаннаго заклю-
чилъ, что госпожа Капалина
есть Даная, въ домъ которой
можете вы представлять
Юпитера, съ помощію града
писпелей, который шуда по-
сыплете.“

Сколько ни былъ я пред-
убъжденъ прошивъ интригъ
такого рода, однакожь на эту
охотно рѣшился; а какъ гор-
ничная сказала на другой день
Сципіону, что опъ меня сама-
го зависишь придши въ пошъ
же вечеръ въ домъ къ госпо-
жамъ ея, то я и прокрался
шуда около полуночи. Горнич-
ная встрѣшила меня въ пошь-
махъ, взяла за руку и при-
вела въ порядочно убранную

комнату, гдѣ нашелъ я обѣихъ дамъ щегольски одѣтыхъ и сидящихъ на апласныхъ подушкахъ. Увидя меня, онѣ вспали, и поклонились мнѣ съ такимъ благороднымъ видомъ, что я почелъ ихъ за двухъ знашныхъ особъ. Тепла, по имени Менція, хотя была еще и хороша собою, не обратила на себя моего вниманія. Глаза мои успремились на племянницу, которая показалась мнѣ богинею. Ее, конечно, не лзя было назвать совершенною красавицею; но пріятность обращенія, плѣнительные и сладострасные взоры не позволяли мужчинамъ замѣчать въ ней недоспашковъ.

Взглядъ ея смущилъ меня. Я забылъ, что пришелъ туда въ качествѣ повѣреннаго; началъ говорить самъ за себя, и изъяснялся самымъ спрасснымъ образомъ. Племянница, въ которой нашелъ я въпрое болѣе ума, нежели сколько было у нее въ самомъ дѣлѣ (такъ она казалась мнѣ мила) совершенно обворожила меня своими опвѣщами. Я не могъ уже владѣть собою, когда шепка, желая умѣришь мои воспорги, сказала мнѣ: „Господинъ Саншиллана, я хочу объясниться съ вами опкровенно. Мнѣ наговорили объ васъ сполько хорошаго, что я позволила вамъ безъ вся-

кихъ церемоній ко мнѣ при-
ѣхашь; но не подумайте, что
вы уже совсемъ успѣли. До
сихъ поръ воспишывала я
племянницу свою въ уедине-
ніи, и вы, можно сказать,
первый кавалеръ, кошорому я
ее показываю. Если вы по-
чищаете ее достойною быть
женою вашею, то я буду эшо-
му очень рада. Скажите, спо-
ишь ли она такой цѣны; а
иначе вы ее не получите.“

Эшопъ мѣшкой выстрѣлъ
испугалъ Амура, кошорый гопо-
вился было пуспипъ въ меня
спрѣлу. Сказать безъ меша-
форы, бракъ, съ такою ско-
роспью мнѣ предложенный,
заспавилъ меня войши въ себя:

вдругъ сдѣлался я опять ревностнымъ повѣреннымъ Графа Лемоса; и перемѣнивъ шонъ, оповѣчалъ господа Менціи: „Сударыня, чистосердечіе ваше мнѣ нравится, и я хочу подражать вамъ. При всей моей силѣ при Дворѣ, я не спою несравненной Капалины: у меня есть для нее гораздо лучшій искапель, именно, Наслѣдный нашъ Принцъ.“—Довольно, кажется, и того, возразила съ холодностію пепка, что вы съ презрѣніемъ отпказываетесь отъ руки моей племянницы; къ чему шутъ еще насмѣшки?— „Какія насмѣшки, сударыня!—сказалъ я; это суцая правда. Мнѣ

приказано сыскашь дѣвицу, кошорая была бы доспойна шайныхъ посѣщеній Наслѣднаго Принца; я нахожу ее въ вашемъ домѣ, и донесу о томъ Его Высочеству.“

Слова сіи чрезвычайно удивили госпожу Менцію, и, какъ я примѣшилъ, были ей непроницательны; не смотря на то, она за долгъ почла немного пришвориться; оповѣшъ ея состоялъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Когда бы я и приняла все, что вы говорите, за сущую правду, то знайте, что съ характеромъ моимъ несообразно радоваться постыдной чести — видѣшь племянницу мою любовницею Принца. Та-

кая мысль прошивна моей добродѣтели....“—Какъ вы просты съ вашею добродѣтелью!—подхващилъ я. Вы разсуждаете, какъ самая глупая мѣщанка. Не смѣшно ли разсмащивать такія дѣла со стороны нравственности? Опъ эшаго и перяюпъ онъ всю свою прелестъ; надобно смощрѣпъ на нихъ глазами безпристрасными. Предсшавъте себѣ Наслѣдника Престола у ногъ счастливой Капашины; вообразите, что онъ обожаетъ ее, осыпаетъ подарками; подумайте, что опъ нея родился, можетъ быть, герой, кошорый сдѣлаетъ и свое имя, и имя матери своей, бессмертными.—

Хотя пешка и душевно желала принять предложение, однакожь пришворилась, будто не знаетъ, на что рѣшилась; а Капалина, копорой хопѣлось бы уже имѣть въ своихъ сѣтяхъ Наслѣднго Принца, показывала великое равнодушіе; что и побудило меня сдѣлать новый приступъ къ крѣпости. Голоса Менція, увидя наконецъ, что я, по неудачѣ, гошвился уже снять осаду, начала сдаваться, и мы заключили капитуляцію, копорая состояла въ двухъ слѣдующихъ спашьяхъ: во первыхъ, если Наслѣдный Принцъ, получивъ донесеніе о прелестяхъ

Капшалины, влюбившись въ нее и рѣшившись сдѣлать ей ночное посѣщеніе, то я обязанъ извѣстить объ этомъ дамъ, равно какъ и о ночи, копорая для того будетъ назначена; во вторыхъ, Принцъ не долженъ являться къ помянутымъ дамамъ иначе, какъ подъ видомъ обыкновеннаго любовника, со мною только однимъ и главнымъ своимъ Меркуріемъ.

По утвержденіи такого условія, шепка и племянница изъявили мнѣ всѣ возможные знаки своего дружества: спали обходиться со мною такъ корошко, что я принялъ смѣлость обнять ихъ по нѣскольку

ку разъ; чѣмъ онѣ нисколько не оскорбились. При прощаньѣ нашемъ, онѣ уже первыя меня обняли, и осыпали самыми нѣжными ласками. Удивительное дѣло, какъ скоро дружба между собою любовные свапы и женщины, копоры имѣють въ нихъ нужду! Если бы кто нибудь увидѣлъ, какъ провожали меня, то вѣрно бы сказалъ, что я гораздо счастливѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ.

Графъ Лемось чрезвычайно обрадовался, когда я объявилъ ему, что сдѣлалъ открытіе, какого только желать было можно. Я описалъ Капалину такими красками, что онѣ

немедлѣнно желалъ ее увидѣшь. Въ слѣдующую ночь я повелъ его къ моимъ знакомкамъ, и онъ признался, что находка моя превосходна; сказалъ дамамъ, что Наслѣдный Принцъ, безъ всякаго сомнѣнія, одобришь мой выборъ, и что красавица, съ своей стороны, будешь довольна такимъ любовникомъ; что эпозъ молодой Принцъ щедръ, снисходителенъ и ласковъ; наконецъ онъ увѣрялъ ихъ, что черезъ нѣсколько дней приведешь къ нимъ Его Высочество, по желанію ихъ, тайкомъ и безъ всякой свиты. Графъ распрощался съ ними, и я за нимъ послѣдовалъ.

Мы пришли къ его коляскѣ, въ кошорой оба пріѣхали, и кошорая дожидалась насъ въ концѣ улицы. Онъ завезъ меня домой, поручивъ мнѣ извѣстивъ на другой день объ этомъ происшествіи его дядю, и выпросивъ у него тысячу пистолей для окончанія начашаго дѣла.

Въ слѣдующее утро представилъ я Герцогу Лермѣ подробный отчетъ обо всемъ случившемся, скрывъ одно только обстоятельство, т. е. не упомянулъ ни слова о Сципіонѣ, а выдалъ самого себя за опыскашеля Кашалины; предъ знатными господами надобно все обращать въ свою пользу.

Услуга моя безъ похвалы не осталась. „Ну, господинъ Жил-блазъ, сказалъ Министръ съ насмѣшливымъ видомъ, я восхищаюсь, что вы, кромѣ прочихъ вашихъ паланшоевъ, еще умѣете опыскивать благосклонныхъ красавицъ. Когда и мнѣ понадобится любовница, то позвольте также къ вамъ обратиться.“ — Милостивѣйшій Государь, отвѣчалъ я такимъ же тономъ, благодарю васъ за предпочтеніе; но осмѣлюсь вамъ доложить, что мнѣ совѣстно доставлять Вашей Свѣшлости такого рода удовольствія. Эту должность такъ давно уже исправляетъ Донъ Родригесъ; несправедливо бы-

ло бы лишашь его оной.—
Герцогъ улыбнулся, и пере-
мѣнивъ разговоръ, спросилъ
меня, не надобно ли племян-
нику его для эшаго предпри-
ятія денегъ.—„Графъ прика-
залъ просить у васъ тысячу
пистолей.“— „Вотъ, возьми и
отнеси къ нему, прервалъ
Министръ; а припомъ скажи,
чтобъ онъ ничего не жалѣлъ,
и давалъ Принцу деньги на
всѣ расходы, какіе ему дѣ-
лашъ угодно будетъ.—“

ГЛАВА XI.

Наслѣдный Принцъ тайно посѣщаетъ Каталину; что онъ подарилъ ей.

Немедлѣнно опнесъ я къ Графу Лемосу пять сошъ двойныхъ писмолей. „Ты пришелъ очень къшаши, сказалъ онъ. Я говорилъ съ Принцемъ; Его Высочество горитъ неперпѣніемъ видѣть Капалину. Въ будущую ночь намѣренъ онъ скрышья изъ Дворца и посѣшитъ ее; это уже рѣшено; мы приняли всѣ нужныя къ тому мѣры. Увѣдомъ о томъ дамъ, и отдай имъ шѣ деньги, которыя принесъ мнѣ:

надобно имъ показашъ, что онъ увидяшъ не простаго любовника; подарки Принцовъ должны предшествовать любовнымъ ихъ интригамъ; а какъ ты будешь вмѣстѣ со мною провожая его, продолжалъ онъ, то приходи во дворецъ къ тому времени, когда онъ спанешъ ложисься почивашъ. Пустъ кареша швоя (ѣхашъ въ ней, мнѣ кажешся, всего приличнѣе) дожидаетсѣ насъ въ полночь у воротъ замка.“

Я тотчасъ отправился къ дамамъ; но не видалъ Капелины; мнѣ сказали, что она почиваетъ, и такъ я объяснился съ Менціею. „Извини-

ше, сударыня, что являюсь
 къ вамъ днемъ; мнѣ не лѣзя
 иначе; но я принесъ вамъ из-
 вѣстiе, что Наслѣдный Принцъ
 будетъ у васъ нынѣшнюю же
 ночь; и вотъ, примолвилъ я,
 сунувъ ей въ руку кошелекъ
 съ деньгами, вотъ жертва,
 кошую посылаетъ онъ въ
 храмъ Циперы, чтобы уми-
 лостивши божества онаго.
 Я завелъ васъ, какъ видите,
 не въ дурное дѣло.“— Очень
 за то вамъ обязана, отвѣча-
 ла она; но скажите мнѣ, го-
 сподинъ Саншиллана, любилъ
 ли Принцъ музыку?— „Чрез-
 вычайно! Ничто не прино-
 ситъ ему столько удоволь-
 ствiя, какъ хорошій голосъ,

сопровождаемый нѣжными по-
нами люпни. — Тѣмъ лучше!
— вскричала она, внѣ себя отъ
радости: вы приводите меня
въ восхищеніе; племянница
моя поетъ какъ соловей, и
играетъ на люпнѣ безподоб-
но! Она и танцуетъ маспер-
ски. — „Боже мой! сколько со-
вершенствъ! Впрочемъ дѣву-
шкѣ не нужно имѣть ихъ
столько; чшобы соспавить
свое счастіе, довольно для
нее и одного изъ сихъ ша-
ланшовъ.“

Устроивъ такимъ образомъ
дѣла наши, ожидалъ я вре-
мени, въ которое Принцъ ло-
жился почивать. Оно насту-
пило; я далъ нужныя прика-

занія кучеру, и пошелъ къ Графу Лемосу, кошорый сказалъ мнѣ, чшо Принцъ, желая скорѣе опдѣлаться опъ придворныхъ своихъ, пришворился, будшо не очень здоровъ, а чшобы болѣе ему въ шомъ повѣрили, легъ даже въ постелю; но чшо вспанешъ черезъ часъ и проберешся потаенными дверьми къ лѣсшницѣ, ведущей на дворъ.

Объявивъ мнѣ объ эшомъ, посшавилъ онъ меня въ шакое мѣспѣ, мимо кошораго, по его увѣренію, надобно было имъ проходишь. Я дожидался шакъ долго, чшо начиналъ уже думать, не пошелъ ли нашъ любовникъ другою дорогою, или

не потерялъ ли охоты видѣть Кашалину: какъ будто бы у Принцовъ проходящъ прихожи такого рода прежде удовольствованія ихъ. Думалъ даже, что меня позабыли, какъ вдругъ подошли ко мнѣ два человека. Узнавъ Принца и Графа, я проводилъ ихъ до моей кареты, въ которую они сѣли; я помѣспился съ кучеромъ, для указанія дороги, и велѣлъ ему остано-
 виться шаговъ за пятьдесятъ отъ жилища красавицы. Я посо-
 билъ Наслѣдному Принцу и
 спутнику его выйдти изъ ка-
 реты. Всѣ трое подошли мы
 къ дому. Двери отворились,
 и поспасъ опять за нами за-
 теорились.

Сперва пробирались мы по такой темнотѣ, какая окружала меня здѣсь въ первое мое посѣщеніе, хошя, въ знакъ уваженія къ высокому госпю, на одной стѣнѣ повѣшена была маленькая лампада. Слабый свѣтъ ея едва былъ примѣненъ. Все сіе увеличивало пріятносшь приключенія въ глазахъ нашего героя. Но онъ чрезвычайно изумился, когда увидѣлъ дамъ, принявшихъ его въ залъ, освѣщенной множествомъ восковыхъ свѣчъ, копорыя яркимъ блескомъ своимъ вознаграждали темноту, царствовавшую на дворѣ. Тетка и племянница были въ щегольскомъ спальномъ

плашьѣ, и кокепшвомъ своимъ могли бы всякому вскружить голову. Принцъ нашъ съ охотою удовольствовался бы и госпожею Менціею, если бы не надобно было выбрать; но прелести молодой Капалины—по всей справедливости—одержали верхъ.

„Ну что, Ваше Высочество, сказалъ Графъ Лемось, можно ли было найти для вашего удовольствія двухъ женщинъ пригожѣе этихъ?“—Онъ объ прелестны, отвѣчалъ Принцъ, и мнѣ не унести отсюда своего сердца: оно останется при пещушкѣ, если не завладѣешь имъ племянница.—

Послѣ такого пріятнаго
 для шешки привѣтствія, на-
 говорилъ онъ много лестнаго
 Капалинѣ, которая отвѣчала
 ему съ большою ловкостію.
 А какъ честнымъ людямъ,
 играющимъ въ подобныхъ слу-
 чаяхъ подобную моей ролю,
 позволяется вмѣшиваться въ
 разговоръ любовниковъ, лишь
 только бы увеличили свѣтъ
 ихъ пламень, то я доложилъ
 Принцу, что Нимфа его пре-
 восходно поетъ и играетъ на
 люпинѣ. Это привело его въ
 восхищеніе, и онъ просилъ ее
 показать опытъ своего иску-
 ства. Капалина охотно со-
 гласилась исполнить его прось-
 бу; взяла настроенную люпиню,

сыграла нѣсколько нѣжныхъ
арій и пропѣла съ такою
пріяпностію, что Принцъ
бросился къ ногамъ ея, внѣ
себя отъ любви и восторга.
Но кончимъ эту картину, и
скажемъ только, что въ сла-
доспномъ упоеніи, въ копо-
рое погруженъ былъ Наслѣд-
никъ Испанской Монархіи,
часы пролетали минушами,
и что мы, спрашась насшуп-
ленія дня, должны были ис-
торгнуть его изъ этаго опа-
снаго дома. Съ возмочною по-
спѣшностію отвезли его во
Дворецъ и возвратились до-
мой въ полномъ удовольствіи,
что познакомили Его Высо-
чество съ кокеткою, какъ

бѣдѣ бы сочешали бракомъ
съ какою нибудь великою
Принцессою.

На другой день разсказалъ
я Герцогу Лермѣ это при-
ключеніе. Едва успѣлъ я кон-
чить свое повѣствованіе, какъ
вошелъ Графъ Лемось и ска-
залъ намъ: „Наслѣдный Принцъ
такъ занявъ Капалиною, такъ
плѣненъ ею, что намѣренъ дѣ-
лать ей частыя посѣщенія и
любить ее исключительно
предъ всѣми. Ему хотѣлось
бы послать къ ней сегодня
дорогихъ каменьевъ на двѣ
тысячи писпелей; но у него
нѣтъ ни копѣйки. Онъ про-
силъ моего пособія.— Любез-
ный Лемось, говорилъ онъ,

постарайся достать теперь же эту сумму. Знаю, что безпокою, разоряю себя; но будь увѣренъ, что очень чувствую твоего одолженія, и если буду въ состояніи опблагодарить тебя на самомъ дѣлѣ за все, что ты для меня сдѣлалъ, то не будешь раскаяваться.—Ваше Высочество, опвѣчалъ я, оставляя его съ поспѣшностію, у меня есть пріятели и кредитъ; желаніе ваше пошчасъ будетъ исполнено.“—

—Не трудно удовлетворишь его, сказалъ тогда Герцогъ своему племяннику. Саншил-лана принесетъ тебѣ деньги, и даже, если хочешь, купишь

самъ каменья : онъ въ нихъ совершенный знапокъ, а особливо въ рубинахъ. Не правда ли, Жилблазъ?—примолвилъ онъ, взглянувъ на меня съ лукавою улыбкою.—„Благодарю Вашу Свѣплосшь ! Я вижу, чшо вамъ угодно доспа-вишь Графу случай посмѣяшь-ся на мой счепъ.“—Такъ и вышло. Племянникъ попотребо-валъ объясненія.—„Тупъ нѣтъ никакой шайны, возразилъ дядя улыбаясь. Саншилланъ вздумалось однажды промѣ-няшь алмазь на рубинъ, и эша мѣна не принесла ему ни чеспи, ни барыша.“

Я дешево бы еще отдѣ-лался, если бы Министръ не

сказалъ ничего болѣе; но онъ
 принялъ на себя трудъ раз-
 сказаць шутку, которую сы-
 грали со мною Камилла съ
 Дономъ Рафаелемъ на посоя-
 ломъ дворѣ, и особенно рас-
 проспранился о самыхъ не-
 пріятныхъ для меня обстоя-
 тельствахъ. Его Свѣшлось,
 довольно посмѣявшись, при-
 казалъ мнѣ идти за Графомъ
 Лемосомъ, а потомъ повелъ ме-
 ня къ Ювелиру. Выбравъ у
 него каменья, мы принесли
 показавъ ихъ Наслѣдному
 Принцу. Мнѣ поручено было
 отдасть ихъ Кашалинѣ. По-
 слѣ того зашелъ я домой, и
 взялъ изъ Герцогскихъ денегъ
 двѣ тысячи пистолей для
 отдачи купцу.

Нечего и спрашивать, ласково ли приняли меня въ слѣдующую ночь дамы, когда я поднесъ имъ подарки моего посольства. Они состояли въ прекрасныхъ серьгахъ для племянницы и перстнѣ для пешки. И та и другая, восхищены будучи сими знаками любви и щедрости Принца, дали языкамъ своимъ волю, и благодарили меня за доставленіе имъ такого хорошаго знакомства. Въ чрезмерной радости своей онѣ совершенно забылись: у нихъ вырвалось нѣсколько такихъ словъ, которыя заставили меня подумать, что я опыткаль сыну Великаго нашего

Монарха порядочную плутовку. Желая увѣришься, почно ли удалось мнѣ совершить споль прекрасное дѣло, пошелъ я домой, въ намѣреніи переговорить о томъ со Сципіономъ.

~~~~~
ГЛАВА XII.

Кто такова была Каталина. Замѣшательство Жилблаза; безпокойство его, и какія мѣры онъ долженъ былъ принять, чтобы опять успокоиться.

Пришедши домой, услышалъ я страшный шумъ. Спрашиваю о причинѣ. Мнѣ говорятъ, что у Сципіона ужи-

наешъ съ полдюжины его
пріятелей. Они пѣли и хо-
хопали во все горло. Этошъ
ужинъ, конечно, не походилъ
на пиршество семи мудре-
цовъ.

Хозяинъ пирушки, узнавъ
о моемъ приходѣ, сказалъ го-
спямъ своимъ: „Ничего, го-
спода: это мой баринъ. Не
безпокойтесь и продолжайте
веселиться. Мнѣ надобно ска-
затьъ ему слова два; я воро-
чусь къ вамъ чрезъ минушу.“—
Тутъ явился онъ ко мнѣ.—
„Что у тебя за шумъ? —
спросилъ я. Кого ты тамъ
угощаешь? Не спихотворцевъ
ли?“—Боже оборони! — отвѣ-
чалъ онъ. Такихъ людей жалъ

было бы поить вашимъ ви-
 номъ; я дѣлаю изъ него го-
 раздо лучшее употребленіе.
 Въ числѣ гостей моихъ есѣ
 одинъ весьма богашой молодой
 человѣкъ, копорый, помощію
 вашего покровительсва и
 своихъ денегъ, желаетъ полу-
 чить мѣсто. Для него - шо,
 сударь, и дается эта пиру-
 шка. За каждою рюмкою, ко-
 торую онъ выпиваетъ, при-
 бавляю я по десяти писмо-
 лей къ барышу, какой вы
 отъ шого получите. Я буду
 поить его до самаго ушра.-
 „О! когда такъ, возразилъ я,
 шо садись опять за столъ, и
 не жалѣй вина моего.“

Я не разсудилъ тогда говорить съ нимъ о Кашалинѣ; но на другой день сказалъ ему слѣдующее: „Другъ мой Сципіонъ, ты знаешь, какъ мы живемъ между собою; я почишаю тебя болѣе товарищемъ, нежели слугою; и такъ ты будешь несправедливъ, если станешь обманывать меня такъ какъ господина. Не будемъ тайнѣться одинъ отъ другаго. Я скажу тебѣ нѣчто для тебя удивительное; а ты, съ своей стороны, открой мнѣ все, что думаешь о тѣхъ двухъ женщинахъ, съ коими меня познакомишь. Между нами скажешь, я подозреваю, что онъ объ великія

плутовки, и шѣмъ опаснѣй-
 шія, чѣмъ болѣе показывають
 простосердечія. Если я оп-
 гадываю настоящую имъ цѣ-
 ну, то Наслѣдный Принцъ не
 слишкомъ можешь похвалишь-
 ся мною. Признаюсь тебѣ,
 для него-то и требовалъ я у
 тебя любовницы. Я водилъ
 его къ Кашалинѣ, и онъ въ
 нее влюбился. — Милостивый
 Государь, опвѣчалъ Сципіонъ,
 вы такъ хорошо со мною
 обращаетесь, что мнѣ совѣс-
 но не бытъ предъ вами оп-
 кровеннымъ. Вчера имѣлъ я
 тайное свиданіе съ горничною
 этихъ двухъ Принцессъ; она
 рассказала мнѣ ихъ испорію,
 которую нахожу я весьма за-

бавною, и перескажу вамъ въ коропкихъ словахъ.—

—Кашалина, продолжалъ Сципiонъ, естъ дочь незнашнаго Аррагонскаго дворянина. Оставшись пятнадцати лѣтъ сиротою, сполько же бѣдною, какъ и прекрасною, вышла она за стараго Коммандора, копорый привезъ ее въ Толедо, и умеръ тамъ спустя полгода, бывши для нее болѣе опцемъ, нежели мужемъ. Она получила его наслѣдство, состоявшее въ небольшомъ количествѣ разныхъ вещей и трехъ спяхъ пистоляхъ наличными деньгами; попомъ вошла въ связь съ госпожею Менціею, копорая была тогда

еще въ модѣ, хошя прелестни
 ея уже и увядали. Сии двѣ
 искреннія пріятельницы жили
 вмѣстѣ и начали вести ша-
 кой родъ жизни, чшо обра-
 щали на себя вниманіе По-
 лось; съ досады немедленно
 оставили онѣ Толедо и посе-
 лились въ Мадридѣ, гдѣ жи-
 вущъ около двухъ лѣтъ, укло-
 нясь всякаго знакомства съ
 своими сосѣдками. Но вошъ
 чшо всего лучше: онѣ наняли
 два маленькихъ домика, раз-
 дѣленные только спѣною. Изъ
 одного въ другой можно про-
 ходишь черезъ погреба по по-
 таенной лѣстницѣ. Госпожа
 Менція живешъ съ молодою

горничною въ одномъ домѣ, а вдова Коммандора занимаетъ другой со старою Дуенною, копорую выдаетъ за свою бабушку. Такимъ образомъ Аррагонянка наша бываетъ по племянницею, находящеюся подъ надзоромъ шепки, по сиротою подъ покровительствомъ бабушки. Когда она представляется племянницу, то называется Каталиною, а когда внучку — Сиреною.—

При имени Сирены, я поблѣднѣлъ и прервалъ Сципионову рѣчь.— „Что говоришь ты? Я боюсь, не Кальдеронова ли любовница эта проклятая Аррагонянка?“—Она и

есть, опивчалъ Сципіонъ: я
 думалъ обрадовать васъ этою
 новостью.— „Безумецъ! она
 скорѣе можетъ причинить
 мнѣ печаль, нежели радость;
 развѣ не предвидишь ты по-
 слѣдствій?“— Совсемъ нѣтъ!
 Какому шумъ бытъ несча-
 стію? Не лѣзя полагать на-
 вѣрное, чѣмъбы Донъ Родригесъ
 провѣдалъ о томъ, что дѣ-
 лается; а если вы боитесь,
 что до него дойдутъ слухи,
 то предупредите Министра.
 Разскажите ему все откро-
 венно: онъ увидитъ ваше чи-
 стосердечіе, и ежели послѣ
 эшаго Кальдеронъ спанетъ
 наговаривать на васъ Герцо-
 гу, то Его Свѣтлость за-

ключишь, что онъ стараеш-
ся вредишь вамъ изъ одного
мщенія.—

Сципіонъ успокоилъ меня
сими словами. Я послѣдовалъ
его совѣшу: увѣдомилъ Гер-
цога Лерму о непріятномъ
моемъ открытіи, принявъ на
себя печальный видъ, дабы
увѣришь его, что очень до-
сую, неумышленно познако-
мивъ Принца съ любовницею
Кальдерона; но Министръ,
вмѣсто сожалѣнія о своемъ
любимцѣ, еще смѣялся надъ
нимъ. Посомъ совѣщевалъ мнѣ
продолжать начатое. Кальде-
ронъ, по его мнѣнію, долженъ
былъ гордиться тѣмъ, что
имѣетъ общую съ Наслѣднымъ

Принцемъ любовницу, и на-
равнѣ съ нимъ пользуется ея
благосклонностію. Я извѣ-
стилъ также о томъ и Гра-
фа Лемоса, который увѣрилъ
меня въ своемъ покровитель-
ствѣ, если первый Секретарь
провѣдаетъ объ интригѣ, и
вознамѣрился оклеветать ме-
ня предъ Герцогомъ.

Полагая, что такимъ об-
разомъ избавилъ я судно мое-
го счастья отъ опасности
спастъ на мѣль, ни о чемъ бо-
лѣе не заботился; не пере-
спавалъ провожая Принца
къ Капалинѣ, или къ пре-
красной Сиренѣ, которая на-
ходила разныя увертки, что-
бы удалить Дона Родригеца

изъ своего дома , и лишишь
его ночей , которыя надлежа-
ло ей посвящать Высокому
его сопернику.

ГЛАВА XIII.

*Жилблазъ продолжаетъ
представлять знатнаго
господина. Слышитъ вѣ-
сти о родныхъ своихъ. Ка-
кое сдѣлали онѣ на него
впечатлѣніе. Онъ ссорит-
ся съ Фабриціемъ.*

Я сказывалъ уже , что у
меня въ передней каждое упи-
ро бывало множество проси-
телей; но я не позволялъ имъ
объяснять свои нужды сло-
весно ; а , слѣдуя принятому

при Дворѣ обычаю, или лучше сказашь, желая болѣе по-важничать, говорилъ всякому: „Подайте мнѣ записку.“— Я такъ привыкъ къ этому, что однажды ошвѣчалъ поже самое хозяину моей кварширы, который пришелъ напомнить мнѣ, сколько я долженъ ему за годъ пожилыхъ денегъ. Что касается до моего мясника и хлѣбника, то они из-бавили меня отъ труда спрашивать у нихъ записки, т. е. исправно приносили счесть свои всякой мѣсяцъ. Сципіонъ, который споль хорошо подражалъ мнѣ, что можно было сказасть: эта копія очень близка къ оригиналу, посшу-

наль не иначе съ людьми ,
желавшими воспользоваться
чрезъ него моимъ покрови-
тельствомъ.

Я имѣлъ еще другое дура-
чество , о которомъ не хочу
умолчать: былъ такъ безраз-
суденъ , что говорилъ о са-
мыхъ знашныхъ господахъ ,
какъ будто бы они мнѣ были
набишые брашья. Если надоб-
но было, на примѣръ, упомя-
нуть о Герцогѣ Альбѣ , Гер-
цогѣ Оссонѣ, или Герцогѣ Ме-
дина Сидоніи, я говорилъ про-
сто : Альба , Оссона , Медина
Сидоніа. Словомъ , сдѣлался
такъ гордъ и щеславенъ ,
что уже переспалъ бышь сы-
номъ моего опца и матери.

О! бѣдная Дуенна, бѣдной жен-
ской надзирашеть! я не навѣ-
дывался, каково поживаете
вы въ Аспуріи; вы мнѣ и въ
голову не приходили. Дворъ
имѣешь свойство рѣки Лешъ:
заспавляешь насъ забываешь
родныхъ и друзей нашихъ,
когда они въ дурныхъ об-
стоятельстввахъ.

И такъ я совсемъ не ду-
малъ о моихъ домашнихъ,
какъ однажды по утру во-
шелъ ко мнѣ молодой чело-
вѣкъ и сказалъ, что желаетъ
поговорить со мною наединѣ.
Я повелъ его въ свой каби-
нетъ, гдѣ, не попросивъ его
и сѣсть, (онъ казался мнѣ
человѣкомъ низкой породы)

спросилъ, что ему опъ меня
 надобно.— „Какъ, господинъ
 Жилблазъ, сказалъ онъ, вы не
 узнаете меня?“— Посмотрѣвъ
 пристально ему въ глаза, я
 принужденъ былъ опвѣчать,
 что лице его мнѣ совсемъ не-
 знакомо.— „Я землякъ вашъ,
 возразилъ онъ: родомъ также
 изъ Овѣдо, сынъ Берспранда
 Мускады, купца поргующаго
 пряными кореньями, сосѣда
 дяди вашего Каноника. Я
 пошчасъ узналъ васъ. Сколь-
 ко разъ мы вмѣстѣ игрывали
 въ жмурки (*Gallina-Ciega*).“—

—Забавы моего дѣтства,
 опвѣчалъ я, представляющія
 мнѣ теперь, какъ во снѣ;
 дѣла, копорыми занятъ былъ

въ послѣдствіи, истребили
ихъ изъ моей памяти.— „Я
пріѣхалъ въ Мадридъ разсчи-
таюсь съ Корреспондентомъ
опца моего. Услышавъ объ
васъ, спросилъ, какъ вы по-
живаете; мнѣ сказали, что
вы въ большой силѣ при Дво-
рѣ, и богаты, какъ Жидъ.
Поздравляю васъ опъ всего
сердца! Возвратившись домой,
порадую вашихъ родныхъ
эшимъ пріятнымъ извѣсті-
емъ.“

Я долженъ былъ изъ благо-
приспойности спросить его,
въ какомъ состояніи оста-
вилъ онъ опца моего, мать и
дядю; но исполнилъ эту обя-
занность съ такимъ холод-

нымъ видомъ, что не подалъ
причины земляку моему уди-
вляясь силѣ родства. Не-
внимательность моя къ лю-
дямъ, которые должны быть
для меня милѣе всего на свѣ-
тѣ, огорчила его. Какъ ма-
лой опскровенный и грубый,
онъ сказалъ мнѣ напрямки:
„Я полагаю найди въ васъ
болѣе нѣжности и чувстви-
тельности къ вашимъ род-
нымъ. Съ какою холодностію
вы спрашиваете объ нихъ!
Знайте, что родители ваши
все еще находятся въ услу-
женіи, а почтенный Каноникъ
Жиль - Перець, удрученный
лѣтами и дряхлостію, съ
часу на часъ ожидаетъ кон-

ца своего. Надобно знашь челоуѣчесшво; и какъ вы въ сосшояніи сдѣлашь добро роднымъ своимъ, то совѣшую вамъ дружески посылашь къ нимъ по двѣсти писмолей ежегодно. Эшою помощью вы доставите имъ способъ доживать въ вѣкъ покойно и счастливо, безъ всякаго для васъ опягощенія.“

Вмѣсто того, чшобы, послѣ сдѣланнаго имъ описанія о родныхъ моихъ, почувсшвовавъ къ нимъ состраданіе, я разсердился на него за дерзость, копорую принялъ онъ, не спросясь меня, подававъ мнѣ совѣшы. Взявшись за эшо поумнѣе, можешъ бышь онъ

и убѣдилъ бы меня ; но чистосердечіемъ своимъ только лишь возбудилъ гнѣвъ мой. Ему легко было это примѣшивъ изъ угрюмага моего молчанія. Продолжая свои увѣщанія не столько по христіанской любви, сколько по умышленной злости, онъ вывелъ меня изъ терпѣнія. „О! ужъ это слишкомъ много, опивчалъ я съ сердцемъ ; господинъ Мускада, не мѣшайся не въ свое дѣло ! Ты вздумалъ еще указывать мнѣ ! Я знаю самъ, что должно дѣлать въ такомъ случаѣ.“ Сказавши это, вытолкнулъ я его изъ кабинета, и отправилъ назадъ въ

Ов'ідо торговашъ н'ёрцомъ и
гвоздиною.

Однакожь слова его не вы-
ходили у меня изъ головы.
Внутренно упрекая себя въ
жестокости, я пришель въ
умиленіе. Вспомнилъ попече-
нія, какія прилагаемы были
о моемъ д'ѣлств'ѣ и воспиша-
ніи; представлялъ себѣ, чѣмъ
обязанъ моимъ родителемъ,
и сіи размышленія пробудили
во мнѣ чувство признатель-
ности, которое однакожь о-
спалось безъ всякаго д'ѣй-
ствія. Неблагодарность моя
скоро погасила его и преда-
ла совершенному забвенію. у
многихъ опцевъ бывають та-
кіе д'ѣши.

Скупоссть и честолюбіе ,
 обладавшія мною, совсемъ пе-
 ремѣнили нравъ мой. Весе-
 лоссть моя исчезла: я сдѣлал-
 ся разсѣянъ и задумчивъ, од-
 нимъ словомъ, сдѣлался са-
 мою глупою шварью. Фабри-
 цій , видя , что я стараюсь
 только приносить жертвы
 Форшунѣ и совсемъ опсспалъ
 опъ него , приходилъ ко мнѣ
 очень рѣдко. Онъ не могъ да-
 же удержасться, чшобъ не ска-
 зать мнѣ однажды : „Право ,
 Жилблазь , я не узнаю себя.
 Пока ты не попалъ ко Двору,
 былъ всегда спокоенъ духомъ,
 а теперь вижу себя въ без-
 преспанномъ волненіи. У те-
 бя только и въ головѣ, какъ

бы обогатишься; и чѣмъ
 больше наживаешься, тѣмъ
 жаднѣе становишься. Теперь
 —могу ли выговоришь?.... ты
 не имѣешь со мною той оп-
 кровенности, того свобода-
 го обращенія, которыя со-
 ставляютъ прелесть друже-
 ской связи: ты припворяешь-
 ся и скрываешь, что у тебя
 на сердцѣ. Я замѣчаю даже
 принужденность въ ласкахъ,
 которыя мнѣ оказываешь. Ко-
 роче скажешь, ты не толь-
 ко Жилбазъ, котораго зна-
 валъ я прежде.“—

—Ты конечно шутишь, оп-
 вѣчалъ я съ холоднымъ ви-
 домъ. Я не вижу въ себѣ ни-
 какой переменны.—,,Не на свои

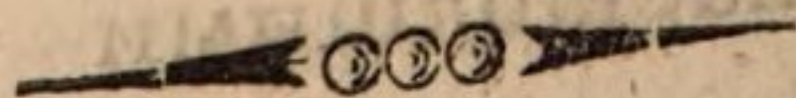
Глаза въ такомъ случаѣ надобно полагаться: они ослѣплены. Повѣрь мнѣ, ты въ самомъ дѣлѣ перемѣнился. Скажи правду, другъ мой, такъ ли мы живемъ теперь, какъ прежде? Бывало, когда по упрямству постучусь у дверей твоихъ, ты самъ открываешь мнѣ, почти еще сонный, и я захожу къ тебѣ безъ чиновъ. А нынче какая разница! У тебя проявились лакеи; заставляють меня дожидаться въ передней, и не впускають безъ доклада. Да и какъ самъ ты меня принимаешь? Съ холодною учтивостью, представляя изъ себя знашаго господина. Всякой скажетъ,

что посѣщенія мои сшано-
 вѣтся тебѣ въ шягосѣ. Не
 ужь ли ты думаешь, что ша-
 кой пріемъ можетъ быть прі-
 япень челоѡку, копорый былъ
 швоимъ шоварищемъ? Нѣшъ,
 Саншиллана, нѣшъ; онъ для
 меня совсемъ не приличенъ.
 Прощай; разстанемся подру-
 жески. Избавимся оба, ты
 ошъ сшрогаго судьи дѣль шво-
 ихъ, а я ошъ новаго богача,
 копорый не узнаешъ самъ се-
 бя.“

Упреки его болѣе раздра-
 жили меня, нежели пронули;
 я далъ ему волю уйши, ни-
 мало его не удерживая. Въ
 шюгдашнемъ расположеніи мо-
 его духа, дружба сшхонворца

казалась мнѣ не споль драгоцѣнною, чѣобы сожалѣть о ея ушрашѣ. Я вознаградилъ ее знакомствомъ съ нѣкошорыми нижними служишелями Королевскими, и сходшво нашихъ нравовъ скоро сдѣлало насъ друзьями. Новые знакомцы мои были большею частію люди, Богъ вѣсшъ, какого произхожденія, обязанные настоящими мѣсшами своими слѣпому счасшію. Всѣ они имѣли уже порядочное сосшояніе, и милосши, кѣпорыми Король, по добродушію своему, осыпалъ ихъ, приписывая единсшвенно заслугамъ своимъ, они забывались подобно мнѣ. Мы вооб-

ражали о себѣ, что доспой-
ны всякаго почщенія. О Фор-
туна! вошь какъ по большой
часпи распредѣляешь ны сво-
ими дарами! Споикъ Эпик-
нешъ справедливо уподоб-
ляешь тебя благородной дѣ-
вицѣ, кошорая не сшыдишся
связей даже съ лакеями.

ЖИЛБЛАЗЪ

ДЕ

САНТИЛЛАНА.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Сципионъ хочетъ женить
Жилблаза на дочери бо-
гатаго золотыхъ дѣлъ ма-
стера. Какъ къ тому при-
ступлено.

Въ одинъ вечеръ, просшив-
шись съ гостями, копорые у
меня ужинали, и будучи одинъ
со Сципиономъ, я спросилъ его:
„Что хорошенькаго удалось
тебѣ сегодня сдѣлать?“—Дѣло
славное!—опеѣчалъ онъ. Я хо-
чу женишь васъ, и прочу вамъ

единственную дочь знакомаго мнѣ золошыхъ дѣлъ мастера.—

„Дочь золошыхъ дѣлъ мастера!—вскричалъ я съ негодованіемъ. Не съ ума ли ты сошелъ? Свапашъ за меня мѣщанку! Имѣя нѣкоторыя достойнства и знача чшо нибудь при Дворѣ, можно, кажешся, проспирашъ свои виды и подалѣе.“—И! сударь, къ чему такія разсужденія? Подумайте, чшо мужъ дѣлаешъ жену благородною, и не будыте разборчивѣе многихъ знашныхъ господъ, которыхъ могу привеспи самъ въ примѣръ. Знаете ли, чшо у эшой несеѣшны приданаго около ста тысячъ червонныхъ?

Не прекрасная ли паршiя?—
 Услышавъ о такой суммѣ, я
 сдѣлался сговорчивѣе.— „Со-
 гласенъ, сказалъ я Секреша-
 рю моему; приданое мнѣ ка-
 жется порядочное. Да когда
 мнѣ дадутъ его въ руки?“—
 Поищите, сударь, потерпите
 немного. Мнѣ надобно напе-
 редъ объясниться о томъ съ
 ея опцомъ, и склонить его.—
 „Прекрасно!—вскричалъ я съ
 громкимъ смѣхомъ, только-то
 вы еще сдѣлать? Долго же
 дожидаться этого брака!“—
 Не такъ долго, какъ вы ду-
 маете. Спойте мнѣ только
 поговорите съ старикомъ, и
 я опвѣчаю вамъ за успѣхъ.
 Но прежде, нежели присту-

нимъ къ дѣлу, условимся между собою. Положимъ, что я доставлю вамъ сто тысячъ червонныхъ; тогда сколько придется на мою долю? — „Двадцать тысячъ.“ — Благодареніе Богу! Я доволенъ буду и половиною. Вы вдвое великодушнѣе меня. Завтра же начну переговоры, и вы можете надѣяться, что они будутъ удачны, или я глупѣе скоша. —

Въ самомъ дѣлѣ, два дни спустя, сказалъ онъ мнѣ. „Я говорилъ съ господиномъ Габріэлемъ Салеро (такъ звали золотыхъ дѣлъ мастера): сколько расхвалилъ ему вашу знашь и достоинства,

что онъ охотно согласился
 выдать за васъ дочь свою.
 Въ приданое получишь она
 сто тысячъ червонныхъ, ко-
 гда вы докажете ему, что
 находишься въ милости у
 Министра. — Если такъ, оп-
 вѣчалъ я, то скоро буду же-
 нашъ. Да скажи мнѣ, видѣлъ
 ли ты невѣсту? Хороша ли
 она? —, Не такъ хороша, какъ
 приданое. Между нами ска-
 зать, эта богатая наследни-
 ца не великая красавица. Къ
 счастью, вамъ мало до того
 нужды. — Ни малѣйшей, мой
 другъ! Мы придворные же-
 нимся только для того, чтобы
 женишься. Ищемъ красоты
 только въ женахъ нашихъ

пріяшелей; и если случайно находимъ ее въ нашихъ собственннхъ, то такъ мало обращаемъ на нее вниманія, что онъ хорошо дѣлающъ, когда насъ за то наказывающъ.—

„Это еще не все, возразилъ Сципіонъ: господинъ Габріэль даетъ для васъ сегодня ужинъ. Мы условились, чшобъ вы не говорили ничего о женидбѣ. Онъ пригласилъ къ себѣ нѣсколько купцовъ изъ своихъ пріяшелей; вы будете какъ проспой гостъ, а завтра онъ самъ придетъ къ вамъ ужинашъ такимъ же образомъ. Вы видите изъ эшаго, чшо онъ такой человекъ, которъй

хочешь хорошенько узнать васъ прежде, нежели породнишься съ вами. Не худо, если вы будете съ нимъ пооспорожиѣе.“— О!—прервалъ я съ увѣришельнымъ видомъ — пускай онъ разсматриваетъ меня, сколько ему угодно; я еще больше отъ того выиграю.—

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Сципіонъ пошелъ со мною къ золошыхъ дѣлъ масперу, кошорый принялъ меня такъ ласково, какъ будто сшариннаго своего знакомца. Онъ былъ доброй мѣщанинъ и, какъ говоришся, вѣжливы до несносной крайности (*hosta porfiar*). Предсхавилъ мнѣ госпожу Евгенію, свою супругу,

и молодую Габріэлу, дочь свою.
Я осыпалъ ихъ учтивостями,
не нарушая однакожь условія.
Наговорилъ имъ множество
пышныхъ пусшяковъ языкомъ
придворнымъ.

Габріэла — не во гнѣвъ Се-
крешарю моему — показала
мнѣ не дурна собою, или опъ
того, что была чрезвычайно
разряжена, или опъ того,
что я смотрѣлъ на нее сквозь
приданое.... Какой прекрасной
домъ у господина Габріэля!
Въ Перуанскихъ рудникахъ,
я думаю, менѣе серебра, не-
жели въ его домѣ. Мешалъ
сей предсшавлялся шамъ взо-
ру со всѣхъ споронъ подъ
тысячью различныхъ видовъ.

Каждая комнаша, а особливо ша, въ кошорой мы ужинали, была прямое сокровище. Какое зрѣлище для глазъ нареченнаго зятя! Теснь, желая придашь болѣе блеску своему пиру, пригласилъ къ себѣ человекъ пять или шесть купцовъ, особъ важныхъ и скучныхъ. Они говорили только о дѣлахъ торговыхъ; и можно сказать, что бесѣда ихъ походила болѣе на биржу, нежели на пріятельской ужинъ.

На другой день ввечеру угощалъ я въ свою очередь золотыхъ дѣлъ маспера. Не въ состояніи будучи ослѣпить его моею серебряною посудой, прибѣгнулъ я къ другому спо-

собу обольщенія. Пригласилъ
 къ ужину шѣхъ изъ моихъ
 пріятелей, которые играли
 важнѣйшія при Дворѣ роли,
 и которыхъ зналъ я за че-
 сплюбцевъ, неполагающихъ
 никакого предѣла своимъ же-
 ланіямъ. Они полковали поль-
 ко о чинахъ, почешныхъ и
 прибыльныхъ мѣстахъ, ко-
 торыхъ добивались. Это имѣ-
 ло свое дѣйствіе. Мѣщанинъ
 Габріэль, обвороженный вели-
 кими ихъ замыслами, чув-
 ствовалъ себя, не смотря на
 все свое богатство, жалкимъ
 швореніемъ въ сравненіи съ
 сими господами. Что касает-
 ся до меня, то выдавая себя
 за человека скромнаго, я ска-

залъ , что былъ бы доволенъ
 посредственнымъ состояніемъ,
 на примѣръ, двадцатью ты-
 сячами червонныхъ годового
 дохода. Тутъ сіи алчные къ
 почестямъ и богатству люди
 вскричали, что я дѣлаю дур-
 но , и что будучи въ боль-
 шой милости у перваго Ми-
 нистра, долженъ ожидать не
 такой бездѣлицы. Тесъ не
 проронилъ ни одного слова ;
 и, какъ мнѣ казалось, пошелъ
 опъ меня въ полномъ удо-
 вольствіи.

Сципіонъ не преминулъ
 придти къ нему на другой
 день по утру, спросишь, до-
 воленъ ли онъ мною.— „Чрез-
 вычайно!—опвѣчалъ мѣщанинъ;

эпошъ молодой человекъ плѣ-
 нилъ меня. Но, господинъ
 Сципіонъ, примолвилъ онъ,
 заклиною васъ стариннымъ
 нашимъ знакомствомъ, будь-
 те со мною опкровены. У
 всякаго свои слабости, какъ
 вамъ извѣстно: скажите мнѣ
 о слабостяхъ господина Сан-
 шилланы. Не каршежникъ ли
 онъ? Не волокиша ли? Нѣтъ
 ли въ немъ какой порочной
 склонности? Прошу васъ, не
 скрывайте ее опъ меня.“—
 Вы меня обижаете такимъ
 вопросомъ, возразилъ свашъ.
 Я преданъ вамъ болѣе, неже-
 ли моему господину. Если бы
 имѣлъ онъ какую нибудь дур-
 ную привычку, кошорая могла

бы сдѣлашь несчастною дочь
 вашу, то предложилъ ли бы
 я вамъ его въ зятя? Нѣтъ,
 клянусь честію! это не зна-
 чило бы услужить вамъ. Но,
 между нами сказашь, я не
 нахожу въ немъ другаго по-
 рока, кромѣ того, что онъ
 не имѣетъ никакого. Онъ
 очень разуменъ для сво-
 ихъ лѣтъ.— „Тѣмъ лучше,
 подхващилъ масперъ, шѣмъ
 для меня пріятнѣе. Поди,
 другъ мой, увѣрь его, что
 дочь моя непременно будетъ
 за нимъ, и что я даже со-
 гласился бы на эшотъ бракъ,
 хошя бы господинъ швой и
 не былъ въ такой милости
 у Министра.“

Лишь только Секретарь
 мой пересказалъ мнѣ эшотъ
 разговоръ, то побѣжалъ я къ
 Салеру благодарить его за
 доброе ко мнѣ расположеніе.
 Онъ объявилъ уже волю свою
 женѣ и дочери, изъ приему
 коихъ заключилъ я, что онъ
 непрекословно ему повину-
 ются. Я повелъ шесня мое-
 го къ Герцогу Лермѣ, кошо-
 раго предупредилъ о шомъ
 наканунѣ. Его Свѣшлосшъ
 принялъ его весьма милоспи-
 во; изъявилъ свое удоволь-
 ствіе, что онъ выбралъ зя-
 шемъ человека, кошораго самъ
 онъ очень любитъ и намѣ-
 ренъ вывеси въ люди. Раз-
 хвалилъ мои добрыя качества,

и насказалъ обо мнѣ сполько хорошаго, что простодушный Габріэль вообразилъ, будто бы нашелъ во мнѣ для своей дочери самаго лучшаго жениха изо всей Испаніи. Опъ радости на глазахъ у него появились слезы. Когда мы прощались, онъ крѣпко меня обнялъ и сказалъ: „Сынъ мой, я такъ неперпѣливо желаю видѣшь тебя супругомъ Габріэлы, что ты не пробудешъ холостъ и недѣли.“

ГЛАВА II.

По какому случаю вспомнилъ Жилблазъ о Донѣ Альфонсѣ де Лейвѣ, и какую услугу оказалъ ему изъ тщеславія.

Оставимъ на минушу мою свадьбу: порядокъ моей исповрїи пребуешъ, чшобъ разсказалъ я, чѣмъ услужилъ прежде моему господину, Дону Альфонсу. Я совсемъ было позабылъ его, и вошъ при какомъ случаѣ опяшъ объ немъ вспомнилъ.

Около сего времени открылось Губернаторское мѣсто въ городѣ Валенціи. Услышавъ

объ эшомъ, вздумалъ я о До-
 нѣ Альфонсѣ де Лейвѣ. Я раз-
 суждалъ, что такое мѣсто
 будетъ совершенно по немъ;
 и, не сполько изъ дружбы,
 какъ изъ щеславія, рѣшился
 выпросить для него оное. Если
 удастся мнѣ эшо сдѣлать
 (воображалъ я), то какая
 честь меня ожидаетъ! И шакъ
 я обратился къ Герцогу Лер-
 мѣ; сказалъ ему, что былъ
 управителемъ у Дона Цезаря
 де Лейвы и его сына, и что,
 имѣя самыя основательныя
 причины бытъ ими доволь-
 нымъ, принимаю смѣлосъ
 упруждать Его Свѣшлосъ
 о пожалованіи шому или дру-
 гому Губернашорскаго мѣста

въ Валенціи. Министръ оп-
вѣчалъ мнѣ: „Охотно, Жил-
базъ, исполню твою просьбу.
Мнѣ пріятно видѣшь тебя
благодарнымъ и великодуш-
нымъ. При томъ же ты спа-
раешься за такую фамилію,
которую я уважаю. Лейвы
вѣрныя слуги Королю, и весь-
ма достойны эшаго мѣста. Ты
можешь располагать имъ по
своей волѣ: почиай эшо за
свадебный опъ меня подарокъ.“

Восхищаясь успѣхомъ моего
предпріятія, пошелъ я, не
теряя времени, къ Кальдеро-
ну, заготовишь указъ о Донѣ
Альфонсѣ. Тамъ было множе-
ство людей, ожидавшихъ съ
почтительнымъ молчаніемъ,

пока Донъ Родригесъ выйдетъ дашь имъ аудіенцію. Я пробрался сквозъ толпу до дверей кабинета, копорыя пошчасъ для меня отворились. Сколько нашель я шамъ Кавалеровъ, Коммандоровъ и другихъ знапныхъ особъ, коихъ просьбы выслушиваль Кальдеронъ по порядку. Досшойно замѣчанія, съ какимъ различіемъ принималъ онъ просителей. Инымъ едва киваль головою, другихъ удостоиваль поклономъ, и провожалъ до дверей кабинета. Въ учпиво-ссяхъ, копорыя онъ оказываль, видны были, шакъ сказать, различныя степени уваженія. Я примѣшилъ ка-

валеровъ , которые , негодуя на его къ нимъ презрѣніе , проклинали въ душѣ своей необходимость , заспавлявшую ихъ унижашься предъ такою харею. Видѣлъ другихъ , напрошивъ того , которые внутренно смѣялись глупому и надменному его виду. Къ чему мужъ послужили мнѣ такія наблюденія? Я не въ состояніи былъ ими воспользоваться. Дома велъ себя также , какъ и Кальдеронъ , нимало не заботясь о томъ , одобряютъ ли или порицаютъ мое обращеніе , лишь только бы сохраняли ко мнѣ почтеніе.

Донъ Родригесъ , нечаянно взглянувъ на меня , потчасъ

оспавиль дворянина, съ которымъ разговаривалъ, и обнялъ меня съ удивительными знаками дружества. „Ахъ, любезный товарищъ!— вскричалъ онъ: что доставляешъ мнѣ удовольствіе видѣть васъ здѣсь? Чѣмъ могу услужить вамъ?“ Я сказалъ ему, какое дѣло привело меня сюда, и онъ увѣрилъ меня, въ самыхъ учтивыхъ выраженіяхъ, что на другой день въ такое же точное время требованіе мое будетъ исполнено. Эшаго еще мало: онъ проводилъ меня до дверей передней, куда не провожалъ никого, кромѣ знаемыхъ господъ, и тамъ обнялъ меня снова.

„Что значашъ всѣ сіи учтивости? — говорилъ я идущи ошъ него; что онъ предвѣщающъ мнѣ? Не замышляешь ли Кальдеронъ погубишь меня, или спарается только приобрести мою дружбу? А можешь быть, предчувствуя близкое свое паденіе, ласкаешь меня въ намѣреніи просишь предсшательства моего предъ нашимъ Министромъ....“ Я не зналъ, на которой изъ сихъ догадокъ остановишься. На другой день Кальдеронъ обошелся со мною такимъ же образомъ; осыпалъ меня ласками и учтивостями. Правда, все, что доставалось мнѣ

лишняго, оппнималось у дру-
гихъ просишелей. Кому оп-
вѣчалъ онъ съ грубосшью,
кого принималъ съ холод-
носшью; словомъ, ни одного
почши не оппускалъ опъ се-
бя довольнымъ. Но одно при-
ключеніе, о кошоромъ не дол-
женъ я умолчать, довольно
опомсшило ему за всѣхъ.
Всякой приказной, всякой се-
крешарь, прочшя эшо, можетъ
извлечь изрядное для себя на-
сшавленіе.

Человѣкъ, очень просто одѣ-
шый, кошорый казался совсемъ
не шѣмъ, чѣмъ былъ въ са-
момъ дѣлѣ, подошелъ къ Каль-
дерону и сшалъ говоришь съ

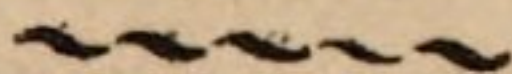
нимъ о какой-то запискѣ,
 кошорая, по словамъ его, по-
 дана имъ Герцогу Лермѣ. Донъ
 Родригесъ не взглянулъ даже
 на кавалера, и сказалъ ему
 грубымъ тономъ: „Какъ зо-
 вушь тебя, дружокъ?“— Въ
 дѣтствѣ моемъ звали меня
 Францилломъ, отвѣчалъ ка-
 валеръ съ холодносшью; по-
 томъ Дономъ Францилломъ де
 Цунигою, а теперь называюсь
 я Графомъ Педрозою.— Каль-
 деронъ, изумленный сими сло-
 вами, и видя, что имѣетъ
 дѣло съ человѣкомъ весьма
 знашнымъ, хотѣлъ было из-
 виняться: „Милосшивый Го-
 сударь, просшише, что не

имѣя чести васъ знать....“—
 Извиненія твои для меня не
 нужны — прервалъ съ важ-
 ностью Францилло; я прези-
 раю ихъ столько же, какъ и
 твои грубости. Знай, что
 Секретарь Министра долженъ
 принимать учтиво всякаго.
 Ты можешь щеславиться,
 сколько хочешь, и почищать
 себя помощникомъ своего го-
 сподина; но не забывай, что
 ты не иное что, какъ его
 служитель.—

Этотъ случай чрезвычайно
 оскорбилъ надменнаго Дона
 Родригеца; но не сдѣлалъ его
 благоразумнѣе. Чтожь касает-
 ся до меня, то обстоятель-

сшво сіе взялъ я на замѣча-
 ніе : рѣшился разбирашь лю-
 дей , съ которыми говоришь
 сшану на моихъ аудіенціяхъ,
 и бышь наглымъ только съ
 нѣмыми. Такъ какъ указъ о
 Донѣ Альфонсѣ былъ уже го-
 шовъ, то я взялъ его, и ошо-
 слалъ съ нарочнымъ, при
 писъмѣ ошъ Герцога Лермы,
 въ кошоромъ Его Свѣшлосшь
 извѣщаль эшаго молодого го-
 сподина, что Король пожало-
 валъ его Губернашоромъ въ
 Валенцію. Я не увѣдомилъ его
 объ учасшіи, какое имѣлъ въ
 семъ дѣлѣ, даже совсемъ не
 писалъ къ нему, прѣдосшав-
 ляя себѣ удовольсшвіе раз-
 сказашь ему о шомъ лично,

и обрадовать его нечаянно, когда онъ прїѣдетъ ко Двору дасть присягу на новую должность.

ГЛАВА III.

Приготовленія къ Жил-блазовой свадьбѣ; какое важное происшествіе сдѣлало ихъ тщетными.

Обратимся опять къ прекрасной Габріэлѣ. И такъ черезъ недѣлю я долженъ былъ на ней жениться. Съ обѣихъ сторонъ дѣлались приготовления къ свадьбѣ. Салеро заказалъ для нееѣсты богатые

плашья, а я нанялъ для нее горничную, лакея и спараго надзирашеля. Обо всемъ этомъ заботился Сципіонъ, ожидавшій еще съ большимъ нетерпѣніемъ, нежели я, дня, въ который опсчишають мнѣ приданое.

Наканунѣ споль желаннаго дня ужиналъ я у нареченнаго, шесшя съ дядями, шешками, племянниками и племянницами. Я совершенно игралъ ролю зяшя—лицемѣра: угождалъ всячески золошыхъ дѣлъ масшесру и женѣ его, предѣ Габріэлою прищворялся спрасшно влюбленнымъ, и ласкалъ всю фамилію, терпѣливо слушаа глупые разговоры и мѣщанскія

разсужденія. Въ награду за то, имѣлъ счастіе понравиться всѣмъ родственникамъ. Каждый восхищался мыслию, что я буду имъ свой.

По окончаніи спола, госпи перешли въ большую залу, гдѣ угостили ихъ вокальнымъ и инструментальнымъ концерпомъ, который былъ еще довольно сносенъ, хотя и не самые лучшіе Мадридскіе пѣвчіе и музыканты составляли оный. Разныя забавныя аріи такъ развеселили насъ, что мы принялись за танцы. Можно вообразить, каковы были наши танцы, когда всѣ госпи почли меня за пишомца Терпсихоры, хотя не зналъ

я и первыхъ началъ эшаго
 искусства, кромѣ того, что
 взялъ два или три урока у
 одного плохова танцмейстера,
 который училъ пажей въ до-
 мѣ Маркизы Хавесъ. Доволь-
 но повеселившись, готовились
 всѣ разойтись по домамъ.
 Я не щадилъ ни поклоновъ,
 ни объятий.—„Прощайте, лю-
 безный зятюшка!—сказалъ Са-
 леро, обнявъ меня; завтра по-
 утру приду къ вамъ со звон-
 кимъ и блестящимъ роди-
 шельскимъ благословеніемъ.“—
 Милости просимъ, почтен-
 нѣйшій батюшка!—отвѣчалъ
 я.—Послѣ того, пожелавъ всей
 фамиліи спокойной ночи, сѣлъ
 я въ карету, которая дожи-

далась меня у крыльца, и по-
ѣхалъ домой.

Едва успѣлъ я опѣхавъ
шаговъ двѣсши опѣ жилища
господина Габріэля, какъ че-
ловѣкъ пятнадцатъ или двад-
цатъ, частію верхами, ча-
стію пѣшкомъ, всѣ со шпа-
гами и карабинами въ ру-
кахъ, окружили мою карету
и, остановивъ ее, кричали:
по указу Королевскому!— Не
давши мнѣ опомниться, вы-
тащили меня изъ кареты, и
бросили въ кибитку. Началь-
никъ ихъ, сѣвъ вмѣстѣ со
мною, велѣлъ кучеру скакать
въ Сеговію. Я тотчасъ до-
гадался, что имѣю повари-
щемъ честнаго Алгвазила.

Вздумалъ было спрашивать
его о причинѣ моего ареста;
но онъ, по обыкновенію сихъ
господъ, отвѣчалъ съ гру-
бостью, что не обязанъ да-
вать мнѣ опчета. Я сказалъ
ему, что, можешь бышь, онъ
ошибся.—,,Нимало!—возразилъ
онъ: я знаю, что дѣлаю. Вы
господинъ Саншиллана. Васъ-
то и приказано мнѣ отвезти
туда, куда мы ѣдемъ.“ Не
имѣя ничего отвѣчать на
слова сіи, я рѣшился молчать.
Оспахокъ ночи ѣхали мы бе-
регомъ Мансанаресса въ глу-
бокомъ молчаніи. Въ Колме-
нарѣ перемѣнили лошадей и
подъ вечеръ прибыли въ Се-

говію, гдѣ посадили меня въ
крѣпость.

ГЛАВА IV.

*Какъ поступали съ Жил-
блазомъ въ Сеговской крѣ-
пости, и какиѣ обра-
зомъ узналъ онъ причину
своего заключенія.*

Меня заперли въ пюрьму
и оставили на соломѣ, какъ
преступника, достойнаго
смертной казни. Ночь про-
велъ я безъ большаго огорче-
нія, ибо не постигалъ еще въ
полной мѣрѣ своей участи,
и старался проникнуть при-

чину моего несчастія. Я догадывался, что это сработано было Кальдерономъ; и хотя подозрѣвалъ уже, что онъ обо всемъ провѣдалъ, но не могъ понять, какъ удалось ему довести Герцога Лерму до такого жестокаго со мною поступка. То воображалъ, что заключили меня безъ вѣдома Его Свѣшлости, то опять думалъ, что онъ самъ, по какой нибудь политической причинѣ, велѣлъ посадить меня въ тюрьму, ибо Министры иногда поступаютъ такъ съ своими любимцами.

Я мучился различными догадками; между шѣмъ дневной свѣтъ, проходя сквозь

маленькое решетчатое окно ,
представилъ взорамъ моимъ
весь ужасъ новаго моего жи-
лища. Тогда предался я пе-
чали, и глаза мои превраши-
лись въ два слезные источ-
ника ; воспоминаніе о преж-
немъ блаженствѣ моемъ дѣ-
лало ихъ неиспощимыми. Ме-
жду шѣмъ вошелъ ко мнѣ
пюремщикъ съ хлѣбомъ и
кружкою воды. Онъ посмот-
рѣлъ на меня , и , примѣшя
мои слезы, (хотя былъ и пю-
ремщикъ) почувствовалъ со-
спраданіе.—, Не опчаявайшесь,
господинъ кавалеръ , сказалъ
онъ мнѣ. Не надобно слиш-
комъ огорчаться презрашно-
стями жизни. Вы молоды, и

для васъ много еще счастли-
выхъ дней впереди. Въ ожи-
даніи того покушайте на
здоровье Королевскаго хлѣба."

Упѣшишель мой вышелъ;
на слова его отвѣчалъ я поль-
ко слезами и вздохами. Цѣ-
лый день проклиналъ судьбу
свою, не думая прикасаться
къ провизіи, кошора, въ по-
гдашнемъ моемъ положеніи,
не сколько казалась мнѣ зна-
комъ милости Короля, сколь-
ко дѣйствіемъ его гнѣва: она
служила болѣе къ продолже-
нію, нежели къ облегченію
спраданій несчастнаго.

Между шѣмъ ночь насту-
пила, и вскорѣ сильный звонъ
ключей возбудилъ мое внима-

ніе. Дверь шюрьмы отворилась; вошелъ человекъ со свѣчею. Приближась ко мнѣ, сказалъ онъ : „Господинъ Жилбазъ , вы видите предъ собою спариннаго вашего пріятеля. Я пошъ самый Донъ Андре Тордезилласъ, который былъ дворяниномъ при Гренадскомъ Архіепископѣ, въ то время , когда вы находились у него въ большой милости. Вы просили его, если помните, употребить свой кредитъ въ мою пользу; онъ доставилъ мнѣ нѣкоторую должностъ въ Мексикѣ ; но я , не поѣхавъ въ Вестъ-Индію , остановился въ Аликаншѣ. Тамъ женился на дочери Капитана

замка; и послѣ разныхъ при-
 ключеній, о которыхъ раз-
 скажу вамъ послѣ, сдѣлался
 Комендантомъ Сеговской крѣ-
 пости. Мнѣ строго предпи-
 сано не допускать къ вамъ
 никого, кромѣ васъ на со-
 ломѣ, и давать только хлѣбъ
 съ водою. Но, кромѣ того,
 чѣмъ челоѡколюбіе застав-
 ляетъ имѣть состраданіе къ
 вашему несчастію, я столько
 вамъ обязанъ, что благодар-
 ность моя сильнѣе получен-
 ныхъ мною повелѣній. Вмѣ-
 сто того, чтобы служить
 орудіемъ жестокости, копо-
 рую, хотящу оказавъ надъ
 вами я намѣренъ обращаться
 съ вами какъ можно луч-

ше. Встаньте, и спускайтесь за мною.“

Хотя господинъ Комендантъ заслуживалъ нѣкоторую признашельность, но мысли мои были въ такомъ разстройствѣ, что я не могъ отвѣчать ему ни слова. Мы перешли черезъ дворъ, и по узенькой лѣстницѣ взошли въ каморку, которая была на самомъ верху башни. Я не мало удивился, увидя на столѣ двѣ свѣчи, горѣвшія въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, и двѣ шарелки со всемъ приборомъ.—„Сію минушу, сказалъ мнѣ Тордезилласъ, принесушъ намъ кушанье; мы здѣсь опущинаемъ. Это уеди-

ненное мѣсто назначилъ я для
 вашего жилища. Здѣсь будетъ
 вамъ лучше, нежели въ шюръ-
 мѣ. Изъ окна можете видѣть
 цвѣтушіе берега Эремы, и
 прекрасную долину, которая
 опъ подошвы горъ, раздѣля-
 ющихъ обѣ Каспильи, про-
 спирается до Коки. Безъ со-
 мнѣнія, сначала такой пре-
 лесный видъ не сдѣлаетъ
 большаго на васъ впечатлѣ-
 нія; но когда время превра-
 щитъ сильную горестъ вашу
 въ тихую меланхолію, вы
 будете съ великимъ удоволь-
 ствіемъ смотрѣть на сіи
 живописныя окрестности.
 Могу васъ увѣрить, что не
 найдете здѣсь недоспадка ни

въ бѣльѣ, ни въ другихъ вещахъ, необходимыхъ для человека любящаго опрятность. У васъ будетъ покойная постеля, хорошій столъ и книги, какія вамъ угодно. Словомъ, будете имѣть всѣ удобства, какія арестанту имѣть можно.“

Обѣщанія Коменданта немного успокоили меня. Я ободрился; благодарилъ его самымъ чувствительнымъ образомъ; сказалъ ему, что онъ возвращаетъ мнѣ жизнь своимъ великодушіемъ, и что я желалъ бы опять придти въ соспояніе изъяснивъ ему на дѣлѣ мою признательность. — „А почемужь вамъ и не быть

въ такомъ состояніи?—опивъ-
 чаль онъ. Не ужъ ли вы ду-
 маете, что навсегда лиши-
 лись свободы? Вы ошибаетесь:
 смѣю васъ увѣрить, что
 чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ вы
 будете свободны.“—Что вы
 говорите, Донъ Андре? вскри-
 чаль я. Кажется, вы знаете
 причину моего несчастія.—
 „Признаюсь, она мнѣ извѣст-
 на. Алгвазилъ, который при-
 везъ васъ сюда, ввѣрилъ мнѣ
 эшу шайну; я могу ее оп-
 крыть вамъ. Слушайте: Его
 Величество, провѣдавъ, что
 Графъ Лемось и вы водили
 ночью Наслѣднаго Принца въ
 подозрительный домъ, Графа
 удалилъ отъ Двора, а васъ

велѣлъ отправишь въ Сегов-
скую крѣпость, гдѣ предпи-
сано обходишься съ вами со
всею спрогоспію, какую вы
испытали при вашемъ сюда
прибытіи.“— Какимъ же об-
разомъ дошло это до свѣденія
Короля?—,,Объ этомъ-то Ал-
гвазилъ и не сказалъ мнѣ :
вѣрно онъ и самъ не знаетъ.“

Разговоръ нашъ прерванъ
былъ приходомъ лакеевъ съ
кушаньемъ. Они принесли хлѣ-
ба, два спакана, двѣ бушыл-
ки и три большія блюда ;
въ одномъ изъ послѣднихъ
былъ заяцъ въ соусѣ съ лу-
комъ, масломъ и шафраномъ,
въ другомъ *олла - подрида* *),

*) См. Ч. I. снр. 58. примѣчаніе.

а въ прѣшѣемъ молодой кап-
лунъ еъ вареньѣ изъ беренге-
ны *). Тордезилласъ, видя,
что все гошово, выслалъ вонъ
служишелей; заперъ двери, и
мы оба сѣли за столъ, другъ
прошивъ друга. „Начнемъ,
сказалъ онъ, съ нужнѣйшаго.
Послѣ двухъ дней діеты, я

*) Беренгена (*Berenгена*), маленькая
тыква; растетъ въ изобилии въ
Испаніи и приносятъ огурцу-по-
добные, въ два вершка длиною,
темноватые спручья, копорые
варятъ обыкновенно съ шеляпи-
ною или бараниною. Лапинское
имя *Solanum pomiferum*. Арабы
большіе охошники до сего распѣ-
нія, которое называется также
яблокомъ любви (*rotte d' amour*).

чаю, вы имѣете хорошій аппетитъ.“ И положилъ мнѣ на тарелку порядочной кусокъ мяса. Онъ воображалъ, что угощаетъ голоднаго, да и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ причину думать, что я объѣмся его вкусными кушаньями. Однакожь обманулся. Сколько ни нужно мнѣ было подкрѣпить себя пищею, куски останавливались у меня въ горлѣ; такъ сокрушало меня наспо-ящее мое положеніе. Чтобы разсѣять горестныя мысли мои, Комендантъ уговаривалъ меня пить, выхваляя превосходное вино свое; но все напрасно: хотя бы онъ подчивалъ меня нектаромъ, я пилъ

бы и тогда безъ удовольствія.
 Замѣшивъ это, принялся онъ
 другимъ образомъ утѣшать
 меня: началъ рассказывать
 забавнымъ тономъ исторію
 своей женидѣбы. Это имѣло
 еще менѣе успѣха. Я слушалъ
 повѣствованіе его безъ вся-
 каго вниманія, и по окончаніи
 онаго, не зналъ, что такое
 онъ рассказывалъ. Полагая,
 что никакъ не можешь въ
 эшопъ вечеръ разсѣять моей
 горести, всшалъ онъ изъ за-
 шлола, и сказалъ мнѣ: „Го-
 сподинъ Саншиллана, остав-
 ляю васъ покоиться, или
 лучше сказать, размышлять
 на свободѣ о вашемъ несча-
 стіи. Но, повпоряю вамъ,

оно не продолжишся. Король
имѣешь ошъ природы доброе
сердце; когда гнѣвъ его прой-
дешь, и онъ представитъ се-
бѣ жалкое положеніе, въ ко-
торомъ, по его мнѣнію, вы
находишесь, то почтешь васъ
довольно наказаннымъ.“ При
сихъ словахъ, господинъ Ко-
мендантъ вышелъ и прислалъ
слугъ собрать со стола. Они
вынесли даже и свѣчи. Я
легъ при слабомъ свѣтѣ лам-
пы, копорая привѣшена была
къ стѣнѣ.

ГЛАВА V.

О темъ размышлялъ Жил-
блзъ прежде, нежели за-
снулъ, и отъ того про-
буждился.

По крайней мѣрѣ при ча-
са провелъ я въ размысле-
ніи о томъ, что мнѣ сказалъ
Тордезилласъ. „Такъ посадили
меня сюда за то, (говорилъ
я самъ себѣ) что пособлялъ
веселишься Наслѣднику Ко-
роны. Да и что за безразсуд-
ство оказывать подобныя у-
слуги споль молодому Прин-
цу! Все мое пресшупленіе со-
стоитъ въ крайней его мо-
лодоспи: если бы онъ былъ

посшарѣ , то Король , можешъ бышь , посмѣялся бы только тому , что шеперь такъ сильно его прогнѣвило. Но кто бы осмѣлился извѣстить объ этомъ Государя , не опасаясь ни Принца , ни Герцога Лермы ? Министръ , безъ сомнѣнія , захочешъ опомсшить за племянника своего , Графа Лемоса. Какъ дошло это до Короля?... Не понимаю.“

Я безпреспанно ломалъ голову. Между шѣмъ мысль , что все мое имѣніе будешъ разшаскано , шерзала меня и приводила въ опчаяніе. „Сокровище мое , вскричалъ я , любезныя мои денежки ! куда вы дѣвались? Въ какія руки

попали? Я потерялъ васъ го-
 раздо скорѣе, чѣмъ нажилъ!
 Я представлялъ себѣ съ го-
 ресшію безпорядокъ, какой
 долженъ быть теперь въ мо-
 емъ домѣ, и поминутно при-
 ходилъ въ горестнѣйшія раз-
 мышленія. Такое душевное
 волненіе навело на меня родъ
 изнеможенія, которое было
 мнѣ полезно: сонъ, убѣгавшій
 отъ меня во всю прошедшую
 ночь, сомкнулъ глаза мои.
 Хорошая постеля, прешерпѣн-
 ное мною безпокойство, пары
 вкуснаго ужина и вина, такъ-
 же къ тому способствовали.
 Я заснулъ крѣпко, и день,
 конечно, заспалъ бы меня въ
 эпомъ состояніи, если бы

вдругъ не пробудился я отъ шума, мало обыкновеннаго въ шемницахъ. Слышу звукъ ципры, сопровождаемый пѣніемъ. Прикладываю ухо; но все замолкло; я почелъ это за сонъ. Однакожь, минушу спусшя, слухъ мой пораженъ былъ такимъ же звукомъ и прежнимъ голосомъ, копорый пропѣлъ слѣдующіе стихи:

Ay de my! un anno felice
 Parece un soplo ligero;
 Però sin dicha un instante
 Es un siglo de tormento *).

*) Увы! годъ удовольствія проходишь, какъ легкій вѣтеръ; а минуша несчасія есть цѣлый вѣкъ мученья.

Эпошъ куплешъ, копорый,
 казалось, былъ сочиненъ на-
 рочно для меня, усугубилъ
 мою гореснь. „Живо чув-
 ствую, сказалъ я, истину
 сихъ словъ: мнѣ представ-
 ляется, что время моего бла-
 гополучія пролетѣло ²⁰мгновен-
 но, и что сижу въ шюрмѣ
 цѣлый вѣкъ.“ Я погрузился
 опять въ ужасную задумчи-
 вость, и началъ сокрушашь-
 ся, какъ будто бы находилъ
 въ томъ удовольствіе. Одна-
 ко жалобы мои кончились
 вмѣстѣ съ ночью: первые лу-
 чи солнца, освѣтившіе ком-
 нашу, нѣсколько облегчили
 мою гореснь. Я вспалъ съ
 поспехи, и отворилъ окошко,

чтобы освѣжиться воздухомъ. Взглянувъ на окрестности, которыхъ прелести описывалъ мнѣ Тордесилласъ, я не нашелъ въ словахъ его ничего похожаго на правду. Эрема, которую воображалъ я по крайней мѣрѣ равною рѣкѣ Таго, была не иное что, какъ ручей. Одна крапива и терновникъ украшали *цеѣтущіе* берега ея, и мнимая прекрасная долина представила глазамъ моимъ только поля, по большей части необработанныя и пустыя. Вѣроятно, я не находился еще въ той тихой меланхоліи, которая должна бы облечь предо мною всѣ предметы въ другую наружность,

нежели въ какой я ихъ видѣлъ.

Я началъ одѣваться, и уже совсемъ почти былъ готовъ, какъ вошелъ Тордезилласъ съ старою служанкою, копорая принесла рубашки, полошеницы и проч.— „Господинъ Жилблазъ, сказалъ онъ мнѣ, вошъ вамъ бѣлье; не жалѣйте его: у меня найдется его для васъ довольно. Да скажите, прибавилъ онъ, каково провели вы ночь? Облегчилъ ли сонъ хоть на нѣсколько минутъ ваши страданія?“— „Можетъ быть, я спалъ бы еще и теперь, отвѣчалъ я, если бы не разбудило меня пѣніе и игра на цитрѣ.— „Тотъ, кто помѣшалъ

вамъ покойшся , естъ госу-
 дарственный арестантъ , и
 содержишся здѣсь подлѣ ва-
 шей комнаы. Онъ Кавалеръ
 военнаго Калашравскаго орде-
 на, человѣкъ прелюбезный. Его
 зовушъ Донъ Гаспонъ де Ко-
 голлосъ. Вы можете съ нимъ
 видѣшся , даже вмѣстѣ ку-
 шашъ , и въ разговорахъ ва-
 шихъ найдете взаимное утѣ-
 шеніе ; вамъ обоимъ будешъ
 не шакъ скучно.“

Я благодарилъ Дона Андре
 за данное позволеніе соединишъ
 скорбь мою со скорбію эшаго
 кавалера. Примѣшивъ , что
 мнѣ хочешся поскорѣе позна-
 комишся съ товарищемъ мо-
 его несчастія , услужливый

Комендантъ доставилъ мнѣ
эпо удовольствіе въ пошъ же
день; онъ позволилъ мнѣ обѣ-
дать вмѣстѣ съ Дономъ Га-
сшономъ, котораго пріятный
видъ и красота удивили ме-
ня. Судите, каковъ онъ былъ
собою, если произвелъ сшоль
сильное впечатлѣніе на глаза,
привыкшіе видѣть самую бли-
стательную при Дворѣ мо-
лодежь. Предсшавъ себѣ че-
ловѣка, на котораго не лзя
довольно наглядѣться; одного
изъ тѣхъ романическихъ Ге-
роевъ, которые шолько лишь
показывались, какъ уже и
причиняли безсонницу Прин-
цессамъ. Прибавъ къ шому,
что природа, которая не всѣ-

ми дарами обыкновенно награждаетъ, украсила Коголоса и разумомъ и мужествомъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ прекраснѣйшій мужчина. Мы имѣли удовольствіе понравиться другъ другу. Между несчастными знакомство заводится скоро. Нѣжная дружба послѣдовала за первымъ нашимъ свиданіемъ, и день ото дня становилась крѣпче. Свобода, которую мы имѣли говорить другъ съ другомъ, была для насъ весьма полезна, потому что изъ разсужденій своихъ мы оба извлекали пособіе сносить терпѣливо горькую нашу участь.

Однажды послѣ обѣда я во-
шелъ къ нему въ то время,
когда гошовился онъ играшь
на цитрѣ. Чшобы спокойнѣе
слушашъ его, сѣлъ я на ска-
мейку, кошорая соспавляла
всю его мебель; а онъ, помѣ-
сшасъ на краю своей крова-
ши, заигралъ весьма прога-
пельную арію, кошорой слова
выражали опчаяніе, въ какое
жестокосшь красавицы по-
вергаетъ любовника. Когда
переспалъ онъ пѣть, я ска-
залъ ему, улыбаясь: „Госпо-
динъ кавалеръ, вошъ пѣсня,
въ кошорой вамъ никогда не
будешъ нужды. Для васъ нѣшъ
непреклонныхъ женщинъ.“ —
Вы слишкомъ выгодно обо

мнѣ судите, опвѣчалъ онъ.
 Эти стихи сочинилъ я для
 самаго себя, чѣмъ смѣгчить
 сердце, которое казалось мнѣ
 крѣпче камня, чѣмъ привестъ
 въ жалость особу, которая
 поступала со мною очень су-
 рово. Мнѣ должно разсказать
 вамъ эту исторію; изъ нее
 вы узнаете мои несчастія.—

ГЛАВА VI.

*Исторія Дона Гастона
 де Коголлоса и Донны
 Елены де Галистео.*

Вотъ почти уже чепыре
 года, какъ я, оставивъ Мад-
 ридъ, поѣхалъ въ Корію по-

видашься съ Донною Еленою
 рою Лаксариллою, моею шеш-
 кою, богашѣйшею вдовою во
 всей сшарой Касшилліи, у
 кошорой нѣтъ другихъ на-
 слѣдниковъ, кромѣ меня. Вско-
 рѣ по пріѣздѣ, любовь нару-
 шила мое спокойствіе. Тепка
 опшвела для меня комнашу,
 изъ кошорой можно было смо-
 трѣть въ окна къ одной да-
 мѣ, жившей напрошивъ; ули-
 ца была опмѣнно узка: я легко
 замѣшилъ прекрасную сосѣд-
 ку и влюбился. Тогда же даль
 ей знать о моихъ чувсшвахъ
 такими сшрасшными взгля-
 дами, что ей не лѣзя было
 не разумѣть меня. Она и въ
 самомъ дѣлѣ поняла мое объ-

сненіе; но оно не было для нее профеемъ, а еще менѣе поводомъ отвѣчать мнѣ подобными взорами.

Я хотѣлъ знать имя этой опасной женщины. Мнѣ сказали, что ее зовутъ Донною Еленою; что она единственная дочь Дона Георга де Галисшео; что къ ней свата-лось много жениховъ, но отецъ ея всѣмъ отказывалъ, пошому что намѣренъ выдать ее за Дона Августина Олигера, своего племянника, копорый, въ ожиданіи брака, имѣетъ дозволеніе видѣться и разговаривать съ двоюродною своею сестрою. Это не привело меня въ уныніе; напро-

шивъ, я влюбился еще болѣе;
и тайное удовольствіе воспор-
жествовашь предъ моимъ со-
перникомъ возбуждало меня,
можетъ быть, столько же,
какъ и любовь, продолжая
мое волокишство. И такъ я не
переспавалъ бросаю пламен-
ныхъ взоровъ на Елену; не
забывалъ также сморъшь у-
милно и на Фелицію, ея гор-
ничную, какъ бы испрашивая
у нее помощи. Но всѣ сіи
уловки были бесполезны. Я не
добился толку ни отъ госпо-
жи, ни отъ служанки: онѣ
обѣ были неумолимы, непри-
ступны.

Такъ какъ не хошѣли онѣ
внимашь языку глазъ моихъ,

то я прибѣгнулъ къ другимъ исполкователямъ. Велѣлъ развѣдывать, съ кѣмъ имѣла Фелиція знакомство въ городѣ. Мнѣ сказали, что одна сшарушка, именемъ Теодора, была ей лучшая пріятельница, и что онѣ видались очень часто. Восхищаясь такимъ откровеніемъ, я отправился къ Теодорѣ; склонилъ ее подарками на свою сторону. Она вступилась въ мое дѣло, обѣщала доставить у себя тайное свиданіе съ своею пріятельницею, и на другой же день исполнила данное слово.

„Я перестаю быть несчастнымъ, сказалъ я Фелиціи: спрѣданія мои возбудили

въ тебѣ жалоспѣ. Какъ обя-
занъ я швоей пріятельницѣ,
что она уговорила тебѣ по-
видашья со мною! — Госпо-
динъ кавалеръ, ошвѣчала Фе-
лиція; для Теодоры я гошова
сдѣлашъ все на свѣшѣ. Она
предупредила меня въ вашу
пользу; и если бы я могла
сосшавишъ ваше счасшѣ, то
желанія ваши вскорѣ были
бы исполнены; но, при всей
моей доброй волѣ, не знаю,
буду ли вамъ полезна. Не хо-
чу льстишъ вамъ: предпрія-
шѣе ваше сопряжено съ боль-
шими затрудненіями. Вы лю-
бите дѣвицу, сердце кошорой
принадлежишъ другому, споль
гордую, споль скрышную, что

хотя бы вы поспояншвомъ и спараніями вашими принудили ее вздыхашь, но не думайте, чшобъ гордость ея доспавила вамъ удовольствіе слышашь ея вздохи. — „Ахъ, милая Фелиція! — вскричалъ я съ горесшью, для чего говоришъ мнѣ о препяшствіяхъ, копорыя я преодолѣшъ долженъ? Эша вѣсшъ убиваетшъ меня. Лучше обманывай меня, но не приводи въ опчаяніе.“ При сихъ словахъ взялъ я у нее руку, и пожимая оную, надѣлъ ей на палецъ бриліантовой персшень въ шрисшapisшолей, наговоривъ пришомъ столько шрогашельнаго, что заспавиль ее плакашъ.

Она сжалилась надъ моими словами, и шакъ довольна была подаркомъ, что не хотѣла оставишь меня вовсе безъ утѣшенія. Поубавила нѣсколь-ко запрудненій. — „То, что я предсшавляла вамъ, сударь, сказала она, не должно опни-машъ у васъ всей надежды. Правда, соперникъ вашъ не можешъ пожаловашся на судьбу; онъ посѣщаетъ сесшрицу свою во всякое время, гово-ришь съ ней, когда ему угод-но; а эшо самое и послужишь вамъ въ пользу. Привычка бышь каждый день вмѣспѣ дѣлаешъ обхожденіе ихъ при-мѣшно холоднѣе. Они, по мо-имъ замѣчаніямъ, разсшающся

безъ сожалѣнія, и видяшся
безъ удовольствія, какъ буд-
то уже вѣнчанные. Словомъ
скажешь, я не вижу, чшобъ
госпожа моя пишала сильную
сшрасш къ Дону Августину.
Впрочемъ, между вами и имъ
въ личныхъ качествахъ та-
кая разница, что дѣвицѣ съ
шонкими чувствами, какова
Донна Елена, не возможно о-
ной не замѣшишь. И такъ не
робѣйте: продолжайте нача-
тое дѣло. Я буду вамъ помо-
гать; не пропуш ни одного
случая выхваляш предъ мо-
ею госпожею все, чшо ни
сдѣлаете ей въ угожденіе.
Сколько она ни пришворяйся,
я узнаю настоящія ея мысли.“

Послѣ такого объясненія мы
 разошлись, очень довольными
 другъ другомъ. Я пригото-
 вился новыми способами скло-
 няшъ къ себѣ дочь Дона Ге-
 орга; далъ ей серенаду, въ
 кошорой прекрасные голоса
 пѣли стихи, шеперь вами
 слышанные. Послѣ концерта,
 горничная, чшобъ выведашъ
 мысли госпожи своей, желала
 знашъ мнѣніе ея о музыкѣ.
 „Голосъ, ошвѣчала Донна Еле-
 на, мнѣ ошмѣнно понравил-
 ся.“— А слова, подхвашила
 Фелиція, не правда ли, что
 очень жалобны?— „На нихъ не
 обрацала я никакого внима-
 нія: меня занимало одно поль-
 ко пѣніе. Я нимало не думала

о стихахъ , и не забочусь
 знашь , кшо давалъ для меня
 серенаду. — По этому Донъ Га-
 спонъ де Коголлось очень о-
 шибся въ своемъ разсчешъ ,
 и дѣлаешъ глупо , чшо без-
 преспанно смопришъ на на-
 ши окошки. — „Да эшо, можешь
 бышь, не онъ, сказала госпо-
 жа съ холоднымъ видомъ , а
 какой нибудь другой кавалеръ
 хошѣлъ объяснишь мнѣ лю-
 бовъ свою концершомъ. — Из-
 винише, сударыня : эшо поч-
 но Донъ Гаспонъ. Нынѣче по
 утру вспрѣшился онъ со
 мной на улицѣ , и просилъ
 сказашь вамъ его именемъ , чшо
 обожаешъ васъ, не смопря на
 жестокощи, кошорыми пла-

тѣше вы за любовь его; и
что онъ почелъ бы себя сча-
стливѣйшимъ смертнымъ, ко-
гда бы вы позволили ему до-
казать вамъ нѣжность свою
услугами и блистательными
забавами. Вотъ вамъ ясное
доказательство, что я не о-
шибаюсь!—

Дочь Дона Георга вдругъ
перемѣнилась въ лицѣ, и бро-
сивъ суровый взглядъ на слу-
жанку, сказала: „Къ чему эти
глупые рассказы? Прошу впе-
редъ не приходишь ко мнѣ
съ такими новостями; и еже-
ли этакъ дерзкой молодой
человѣкъ еще осмѣлился го-
ворить тебѣ о томъ же, ска-
жи ему, чтобъ онъ опресся

къ такой женщинѣ, которая болѣе, нежели я, уважишь любовныя его исканія, и избралъ бы для себя препровожденіе времени полезнѣе того, чѣмъ бы, стоя весь день у своихъ окошекъ, смотрѣшь въ мои комнаты.“

При вторичномъ свиданіи, Фелиція все мнѣ пересказала. Полагая, что не должно въ спрогомъ смыслѣ принимашь всѣхъ словъ госпожи ея, она хотѣла увѣришь меня, что дѣла мои идушъ какъ не лъзя лучше. Что касается до меня, не находя шущъ ничего такого, что можно было бы шолковать въ мою пользу, я не ослѣпился ея увѣреніями.

Она смѣялась надъ моею недо-
 довѣрчивостью, спросила у
 своей пріятельницы бумаги и
 чернилъ, и сказала мнѣ: „Ну,
 сударь, пишите къ Доннѣ
 Еленѣ въ шонѣ опчаяннаго
 любовника. Изобразите ей какъ
 можно живѣе ваши спрада-
 нія, и особенно жалуйтесь на
 запрещеніе казаться вамъ у
 своихъ окошекъ. Обѣщайте
 повиноваться; но увѣряйте
 при томъ, что это будете
 сшопить вамъ жизни. Пред-
 ставьте все такъ, какъ у
 васъ, господъ кавалеровъ, въ
 подобныхъ случаяхъ водится;
 а прочее беру я на себя. На-
 дѣюсь, что развязка эшаго
 дѣла принесетъ моей прони-

цапельности болѣе чеспи, не-
жели вы думаете.“

Я былъ бы первый на свѣ-
тѣ любовникъ, копорый, имѣя
столь хорошій случай писаць
къ своей любезной, не вос-
пользовался бы онымъ. Я со-
чинилъ самое спраспное пись-
мо. Не запечашывая его, по-
казалъ Фелиціи, копорая,
прочишавъ, усмѣхнулась, и
сказала мнѣ, что если жен-
щины умѣюшъ кружишъ му-
щинамъ головы, то и мущи-
ны маспера обворожатъ ихъ
словами. Горничная, взявъ
письмо мое, совѣтовала мнѣ
не опворяшъ нѣсколько дней
моихъ окошекъ, и ушла до-
мой.

„Сударыня, сказала она, возвращаясь къ Доннѣ Еленѣ, я вспрѣшилась опять съ Дономъ Гаспономъ. Онъ пошчасъ подошелъ ко мнѣ, и хотѣлъ занявъ меня ласковымъ разговоромъ. Спросилъ дрожащимъ голосомъ, и какъ преступникъ, ожидающій смершнаго приговора, говорила ли я съ вами объ немъ. Тогда, повинувась въ пошности вашимъ приказаніямъ, я прервала слова его; начала его бранишь, и, насклавъ ему множество грубосшей, ошпавила его на улицѣ въ крайнемъ смущеніи.“—Очень рада, опвѣчала Донна Елена, что ты избавила меня опъ эшаго

докучливаго челоуѣка ; но на
 что было говоришь съ нимъ
 такъ грубо ? Дѣвушкѣ при-
 лична болѣе крошоссть.— „Ла-
 сковосстью, сударыня, не оп-
 дѣлаешься опъ спрастнаго
 любовника: онъ даже не смош-
 ришь ни на грубоспи, ни на
 ругашельсства. Донъ Гаспонъ
 не унялся. Побранивъ его хо-
 рошенько, пошла я къ вашей
 родсшвенницѣ, куда бы меня
 посылали. Къ несчастію, она
 задержала меня очень долго.
 Я говорю, очень долго, пошо-
 му что, идучи назадъ, встрѣ-
 шилась опяшь съ моимъ чу-
 дакомъ. Встрѣча его смуши-
 ла меня, такъ смушила, что
 языкъ мой, кошорый никогда

мнѣ не измѣняешь, не могъ поворотишься. Чшо бы вы думали онъ въ это время сдѣлалъ? Сунулъ мнѣ въ руку бумажку, кошорую взяла я, и сама не знаю какъ; а онъ въ минушу пропалъ изъ виду.“

Говоря такимъ образомъ, она подала письмо мое Доннѣ Еленѣ, кошорая, взявъ его, какъ будто для забавы, прочишала однакожь со вниманіемъ, а пошомъ, принявъ опяшь сшепенный видъ, сказала съ важносшью: „Право, Фелиція, шы съ ума сошла: за чемъ брала опъ него это письмо? Чшо подумаешь Донъ Гасшонъ? Чшо и сама я должна изъ эшаго заключишь?

Поступокъ твой заставляешъ
 меня сомнѣваться въ твоей
 вѣрности, а ему подаешъ по-
 водъ ласкаться, что спросишь
 его мнѣ непропивна. Можешь
 быть, воображаешь онъ въ
 эту минуту, что я читаю
 и перечитываю съ удоволь-
 ствіемъ его посланіе. Вотъ
 до какого стыда доводишь
 ты мою гордость! — О! нѣтъ,
 сударыня, оповѣчала горнич-
 ная; онъ не можетъ такъ ду-
 мать; а хоть бы и подумалъ,
 такъ это не на долго. При
 первомъ же свиданіи скажу
 ему, что показывала вамъ
 письмо; что вы посмотрѣли
 на него съ самымъ холоднымъ
 видомъ, и что наконецъ, не

чишавши, разорвали съ презрѣніемъ.— „Ты можешь смѣло божиться, что я письма не читала : и двухъ словъ изъ него не могу припомнить.“—

Дочь Дона Георга не удовольствовалась такимъ опзывомъ; разорвала письмо мое, и накрѣпко запретила горничной говорить со мною.

Я сдержалъ обѣщаніе : не открывалъ нѣсколько дней окошекъ, дабы послушаніе мое сдѣлать достойнымъ жалости. Но, въ замѣнъ того, готовился дать новыя серенады жестокой Еленѣ. Я пришелъ въ одну ночь подъ балконъ съ музыкантами ; но лишь только принялись они

играшь, какъ кавалеръ, со шпагою въ рукъ, распроиля нашъ концерпъ, кинувшись на музыкантовъ, копорые пошчасъ разбъжались. Бъшенство дерзкаго возбудило и во мнѣ яроспъ. Подхожу, чшобъ наказашъ его; мы начинаемъ жестоко сражашься. Донна Елена и горничная ея слышашъ звукъ нашихъ шпагъ; смопряшъ сквозъ решепчашья окна, и видяшъ двухъ рыцарей; подымаюшъ громкой крикъ, копорый пробушаетъ Дона Георга и его служипелей. Они бѣгушъ, шакъ какъ и многіе изъ сосѣдей, чшобъ разняшъ дерущихся, но уже было поздно. На полъ

сраженія находяшъ они шоль-
ко одного кавалера, плаваю-
щаго въ крови, почти безъ
дыханія, и узнаюшъ, что
этошъ несчастный кавалеръ
былъ я. Меня опнесли къ
пешкѣ, кошорая пошчасъ по-
слала за самыми искусными
хирургами въ городѣ.

Всѣ обо мнѣ жалѣли, а о-
собливо Донна Елена, кошо-
рая обнаружила тогда тайну
своего сердца. Пришворсшво
ея усшупило чувсшвованіямъ.
Повѣрите ли вы? Она не бы-
ла уже та дѣвица, кошорая
почишала за честь казашься
нечувсшвишельною къ моимъ
исканіямъ; это была нѣжная
любовница, кошорая, не шаясь,

предавалась своей печали. О-
 сшашокъ ночи провела она съ
 горничною въ слезахъ, про-
 клиная двоюроднаго брата
 своего, Дона Августина Оли-
 геру : онъ почишали его ви-
 новникомъ печальнаго проис-
 шествія, и дѣйствительно
 не ошибались. Будучи споль-
 же скрышень, какъ и его се-
 шприца, примѣшилъ онъ мои
 намѣренія, но молчалъ; и во-
 образивъ, что она опвѣш-
 спвуешъ любви моей, при-
 нялъ мѣры доказашъ, что онъ
 не шакъ терпѣливъ, какъ объ
 немъ думали. Однако вскорѣ
 за симъ послѣдовала радосшъ,
 кошорая заспавила забышъ
 случившееся. Какъ ни опасно

былъ я раненъ, искусство вра-
 чей возвратило меня къ жиз-
 ни. Я не выходилъ еще изъ
 комнаты, когда шешка моя,
 Донна Елеонора, пошла къ
 Дону Георгу, и просила вы-
 дать за меня Донну Елену.
 Онъ согласился на это, но
 бракъ шѣмъ охотнѣе, что не
 надѣялся никогда болѣе ви-
 дѣть Дона Августина. Доб-
 рый старикъ боялся только,
 не станешь ли упрямиться
 дочь его, потому что Олиге-
 ра, имѣвши полную свободу
 видѣться съ нею, долженъ
 былъ снискать любовь ея; но
 она, въ этомъ случаѣ, оказа-
 ла опцу такую покорность,
 изъ которой можно заклю-

чишь, что въ Испаніи, такъ какъ и вездѣ, новичёкъ всегда беретъ преимущество въ глазахъ женщинъ.

Когда увидѣлся я съ Фелиціей, она рассказала мнѣ, до какой степени госпожа ея пронута несчастнымъ окончаніемъ нашего поединка. Не сомнѣваясь болѣе, чтобы я не былъ Парисомъ моей Елены, благословлялъ я свои раны, потому что онѣ имѣли столь благопріятныя послѣдствія для любви моей. Донъ Георгъ позволилъ мнѣ говорить съ своею дочерью въ присутствіи горничной. Какъ сладостно было для меня это свиданіе! Я просилъ, умолялъ

ее сказать мнѣ, не прошивъ
 ли ея воли отецъ отдавалъ
 ее за меня. Она призналась,
 что принимаетъ руку мою
 не изъ одного послушанія.
 Послѣ столь пріятнаго оп-
 крышія я ничѣмъ больше не
 занимался, какъ стараніемъ
 ей нравиться; и выдумывалъ
 разные для удовольствія ея
 праздники, въ ожиданіи на-
 шей свадьбы. Этомъ день
 положено было торжество-
 вать великолѣпною кавалька-
 дою, въ которой все Корій-
 ское и окрестное дворянство
 блеснуло готовилось.

Я давалъ большой обѣдъ въ
 одномъ прекрасномъ загород-
 номъ домѣ, который имѣла

тетшка моя не далеко отъ
 городскихъ воротъ, по Ман-
 ройской дорогѣ. Дочь Георгъ
 и дочь его, со всѣми род-
 ственниками и друзьями, по
 приглашенію моему, туда при-
 ѣхали. Вокальный и инстру-
 ментальный концертъ былъ
 приготовленъ; для представ-
 ленія комедіи явилась труппа
 актеровъ. Въ половинѣ стола
 пришли сказать мнѣ на ухо,
 что въ залѣ стоитъ чело-
 вѣкъ, который желаетъ со-
 мною о чемъ-то говорить.
 Я всталъ изъ за стола, вы-
 шелъ въ залу и нашелъ тамъ
 незнакомца, похожаго на ка-
 мердинера. Онъ подалъ мнѣ
 записку. Я развернулъ ее и
 прочиталъ слѣдующее:

„Ежели честь дорога вамъ,
 „какъ Кавалеру Калашправскаго
 „ордена, то выѣзжайте за-
 „пра поупру на Манройскую
 „долину. Вы найдете тамъ
 „человѣка, копорый хочеть
 „сдѣлать вамъ удовлеворе-
 „ніе въ полученномъ вами
 „ошъ него оскорбленіи, и при-
 „вестъ васъ, если можно, въ
 „несостояніе женишься на
 „Доннѣ Еленѣ.“

Донъ Августинъ Олигера.
 Любовь имѣеть великую
 власть надъ Испанцами, а
 мспишельность еще бѣльшую.
 Я не могъ прочесть пись-
 ма съ спокойнымъ духомъ.
 При одномъ имени Дона Авгу-
 стина кровь въ жилахъ моихъ

закипѣла; я почти забылъ
необходимую должность, ко-
торую мнѣ въ этотъ день
исполнять надлежало. Поку-
шался скрыться отъ гостей,
и немедленно отыскавъ сво-
его непріятеля. Однако удержался,
опасаясь разстроить
праздникъ, и отвѣчалъ послан-
ному: „Другъ мой, ты мо-
жешь сказать тому, отъ ко-
го принесъ это письмо, что
я ~~не~~шербливо желаю съ нимъ
перевѣдаться, и завтра не-
премѣнно, до восхожденія солн-
ца, явлюсь въ назначенномъ
мѣстѣ.“

Я возвратился къ гостямъ,
и сѣлъ за столъ на свое мѣ-
сто такъ равнодушно, что

никто не могъ по лицу мое-
 му догадаться о происходив-
 шемъ у меня въ мысляхъ.
 Во весь день занимался я на-
 равнѣ съ другими только
 праздникомъ, который кончил-
 ся около полуночи. Госпи-
 уѣхали въ городъ, а я осшал-
 ся подъ предлогомъ, будто
 хочу попользоваться упрен-
 нимъ свѣжимъ воздухомъ; въ
 самомъ же дѣлѣ съ намѣре-
 ніемъ бышь поранѣе на назна-
 ченномъ мѣстѣ. Не ложась въ
 постелю, съ неперпѣніемъ о-
 жидаль я разсвѣта. Лишь
 только день началъ показы-
 ваться, я сѣлъ на лучшую
 лошадь, и выѣхалъ одинъ,
 будто для прогулки. Прибли-

жаюсь къ Манройской долинь,
вижу челоуѣка, скачущаго ко
мнѣ во всю конскую прышь.
Лечу къ нему на вспрѣчу,
чшобъ сокрашишь для него
дорогу хошя половиною. Мы
мгновенно встрѣчаемся: эшо
былъ мой соперникъ. „Кава-
леръ, сказалъ онъ съ наглосшью,
я жалѣю, чшо въ другой разъ
долженъ драшья съ вами; но
вы сами виноваты: послѣ
случившагося при серенадѣ,
вамъ надлежало бы доброволь-
но опказашья опъ дочери
Дона Георга, или бышь увѣ-
рену, чшо вамъ не пройдешь
даромъ, если не оставите
своего намѣренія.“—Вы слиш-
комъ гордишесь, опвѣчалъ я,

побѣдою, которую, можешъ
бышь, доспавила вамъ шем-
ноша ночи, а не ваше иску-
ство. Но посмотрише, ше-
перь день. — „Мнѣ все равно,
возразилъ онъ съ надменно-
стію; я вамъ докажу, что
днемъ также, какъ и ночью,
умѣю наказывать шѣхъ, ко-
торые осмѣляшся идти по
слѣдамъ, мною проложеннымъ.“

Не сказавъ ни слова, со-
скочилъ я съ лошади. Донъ
Августинъ сдѣлалъ тоже. Мы
привязали лошадей къ дереву,
и съ равнымъ мужествомъ
напали другъ на друга. Призна-
юсь чистосердечно, я имѣлъ
дѣло съ непріятелемъ, кошо-
рый дрался лучше моего, не

смогря на то, что я учился фехтованью цѣлые два года. Онъ былъ совершенный масперъ. Я подвергалъ жизнь мою величайшей опасности. Однакожь, какъ очень часто случается, что и сильнѣйшій бываешь побѣжденъ слабѣйшимъ, соперникъ мой, при всемъ своемъ искусствѣ, получилъ ударъ въ самое сердце, и палъ мершвъ, спустя минушу.

Я пошчасъ возвратился въ загородный домъ, и пересказалъ объ этомъ происшествіи слугѣ моему, вѣрность котораго была мнѣ извѣстна. „Любезный Рамиро, (говорилъ я) прежде, нежели узнаешь объ этомъ дѣлѣ Полиція, возьми

добрую лошадь и поспѣши
увѣдомишь обо всемъ мою ше-
пку. Попроси у нее денегъ, до-
рогихъ каменьевъ, и прїѣзжай
ко мнѣ въ Паленцію. Ты най-
дешь меня въ первомъ шрак-
пирѣ при въѣздѣ въ городъ.“

Рамиро исполнилъ мое по-
рученіе съ такимъ усердіемъ,
что поспѣлъ въ Паленцію,
при часа спуская послѣ ме-
ня. Онъ сказалъ мнѣ, что
Донна Елеонора обрадовалась
болѣе, нежели опечалилась, у-
слышавъ о поединкѣ, который
загладилъ оскорбленіе, нанесен-
ное мнѣ при первой нашей
ссорѣ, и что прислала мнѣ
всѣ свои деньги и дорогія
каменья, какъ средство весе-

лѣе прожитъ въ чужихъ кра-
яхъ, пока дѣло мое не возъ-
мешъ лучшаго оборота.

Опуская многія маловаж-
ныя обстоятельствова, скажу
вамъ только, что чрезъ Но-
вую Каспилью пробрался я
въ Королевство Валенцію.
Сѣвъ на корабль въ Деніи,
перѣхалъ въ Италію, гдѣ
расположился осмолрѣть всѣ
Дворы, и показаться при нихъ
съ должнымъ приличіемъ.

Между тѣмъ, какъ я, раз-
лученный съ Еленою, сшарал-
ся, по возможности, облет-
чать и любовь и печаль мою,
эша нѣжная любовница, нахо-
дась въ Коріи, оплакивала
впайнѣ мое отсутствіе. Она

не только не одобряла поименованъ родни своей по случаю смерти Олигеры, но еще желала, что бы дѣло было зашито, и я скорѣе возвратился. Прошло уже шесть мѣсяцовъ послѣ нашей разлуки, и постоянство ея конечно не потерпѣло бы никакой перемены опъ времени, когда бы только съ однимъ временемъ надлежало ему бороться; но оно имѣло враговъ гораздо опаснѣйшихъ. Донъ Блазь де Комбадось, дворянинъ изъ западной Галиціи, пріѣхалъ въ Корію для полученія наслѣдства, которое щещно оспаривалъ у него Донъ Мигель де Капрара, его родствен-

никъ , и поселился въ сей странѣ , кошорая показалаь ему пріятнѣе своей собствен- ной. Комбадось былъ пригожъ собою; имѣлъ вкрадчивый умъ и казался весьма любезнымъ. Онъ скоро познакомился съ знашнѣйшими людьми въ го- родѣ , и провѣдалъ о всѣхъ обспояпельсшвахъ шамощнихъ жишелей.

Между прочимъ не долго шъ него укрывалось , что у Дона Георга ешъ дочь , ко- шорой опасная красоша плѣ- няешъ мущинъ единспвенно , кажешся , къ ихъ гибели. Эшо возбудило въ немъ любо- нышсшво. Ему захошѣлось ви- дѣшъ эшу опасную дѣвицу.

На сей конецъ искалъ онъ
 дружбы ошца ея, и успѣлъ
 въ томъ шакъ хорошо, что
 сшарикъ, почишя его уже
 зяшемъ своимъ, дозволилъ хо-
 дишь въ домъ свой и гово-
 ришь свободно съ Еленою въ
 его присущствіи. Галиція-
 нинъ скоро въ нее влюбился,
 и неудивительно. Онъ открылъ
 сердце свое Дону Георгу, ко-
 торый охотно принялъ его
 предложеніе, но сказалъ при-
 томъ, что не хочешь при-
 нуждать своей дочери, и о-
 спавляешь ей на волю рас-
 полагать своимъ жребіемъ.
 Тогда Донъ Блазь принялъ
 всѣ возможные мѣры попра-
 виться Еленѣ; но ничѣмъ не

могъ ее шронуть, пошому что она была занята мною. Фелиція между шѣмъ держала сторону кавалера, который подарками склонилъ ее способствовать любви своей. Она прибѣгнула къ своимъ хитростямъ; а шарикъ помогалъ ей увѣщаніями. Цѣлый годъ мучили они Елену, но не могли поколебать ея вѣрности.

Комбадось, видя, что и Донъ Георгъ и Фелиція безъ успѣху за него вступаются, предложилъ новое средство преодолѣть упрямство столь сильно предубѣжденной любовницы. „Вотъ что, сказалъ онъ, пришло мнѣ въ голову.

Мы скажемъ ей, будто одинъ
 Корійской купецъ получилъ
 изъ Италіи опшъ Корреспон-
 денша своего письмо, въ ко-
 ромъ, послѣ обстоятельствъ
 касающихся до ихъ торгу,
 сдѣлана слѣдующая приписка:
 „Недавно прибылъ къ Парм-
 „скому Двору одинъ Испан-
 „ской кавалеръ, по имени
 „Донъ Гаспонъ де Коголлось.
 „Онъ называется племянни-
 „комъ и единственнѣмъ на-
 „слѣдникомъ богатой вдовы,
 „живущей въ Коріи подъ име-
 „немъ Донны Елеоноры де
 „Лаксариллы. Онъ свашается
 „здѣсь къ дочери одного знаш-
 „наго господина, но не хо-
 „тятъ ее выдать за него пре-

„жде, пока не удосповѣряшся
 „въ прочности наслѣдства.
 „Мнѣ поручено о семъ раз-
 „вѣдашь. И такъ прошу васъ
 „увѣдомишь меня, извѣсненъ
 „ли вамъ эшошь Донъ Гас-
 „шонъ, и въ чемъ состоишь
 „имѣніе его пешки. Опъ ва-
 „шего отвѣща зависишь рѣ-
 „шеніе эшаго брака.— Парма,
 „и проч.“

Такое плутовство показало-
 лось старику игрою разума
 и хитростью простицельною
 любовникамъ; а горничная,
 будучи еще безсовѣстнѣе ста-
 рика, совершенно одобрила
 оное. Выдумка показалась имъ
 шѣмъ болѣе удачною, что они
 почишали Елену дѣвицею гор-

дою , кошорая вдругъ могла
 перемѣнишь свое намѣреніе ,
 лишь только бы не подозрѣ-
 вала ихъ въ обманъ. Донъ
 Георгъ взялся самъ ошкрышь
 ей мое непостоянство, и что-
 бы все это предсшавишь въ-
 рояшнѣйшимъ , хотѣлъ при-
 веспи къ ней и купца съ
 мнимымъ письмомъ изъ Пар-
 мы. Какъ задумали, такъ и
 сдѣлали. Отецъ съ видомъ
 смущеннымъ, съ пришворнымъ
 гнѣвомъ и досадою , сказалъ
 Доннѣ Еленѣ: „Я не буду го-
 воришь тебѣ, что родсшвен-
 ники наши всякой день при-
 спупаюшъ ко мнѣ съ прось-
 бами , не выдавашъ тебя за
 убійцу Дона Августина; теперь

объявлю тебѣ важнѣйшую причину, для копорой должна ты опказаться опъ Дона Гаспона. Тебѣ надобно умереть со стыда, что ты остаешься ему вѣрною. Онъ человекъ непостоянный и вѣроломный. Вотъ несомнѣнное тому доказательство. Прочитай сама это письмо; оно писано къ одному Корійскому купцу изъ Италіи.“ Трепещущая Елена беретъ бумагу, пробѣгаетъ ее глазами, взвѣшиваетъ всѣ слова, и поражается извѣстіемъ о моемъ непостоянствѣ. Чувство нѣжности заставило ее пролить сперва нѣсколько слезъ; но, потчасъ вооружась всею своею

гордостью, оперла глаза, и сказала ошцу швердымъ гомосомъ: „Башюшка, вы были шеперь свидѣшелемъ моей слабосши; будыте также свидѣшелемъ и побѣды, кошорую надъ собою одерживаю. Все кончилось! Я чувствую шеперь одно презрѣніе къ Дону Гасшону; вижу въ немъ негоднѣйшаго челоуѣка. Перешанемъ говоришь объ немъ. Извольте, я гошова идши къ олшарю съ Дономъ Блазомъ. Пусть бракъ мой совершишся прежде брака вѣроломнаго, кошорый шакъ худо плашишь за любовь мою.“ Донъ Георгъ, внѣ себя ошъ радости, обнялъ дочь свою, похвалилъ

мужественную ея рѣшитель-
ность, и восхищаясь сча-
сливымъ успѣхомъ своей
хитрости, спѣшилъ испол-
нить желаніе моего соперника.

Такимъ образомъ лишили
меня Донны Елены. Немедлѣн-
но предалась она Комбадосу,
не внимая голосу любви, ко-
торый говорилъ за меня въ
ея сердцѣ, не подозрѣвая да-
же подлога въ такомъ извѣ-
стіи, которое долженствовало
бы найши въ любовницѣ
менѣе вѣроятія. Гордость и
желаніе опомстись за оскорб-
леніе, нанесенное мною, какъ
она воображала, красота ея,
одержало верхъ надъ ея спра-
вдію. Однако, спуская нѣ-

сколько дней послѣ замуже-
 ства, начала она жалѣть о
 своей опрометчивости: ей
 пришло на мысль, что пись-
 мо опѣ купца могло быть
 подложное, и это подозрѣніе
 привело ее въ безпокойство.
 Но влюбленный Донъ Блазъ
 не давалъ женѣ своей време-
 ни думать мыслей прошив-
 ныхъ его спокойствію. Онъ
 старался доставлять ей раз-
 ныя удовольствія, и успѣ-
 валъ въ томъ посредствомъ
 непрерывныхъ веселостей, ко-
 торыя умѣлъ выдумывать.

Она была, по видимому,
 весьма довольна такимъ услу-
 жливымъ супругомъ; они жи-
 ли въ совершенномъ согласіи.

Между тѣмъ пешка моя, уничтоживъ всѣ преслѣдованія со стороны родственниковъ Дона Августина по моему дѣлу, немедленно о томъ меня уведомила. Я былъ тогда въ Реджіо, въ Калабріи; поспѣшъ переправился въ Сицилію, опшуда въ Испанію, и прилетѣлъ наконецъ на крыльяхъ любви въ Корію. Донна Еленора не писала ко мнѣ ничего о замужествѣ Георговой дочери; а рассказала о томъ уже по моемъ пріѣздѣ. Замѣшивъ, что это извѣстіе огорчило меня, она сказала: „Ты напрасно сокрушаешься, любезный племянникъ, о потерѣ такой женщины, которая не

могла сохранить къ тебѣ вѣр-
ности. Послушайся меня, за-
будь недостойную.“

Тетя моя не знала, что
Донна Елена была обмануша,
слѣдовательно имѣла справед-
ливую причину говорить та-
кимъ образомъ: она не могла
подашь мнѣ совѣта благора-
зумнѣе. Я рѣшился оному по-
слѣдовать, или по крайней
мѣрѣ показывать видъ хо-
лодносши, если не въ состоя-
ніи буду испребишь самой
спрасши. При всемъ томъ,
не могъ преодолѣшь любо-
пытства узнать, какимъ об-
разомъ совершился эпизодъ
бракъ. Чѣмъ получишь о
томъ свѣденіе, вздумалъ я

повидашся съ пріятельницею
 Фелиціи, то есть, съ госпо-
 жею Теодорою. Пришедши къ
 ней, заспалъ шамъ и Фели-
 цію, копорая, не ожидая ме-
 ня видѣшь, смушилась, и хо-
 шѣла выдыши, чшобы избѣ-
 жашъ объясненій, копорыхъ,
 какъ она могла вообразишь,
 ошъ нее пошребуюшъ. Я оспа-
 новилъ ее.—„Для чего ты бѣ-
 жишь ошъ меня? Не ужъ ли
 вѣроломная Елена не удоволь-
 стовалась шѣмъ, чшо пред-
 почла мнѣ другова? Развѣ она
 запретила тебѣ слушашь мои
 жалобы? Или ты хочешь уйши
 ошъ меня шолько изъ угож-
 денія неблагодарной?“—

—Признаюсь вамъ чистосер-
дечно, сударь, чшо присущ-
ствіе ваше меня смущаетъ.
Я не могу на васъ смотрѣшь,
не мучась совѣстью. Госпожу
мою обманули, и я имѣла не-
счастіе бышь участницею эша-
го обмана.—„О Небо!—вскри-
чалъ я въ изумленіи—чшо го-
воришь ты? Объяснись по-
дробнѣе.“ Тушъ рассказала
мнѣ горничная, какую хиш-
росшь употребилъ Комбадось,
чшобъ похишишь у меня Дон-
ну Елену; примѣшивъ, чшо
слова ея шерзають мое серд-
це, она сшаралась меня ушѣ-
шишь. Предлагала свои услу-
ги, обѣщалась вывесши изъ
заблужденія госпожу свою,

описашь ей мое опчаяніе, словомъ, сдѣлашь все для облегченія жестокой судьбы моей. Обѣщанія ея поселили во мнѣ надежду, копорая уменьшила нѣсколько печаль мою.

Я умолчу о томъ, какихъ трудовъ стоило Фелиціи уговорить Донну Елену повидашья со мною. Наконецъ удалось ей убѣдить госпожу свою. Между ними положено было, тайно ввести меня въ домъ, коль скоро Донъ Блазъ уѣдетъ въ деревню, гдѣ иногда забавлялся онъ охотою, и проводилъ обыкновенно дни по два. Это случилось скоро. Мужъ уѣхалъ. Мнѣ дано знать немедленно, и я введенъ ночью въ комнату жены его.

Я хотѣлъ начать разговоръ
 упреками; мнѣ зажали ротъ.
 „Напрасно, сказала Елена,
 воспоминашь о прошедшемъ.
 На что теперь намъ приво-
 дишь другъ друга въ жалость?
 Вы ошибаетесь, если думаете,
 что захочу отвѣчать вашей
 спраши. Объявляю вамъ,
 Донъ Гастонъ: я согласилась
 на тайное свиданіе, и послу-
 шалась неотступныхъ просьбъ
 вашихъ для того только,
 чтобы сказать вамъ лично,
 что вы должны всячески спа-
 раться позабыть меня. Мо-
 жешь быть, была бы я до-
 вольнѣ своею участью, когда
 бы соединила ее съ вашею;
 но Небо расположило иначе,

и я хочу повиноваться его волѣ.“—

—Какъ, сударыня!—опвѣчалъ я—не довольно того, что я васъ лишился, не довольно, что вижу счастливаго Дона Блаза спокойнымъ обладателемъ особы, которую любилъ болѣе всего на свѣшѣ, надобно еще, чтобъ я изгналъ васъ изъ моихъ мыслей? Вы хотише опняшь у меня любовь мою, похищишь единственное благо, которое мнѣ оспается! Ахъ, жестокая! не ужъ ли думаете, что человѣку, однажды вами плѣненному, можно взять обратно свое сердце? Войдите въ себя, и перестаньте понапрасну увѣщевать ме-

ня, чѣмъ я истрѣбилъ васъ
изъ своей памяти.— „Пере-
спаньше и вы, прервала она
съ поспѣшностью, надѣясь,
чѣмъ я спала отвѣчая ва-
шей спрашѣ. Скажу вамъ
рѣшительно: супруга Дона
Блаза никогда не будетъ лю-
бовницею Дона Гаспона. Рас-
полагайте по этому своими
поспѣхами. Удадитесь; кон-
чимъ скорѣе разговоръ, за-
который я сама себя упре-
каю, не смотря на свою не-
винность, и который про-
должая спавлю себѣ въ пре-
ступленіе.“

Послѣ сихъ словъ, опни-
мавшихъ у меня всю надежду,
я упалъ къ ногамъ ея; умо-

лялъ ее нѣжнѣйшимъ обра-
 зомъ, проливалъ даже слезы,
 чѣмъ смѣгчить ее. Но все
 это возбудило, можешь быть,
 только чувство жалости, ко-
 торое старалась она отъ ме-
 ня скрывать, и которымъ
 пожертвовала должнѣсти. По-
 слѣ всѣхъ напрасныхъ убѣж-
 деній и слезъ, нѣжностъ моя
 превратилась въ бѣшенство.
 Я выхватилъ шпагу, и хо-
 тѣлъ проколотъ себя предъ
 глазами неумолимой Елены;
 примѣтивъ мое намѣреніе, она
 поспѣшно схватила меня за
 руку. „Остановись, Коголось!
 —сказала она. Такъ — ты
 бережешь честь мою? Опьявъ
 у себя жизнь такимъ образомъ,

можешь обезславишь меня и
заславишь мужа моего почи-
таешь своимъ убійцею.“

Въ опчаяніи не слушалъ я
столь справедливаго убѣжде-
нія ; спарался только вы-
рваться изъ рукъ госпожи и
служанки, которыя удержива-
ли меня отъ самоубійства. Ко-
нечно, я совершилъ бы оное
очень скоро, если бы Донъ
Блазъ, который, предувѣдом-
ленъ будучи о нашемъ свидѣ-
ніи, вмѣсто того, чѣмъ
ѣхалъ въ деревню, спрятался
за обои, не подоспѣлъ къ нимъ
на помощь. „Донъ Гаспонъ!—
вскричалъ онъ, удерживая ру-
ку мою — войдите въ рассу-
докъ, не предавайтесь съ па-

кимъ малодушіемъ неисповой
спраси!...“

Я прервалъ рѣчь Комбадо-
са.—Вамъ ли опвращаюь ме-
ня опъ такого намѣренія?
Вы сами должны бы еще вон-
зипъ кинжалъ въ грудь мою.
Любовь моя, какъ ни безна-
дежна, однакомъ она васъ о-
скорбляетъ. Не довольно ли
уже и того, что вы заспали
меня ночью въ комнашѣ ва-
шей супруги? Что, еще нуж-
но для возбужденія васъ къ
опмщенію? Поразите меня,
чтобы избавишья опъ чело-
вѣка, копорый не переспа-
нешъ обожаюь Донну Елену
до шѣхъ поръ, пока кровь не
заспынетъ въ жилахъ его!—

„Напрасно вы побуждаете меня умершвить васъ: вы уже довольно наказаны за свою дерзость, и я такъ благодаренъ женѣ моей за добродѣтельные ея чувствованія, что прощаю ей самый случай, который ихъ обнаружилъ. Послушайте меня, Коголосъ, не опчаявайтесь, какъ малодушный любовникъ; усупише необходимости съ швердосію.“

Такими увѣщаніями благо-разумный Галиціанинъ мало по малу укрошилъ мое бѣшенство, и пробудилъ во мнѣ добродѣтель. Я вышелъ изъ дому его въ швердомъ намѣреніи удалиться отъ Елены,

опъ мѣспъ, гдѣ она обитала;
и спуспя два дни возврашил-
ся въ Мадридъ. Тамъ, желая
только занявшись усироеніемъ
своего соспоянія, явился я
ко Двору и началъ искашь
себѣ покровителей. Но, къ
несчаспію, особенно прилѣ-
пился къ Маркизу Виллареа-
лу, одному Поршугальскому
вельможѣ, копорый содержиш-
ся теперь въ Аликантскомъ
замкѣ по подозрѣнію, будшо
бы онъ замышлялъ освобо-
дитъ Поршугаллію опъ ига
Испанцевъ. Когда Герцогъ
Лерма узналъ, что я нахо-
жусь въ шѣсной связи съ
эшимъ господиномъ, шо при-
казалъ задержашъ меня и опъ

вести сюда. Министръ думаетъ , что я участвую въ заговорѣ. Можно ли сдѣлать чувствительнѣе обиду дворянину и Каспилянцу?

Тутъ Донъ Гаспонъ кончилъ свою исторію. Я старался утѣшать его , и сказалъ въ заключеніе : „Господинъ кавалеръ , честь ваша нимало не потерпѣла отъ этого несчастнаго случая , который , безъ сомнѣнія , обрѣтается въ вашу пользу. Герцогъ Лерма узнаетъ невинность вашу и не преминетъ дать вамъ значительное мѣсто , чтобы загладить безчестіе причиненное

вамъ по поводу мнимой из-
мѣны.

ГЛАВА VII.

*Сципионъ посѣщаетъ Жил-
блаза въ темницу, и при-
носитъ ему много ново-
стей.*

Разговоръ нашъ прерванъ
былъ Тордезилласомъ, копо-
рый, вошедъ въ комнапу,
сказалъ мнѣ: „Господинъ Жил-
блазъ; я говорилъ шеперь съ
однимъ молодымъ челоѣкомъ,
кошораго нашель у воропъ
шемницы. Онъ спрашивалъ

меня, не здѣсь ли вы содер-
 жишесь; а какъ я не хотѣлъ
 удовлетворить его любопыт-
 ство, то онъ, обливаясь сле-
 зами, началъ умолять меня:—
 Великодушный Комендантъ!
 сжалъсь надо мною: ска-
 жите, не здѣсь ли господинъ
 Саншиллана. Я любимой его
 слуга. Вы окажете Христі-
 янское милосердіе, дозволивъ
 мнѣ его видѣть. Въ Сеговіи
 почишаютъ васъ за самага
 человѣколюбиваго дворянина;
 почему и я надѣюсь, что вы
 сдѣлаете для меня милость,
 позволивъ хоть одну мину-
 ту поговорить съ любезнымъ мо-
 имъ господиномъ, который
 болѣе несчастенъ, нежели ви-

новень.—Наконецъ, продолжалъ
Донъ Андре, я не могъ успо-
яшь прошивъ просьбъ незна-
комца, и общалъ доставивъ
ему удовольствіе видѣться
съ вами нынѣшній же вечеръ.“

Я увѣрилъ Тордезилласа,
что онъ крайне обяжетъ меня,
если приведетъ ко мнѣ эша-
го молодого человѣка, копо-
рый, вѣроятно, имѣетъ ска-
зать мнѣ что нибудь важное.
Я съ неперпѣніемъ ждалъ ми-
нушы, когда увижу вѣрнаго
моего Сципіона; ибо не сомнѣ-
вался, чтобы эшо былъ кто
нибудь другой, и не обманул-
ся. Вечеромъ впустили его
ко мнѣ. Какъ описать вза-
имное наше восхищеніе! Я

прошянулъ къ нему руки, и онъ, безъ церемоніи меня обнялъ. Господинъ и Секретарь сровнялись въ сихъ объятіяхъ: такъ они другъ другу обрадовались.

Когда мы оба не много опамяшовались, я спросилъ Сципіона, въ какомъ состояніи оставилъ онъ домъ мой. — „У васъ нѣтъ уже ни какого дому, ошвѣчалъ онъ; а чшобъ избавишь васъ ошъ труда дѣлать мнѣ вопросъ за вопросомъ, скажу въ двухъ словахъ, что случилось. Имѣніе ваше разграблено какъ полицейскими, такъ и собственными вашими служишелями, копорые, почишая васъ за чловѣка

вовсе пропавшаго, взяли, въ
счешъ своего жалованья, все,
что только могли захвашишь.
Къ счастію вашему, удалось
мнѣ спасти опъ когшей ихъ
два большихъ мѣшка съ двой-
ными писполями, копорые
вынулъ я изъ сундука вашего
и опдалъ въ надежныя руки.
Салеро, копорому я поручилъ
эшу сумму, возвращишь ее
вамъ, когда выдеше изъ шюръ-
мы, гдѣ не долго пробудеше
на содержаніи Его Величешва,
пошому что посадили васъ
безъ вѣдома Герцога Лермы.“—

—Безъ вѣдома Герцога Лер-
мы?... А по чему шы эшо
знаешъ?—,,О! эшо мнѣ доспо-
вѣрно извѣсно: одинъ изъ

моихъ пріятелей, который въ
 великой довѣренности у Гер-
 цога Уцеды, разскажалъ мнѣ
 всѣ подробности вашего за-
 поченія.— Кальдеронъ, гово-
 рилъ онъ, провѣдавъ чрезъ
 слугу своего, что госпожа
 Сирена принимаетъ по но-
 чамъ, подъ чужимъ именемъ,
 Наслѣднаго Принца, и что
 провожаетъ его туда Графъ
 Лемось съ господиномъ Сан-
 шилланою, вознамѣрился ош-
 мшишь имъ и своей любов-
 ницѣ. Для того приходишь
 онъ тайно къ Герцогу Уцедѣ,
 и все ему открываетъ. Гер-
 цогъ, имѣя споль прекрасный
 случай погубить своего не-
 пріятеля, не пропускаетъ имъ

воспользоваться. Увѣдомляешъ Короля обо всемъ слышанномъ, и живо представляешъ ему опасности, какимъ подвергають Принца. Это извѣстіе возбуждаешъ гнѣвъ Его Величества; поспѣшь даешся повелѣніе посадить Сирену въ смиришельный домъ, Графа Лемоса отправить въ ссылку, а Жилблаза посадить въ пюрью на вѣчное заключеніе.“

„Вопъ, продолжалъ Сципіонъ, что сказывалъ мнѣ мой пріятель. Вы видите, что причиною вашего несчастія Герцогъ Уцеда, или лучше сказать, Кальдеронъ.“

Я заключилъ изъ сего, что дѣла мои могли поправиться со временемъ; что Герцогъ Лерма, огорченный ссылкой своего племянника, умогнулъ всѣ мѣры возвращенья его ко Двору; я уповалъ также, что Его Свѣшлость и меня не забудетъ. Надежда прекрасное дѣло! Она вдругъ утѣшила меня о потерѣ роскошнаго имѣнія. Я тотчасъ сдѣлался веселъ, какъ будто бы имѣлъ причину веселиться. Не только не почиталъ темницы своей шѣмъ ужаснымъ жилищемъ, гдѣ, можешь быть, окончу дни свои, но еще видѣлъ въ ней средство, копорое счастье хотѣло умогнать

бишь для моего возвышенія.
 Вотъ какъ разсуждалъ я съ
 самимъ собою : Первый Ми-
 ниспръ имѣешь на своей спо-
 ронѣ Дона Фернанда Боргіо ,
 опца Іеронима Флорентскаго,
 и особливо опца Людовиѳа
 Алиага , котораго помѣспилъ
 онъ при Королѣ. Съ помощію
 этихъ сильныхъ друзей, пре-
 одолѣешь онъ всѣхъ своихъ
 непріятелей; а можешь быть
 и обспоятельствва перемѣ-
 няясь. Его Величество очень
 слабъ здоровьемъ : коль скоро
 не будешь его на свѣшѣ ,
 Принцъ прежде всего возвра-
 тишь изъ ссылки Графа Ле-
 моса, а этотъ немедленно о-
 свободишь меня , и предспа-

вишъ новому Монарху, который осыплешъ меня благодареніями. Мечшая такимъ образомъ о будущемъ, я почти не чувствовалъ насущныхъ золь. Безъ сомнѣнія два мѣшка съ двойными писшолями, копорые опдалъ Секретарь мой на сбереженіе золотыхъ дѣлъ масперу, споспвовали сполько же, какъ и надежда, ко внезапной перемѣнѣ, во мнѣ происшедшей.

Я былъ очень доволенъ усердіемъ и безкорыстіемъ Сципіона. Предложилъ ему половину денегъ, сохраненныхъ имъ опъ расхищенія; но онъ не принялъ. „Я ожидаю опъ васъ, сказалъ онъ, друга-

го знака благодарности.“ —
 Удивясь словамъ его столько
 же , какъ и отказу , я спро-
 силъ, что могу для него сдѣ-
 лать. — „Не разсваиваться со
 мною, ошвѣчалъ онъ. Позволь-
 те мнѣ соединить учасіе мою
 съ вашею : я чувствую къ
 вамъ такую привязанность ,
 какой не имѣлъ еще ни къ
 одному господину.“ — А я, другъ
 мой, могу увѣрить тебя, что
 ты любишь благодарнаго го-
 сподина. Ты понравился мнѣ
 съ первой минушкы. Видно ,
 мы оба родились подъ зна-
 ками Вѣсовъ или Близнецовъ;
 эти созвѣздія, говоряшь, сбли-
 жають людей между собою.
 Я охотно принимаю швое

сошоварищество; попрошу Коменданша дасть тебѣ мѣсто въ этой шемницѣ.— „Какая будешь для меня радость!— вскричалъ онъ. Вы предупредили меня: я хотѣлъ самъ просить его объ этой милости. Былъ вмѣстѣ съ вами, мнѣ пріятнѣе свободы. Я спану только ѣздишь иногда въ Мадридъ, чѣмъ навѣдываться тамъ, нѣтъ ли при Дворѣ какой полезной для васъ переменны. Такимъ образомъ вы будете имѣть во мнѣ вмѣстѣ и повѣреннаго, и курьера и шпиона.“

Выгоды сіи были для меня такъ важны, что я не рѣшился пренебречь ими. И такъ

удержалъ при себѣ Сципіона,
съ позволенія услужливаго Ко-
менданша, который не хо-
тѣлъ опказать мнѣ въ ша-
комъ сладостномъ утѣшеніи.

ГЛАВА VIII.

*Первое Сципіоново путе-
шествіе въ Мадридъ; для
того онъ туда ѣздилъ, и
какой имѣлъ успѣхъ. Жил-
близъ занемогъ. Слѣдствіе
болѣзни его.*

Обыкновенно говоримъ мы,
что нѣтъ у насъ большихъ
непріятелей, какъ наши слуги;
но должны также сказать,
что имѣемъ въ нихъ лучшихъ

друзей, когда они вѣрны и къ намъ привязаны. Послѣ оказаннаго Сципіономъ усердія, я видѣлъ въ немъ другаго себя. И такъ между Жилблазомъ и Секретаремъ его не было уже нималѣйшей разницы. Они жили въ одной комнашѣ, спали на одной постелѣ, и ѣли за однимъ столомъ.

Сципіонъ въ разговорахъ своихъ былъ очень забавенъ: по всей справедливости можно было назвашь его весельчакомъ. Сверхъ того, былъ весьма не глупъ, и часто помогалъ мнѣ совѣтами. „Другъ мой, сказалъ я ему однажды, мнѣ кажется, не дурно бы

ошписать къ Герцогу Лермъ;
эпо не повредишь мнѣ. Какъ
ты думаешь?— Знашныя го-
спода, ошвѣчалъ онъ, быва-
юшъ по временамъ шакъ не
похожи сами на себя, что я,
право, не знаю, каково при-
мешъ онъ письмо ваше. Виро-
чемъ, попытайшесь, напиши-
те. Хошя Миниспръ васъ
любишъ, однако не надобно
ожидать, что онъ самъ объ
васъ вспомнишъ. Такого рода
покровишели скоро позабыва-
юшъ шѣхъ, о кошорыхъ не
говоряшъ имъ.—

„Пусшъ шакъ; но о благо-
дѣшелъ моемъ будь лучшаго
мнѣнія. Добродушіе его мнѣ
извѣстно. Я увѣренъ, что

онъ обо мнѣ жалѣешъ, и что
спраданія мои безпрестанно
ему представляются. Онъ ко-
нечно ожидаетъ, чтобъ про-
шелъ гнѣвъ Короля, и тогда
непремѣнно освободишь ме-
ня.“—Дай Богъ, чтобъ вы не
ошиблись въ заключеніяхъ ва-
шихъ о Его Свѣплосши! И
такъ просите его помощи
самымъ убѣдительнымъ пись-
момъ. Я отвезу его къ нему,
и даю слово вручить ему
лично.—Тотчасъ спросилъ я
бумаги, чернилъ, и написалъ
краснорѣчивое посланіе. Сци-
піонъ говорилъ, что оно про-
нестъ и каменное сердце; а
Тордезилласъ поставлялъ его
выше самыхъ проповѣдей Гре-
надскаго Архіепископа.

Я надѣялся, что печальное
описаніе бѣдспвеннаго моего
положенія распрогаешъ Гер-
цога Лерму, и въ этой увѣ-
ренности осправилъ моего
курьера. Немедлѣнно по прі-
ѣздѣ своемъ въ Мадридъ,
пошелъ онъ къ Министру;
сыскалъ камердинера, кошо-
рый былъ мнѣ пріятель, а
тотъ доставилъ ему случай
говорить съ Герцогомъ.—„Ми-
лосивѣйшій Государь!—ска-
залъ Сципіонъ, подавая Его
Свѣтлости письмо мое—одинъ
изъ вѣрнѣйшихъ вашихъ слу-
жителей, лежащій на соломѣ
въ мрачной темницѣ Сегов-
скаго замка, всенижайше умо-
ляешъ васъ прочесть это

письмо, которое тюремный приславъ, изъ милосердія, позволилъ ему написать къ вамъ.“ Министръ, распечатавъ письмо, пробѣжалъ глазами. Хотя онъ увидѣлъ въ немъ каршину, которая могла бы разогрѣть самую холодную душу, но не только не оказалъ сажалѣнія, а еще, возвыся голосъ, отвѣчалъ съ яростнымъ видомъ моему посланному, въ присутствіи нѣсколькихъ особъ, коимъ нельзя было того не слышать: „Другъ мой, скажи Саншилланъ, что я дивлюсь его дерзости. Какъ онъ осмѣлился опноситься ко мнѣ послѣ недостойнаго своего поступка,

за который споль справедливо наказывається? Этошъ несчастный не долженъ полагаться на мою заццишу; я предоспавляю его Королевскому гнѣву.“

Сципионъ, сколько ни былъ безспыденъ, смушился ошъ словъ Герцога. Однакожь, не смопря на свое смущеніе, не переспалъ за меня ходашайствовашъ. „Милоспивѣйшій Государь, возразилъ онъ, эшошъ заключенный умрешъ съ печали, когда услышишъ ошѣшъ Вашей Свѣсплоспи.“ Герцогъ не ошвѣчалъ моему ходашаю, и взглянувъ на него косо, обернулся къ нему спиною. Такъ посшупилъ со

мною Министръ, чѣмъ лучше скрывать участіе, которое принималъ онъ въ любовной интригѣ Наслѣднаго Принца. Вошъ награда, какой должны ожидать всѣ малозначущіе повѣренныя, коихъ употребляютъ вельможи въ тайныхъ и опасныхъ дѣлахъ своихъ!

Когда Секретарь мой возвратился въ Сеговію, и уведомилъ меня о дурномъ успѣхѣ своего порученія, я опять погрузился въ ужасную бездну горести, въ которой находился въ первый день моего заключенія. Почиталъ себя еще несчастнѣйшимъ потому, что лишился уже покровительства Герцога Лермы.

Вся бодрость моя исчезла; и, что ни говорили мнѣ въ утѣшеніе, я предался сильной грусти, которая нечувствительно причинила мнѣ жестокую болѣзнь.

Комендантъ, заботившійся о сохраненіи моей жизни, воображая, что не могъ ничего лучшаго сдѣлать, какъ призвать на помощь мнѣ врачей, привелъ двухъ Докторовъ, которые казались самыми ревностными служителями Либитины *). „Господинъ Жил-

*) *Либитина*, богиня, присутствовавшая при похоронахъ. Плутархъ утверждаетъ, что имя сіе давалось Венерѣ, чѣмъ бы показавъ лю-

блазъ, сказалъ онъ, представ-
ляя ихъ, вошъ два Иппокра-
та, копорые пришли посѣ-
шишь васъ, и посшавяшъ
васъ на ноги въ короткое
время.“ Я былъ такъ пред-

дамъ брeнностъ ихъ жизни, и дашь
имъ понятіе, что конецъ оной не
далекъ отъ начала: ибо одно и
тоже божество присутствовало
при томъ и другомъ. Либишина
имѣла въ Римѣ храмъ, копорый
окруженъ былъ священнымъ лѣ-
сомъ Въ этомъ храмѣ продавалось
все для похоронъ нужное. За вся-
каго покойника вносилаь поло-
женная сумма, а имя его записы-
валось въ реестръ. Такимъ обра-
зомъ извѣстно было, сколько на-
роду каждый годъ умирало.

убѣжденъ прошивъ всѣхъ лѣ-
карей, что конечно бы и эшихъ
принялъ очень худо, если бы
хоть мало дорожилъ жизнью;
но тогда она мнѣ ужасно на-
скучила, и я былъ весьма
благодаренъ Тордезилласу за
то, что онъ вздумалъ опдашь
меня въ ихъ руки.

„Господинъ кавалеръ, ска-
залъ мнѣ одинъ изъ врачей,
прежде всего надобно вамъ
имѣть полную къ намъ довѣ-
ренность.“— Я полагаюсь на
васъ совершенно, и увѣренъ,
что, съ помощію вашею, ско-
ро избавлюсь опъ всѣхъ мо-
ихъ несчастій.— „Если Богу
угодно, вы можете эшаго на-
дѣяшся; по крайней мѣрѣ

мы употребимъ всѣ старанія. — И дѣйствительно господа сіи принялись за дѣло такъ удачно, и лѣчили меня съ такимъ успѣхомъ, что я видимымъ образомъ оправлялся на шопъ свѣшъ. Уже Донъ Андре, потерявъ надежду къ моему выздоровленію, призывалъ Францисканскаго монаха приготоувишь меня къ смерти; уже эшопъ добрый Опецъ, исполнивъ свою должность, удалился; и я, чувствуя самъ, что послѣдній часъ мой приходишь, сдѣлалъ знакъ Сципіону, чтобъ онъ подошелъ къ моей постелѣ. „Любезный другъ — сказалъ я ему почти совсемъ ослабѣв-

шимъ голосомъ , шакъ изну-
рили меня лѣкарства и кро-
вопусканіе — осшавляю шебѣ
одинъ изъ мѣшковъ , находя-
щихся у Габріэля , а другой
заклинаю опвезши въ Асшу-
рію къ моимъ родителѣмъ ,
кошорые должны имѣть въ
деньгахъ нужду, если еще жи-
вы. Но , увы ! можешъ бышь
они не пережили моей небла-
годарности ; не могли пере-
нести моей жестокости , о
кошорой, конечно, рассказалъ
имъ Мускада. Если Богъ еще
сохранилъ ихъ, не смощря на
холодность, какою плашилъ я
за ихъ ко мнѣ нѣжность, шо
опдай имъ мѣшокъ съ пи-
сшолѣми, и упрочи ихъ, мо-

имъ именемъ, проспитъ меня;
а если уже нѣтъ ихъ на свѣ-
тѣ, то завѣщаю тебѣ обра-
шитъ эти деньги на поми-
новеніе душъ нашихъ.“ Гово-
ря сіе, я подалъ Сципіону ру-
ку, кошую омочилъ онъ сле-
зами, не въ силахъ будучи
произнести ни одного слова:
такъ горько ему было раз-
сваиваться со мною. Вотъ
доказательство, что слезы
наслѣдника не всегда могутъ
называться улыбками, сокры-
тыми подъ личиною скорби.

И такъ я ждалъ только
смершнаго часа; однако не
сбылось мое ожиданіе. Опка-
завшіеся опъ меня Доктора,
давъ свободу дѣйствовать

природѣ, сдѣлались чрезъ по-
моими спасителями. Горячка,
опшъ кошорой, по ихъ пред-
сказанію, непременно надле-
жало мнѣ умереть, оставила
меня, какъ будто бы для об-
личенія лжи ихъ. Я по-
леньку оправился, и, къ вели-
чайшему моему благополучію,
совершенное спокойствіе бы-
ло плодомъ моей болѣзни. То-
гда я не имѣлъ уже нужды
въ ушѣщеніи; чувствовалъ къ
богатству и почестямъ все
презрѣніе, какое только мысль
о близкой смерти могла во
мнѣ поселить; вошедъ въ са-
маго себя, я благословлялъ
свое несчастіе; благодарилъ
Небо за претерпѣнное стра-

даніе, какъ за особенную опѣ
 него милость, и принялъ
 швердое намѣреніе никогда не
 возвращаться ко Двору, хо-
 тя бы Герцогъ Лерма и взду-
 малъ шуда меня звать. Я по-
 ложилъ, коль скоро удася
 мнѣ выдти изъ заключенія,
 купилъ хижинку и жилъ въ
 ней пофилософски.

Сципіонъ одобрилъ мое на-
 мѣреніе, и сказалъ, что для
 скорѣйшаго исполненія онаго,
 думаетъ онъ возвращишься
 въ Мадридъ, похлопоча о
 моемъ освобожденіи. „Мнѣ
 пришла въ голову одна мысль,
 примолвилъ онъ. Я знаю че-
 ловѣка, который можетъ быть
 вамъ полезенъ, именно, лю-

бимую горничную Принцевой
кормилицы; она дѣвка умная.
Я попрошу ее постараться у
госпожи. Истышаю все, лишь
только бы вывеспи васъ изъ
эшаго мѣста, которое, какъ
бы хорошо васъ въ немъ ни
содержали, все - таки шюръ-
ма.“— Правда швоя, другъ
мой, опвѣчалъ я. Спупай, и
начинай свое дѣло, не теряя
времени.—

ГЛАВА IX.

Сципіонъ опять отпра-
вляется въ Мадридъ. Какъ,
и на какихъ условіяхъ,
получаетъ Жилблазъ сво-
боду. Куда они направи-
ли путь, по выходѣ изъ
Сеговской крѣпости, и о
чемъ разсуждали.

И такъ Сципіонъ въ дру-
гой разъ поѣхалъ въ Мадридъ;
а я, въ ожиданіи его возвра-
щенія, все время проводилъ
въ чшеніи. Тордезилласъ, при-
носилъ мнѣ книгъ болѣе, не-
жели я требовалъ. Онъ бралъ
ихъ у стараго Коммандора,
который былъ человекъ без-
грамотной, но имѣлъ прекра-

сную бібліотеку, чшобъ ка-
зашься ученымъ. Особливо лю-
билъ я хорошія правоучи-
тельные сочиненія, пошому
чшо находилъ въ нихъ мѣсша,
копорья льсшили моему ош-
вращенію ошъ Двора и воз-
буждали любовь къ уединенію.

Прошло три недѣли, и я
не слыхалъ ничего о моемъ
спряпчемъ. Наконецъ онъ воз-
вращился, и сказалъ мнѣ съ
веселымъ видомъ: „Теперь, го-
сподинъ Саншиллана, принесъ
я вамъ хорошія вѣсши! Кор-
милица Принцева всшупилась
въ ваше дѣло. Горничная ея,
по просьбѣ моей, и изъ бла-
годарности за сошню писшо-
лей, копорья посулилъ ей,

убѣдила госпожу свою попросишь Наслѣднаго Принца о вашемъ освобожденіи; и Принцъ, копорый, какъ я уже говорилъ вамъ, не можешь ни въ чемъ опказать ей, обѣщался исходатайствовать вамъ у Короля свободу. Я спѣшилъ объ этомъ васъ увѣдомить, и теперь ѣду обратно довершать начатое дѣло.“ При сихъ словахъ, онъ оставилъ меня, и опять пустился ко Двору.

Третья поѣздка его была не долговременна. Черезъ восемь дней ходатай мой возвратился съ извѣстіемъ, что Принцъ, хотя и не безъ труда, выпросилъ у Короля мнѣ

свободу. Въ тошъ же день
 подшвердилъ эшо и Комен-
 даншъ. „Любезный Жилблазъ,
 сказалъ онъ, обнимая меня,
 слава Богу, вы свободны!
 Двери шемницы для васъ оп-
 ворены; но эшо подъ двумя
 условіями, копорыя, можешъ
 бышъ, будущъ для васъ очень
 непріятны, и копорыя обя-
 вишъ вамъ обязанъ я прошивъ
 моей воли. Его Величешво
 запрешаешъ вамъ показывашъ-
 ся ко Двору, и повелъваешъ
 въ печеніи мѣсяца оспавишъ
 обѣ Касшилліи. Душевно жа-
 лѣю, что вамъ опказано опъ
 Двора.“—А я напрошивъ очень
 шому радъ. Богъ видишъ мои
 мысли: я ожидалъ опъ Ко-

роля одной милоспи, а онъ
оказалъ мнѣ двѣ.—

И такъ, увѣрившись, что
я болѣе уже не арестантъ,
наняли мы двухъ муловъ, и
на другой же день, простясь
съ Коголосомъ и поблагода-
ривъ Тордезилласа за все, что
онъ для меня дѣлалъ, съ ве-
селымъ духомъ пустились по
Мадридской дорогѣ, чтобъ
взявъ опъ господина Габріэля
наши два мѣшка, изъ коихъ
въ каждомъ было по пяши
сопъ двойныхъ пистолей. До-
рогою соупникъ мой ска-
залъ мнѣ: „Если мы не въ
соспоянїи купишь богапой де-
ревни, то можемъ по край-
ней мѣрѣ имѣть порядочную.“—

Если будетъ у насъ хижинка,
 опѣвчалъ я, и за то слава
 Богу! Хотя не прожилъ я и
 половины своего вѣку, но уже
 свѣтъ мнѣ опосылѣлъ. Теперь
 хочу пожить для самаго се-
 бя. Сверхъ того скажу тебѣ,
 что о пріятностяхъ сельской
 жизни я соспавилъ себѣ па-
 кую мысль, копорая восхи-
 щаетъ меня, и даже напередъ
 услаждаетъ. Мнѣ уже кажет-
 ся, что вижу изпещренные
 цвѣтами луга, слышу пѣніе
 соловья и журчаніе ручейковъ;
 воображаю, что забавляюсь
 охопою, рыбною ловлею. Пред-
 ставъ себѣ, другъ мой, всѣ
 различныя удовольствія, ко-
 торыя ожидаютъ насъ въ

уединеніи, и ты порадуешься
 вмѣстѣ со мною. Чѣмъ ка-
 саешься до нашей пищи, са-
 мая простая будешь самая
 лучшая. Кусокъ хлѣба, кажет-
 ся, достапочень для утоленія
 голода, а хорошій аппетитъ
 сдѣлаешь его для насъ пріят-
 нымъ. Могу тебя увѣришь,
 что самыя пышныя обѣды,
 гдѣ царствуютъ лакомство и
 изобиліе, для меня ничего не
 значащъ. Умѣренность есть
 источникъ удовольствій и
 лучшее средство къ сохране-
 нію здоровья.—

„Съ позволенія вашего, го-
 сподинъ Жилбазъ — прервалъ
 Сципіонъ—я не совсемъ согла-
 сенъ съ вашимъ мнѣніемъ о

такой умѣренности, какою
 хошите меня подчивать. Для
 чего жить намъ на манеръ
 Діогена? Если будемъ ѣсть и
 лучше, то, кажется, это не
 повредитъ нашему здоровью.
 Послушайтесь меня: не ста-
 немъ обращать уединеніе на-
 ше въ обитель голода и бѣд-
 ности: благодаря Бога, намъ
 есть чѣмъ жить въ свое удо-
 вольствіе. Купивъ деревушку,
 запасемся хорошими винами
 и прочими принадлежностями,
 необходимыми для людей бла-
 горазумныхъ, которые остав-
 ляютъ общество не для то-
 го, чтобы опречься отъ прі-
 ятнѣшей жизни, а чтобы на-
 слаждались ими съ бѣльшимъ

спокойствіемъ. Что есть въ домѣ, говоришь Гезіодъ, то не вредитъ; напротивъ, того нѣтъ, то можетъ вредить. Лучше имѣть у себя нужныя вещи, чѣмъ желать, чтобъ онѣ были.“—

—Что за чоршъ, господинъ Сципіонъ, ты знаешь Греческихъ стихотворцевъ! Да гдѣ ты познакомился съ Гезіодомъ? — „У одного ученаго. Я служилъ нѣсколько времени въ Саламанкѣ у одного педанша, который былъ великой коммешашоръ. Ему ничего не стоило составить толстую книгу изъ текстовъ Еврейскихъ, Греческихъ и Латинскихъ, которые выписывалъ

изъ книгъ своей библіотеки и переводилъ на Испанской языкъ. Я былъ у него переписчикомъ, и пошому зашвердилъ множество сеншенцій споль же доспопримѣчательныхъ, какъ и шеперь мною приведенная.“— Когда шакъ, шо памяшь швоя должна бышь многимъ украшена. Но обратимся къ нашему предмету. Въ кошоромъ Королевствѣ Испаніи, думаешь ты, лучше основашь намъ философскую резиденцію?— „Въ Аррагоніи. Мы найдемъ шамъ прелестныя мѣста, въ кошорыхъ можемъ жишь самымъ пріятнымъ образомъ.“— Хорошо, пустьъ будешъ по швоему: по-

селимся въ Аррагоніи. Ахъ!
если бы только сыскалъ ша-
кое убѣжище, которое доспа-
вило бы намъ удовольствія,
питающія теперь мое вооб-
раженіе!—

~~~~~
ГЛАВА X.

Что они дѣлали по при-
бытіи въ Мадридъ. Съ ка-
кимъ теловѣкомъ встрѣ-
тился Жилблазъ на ули-
цѣ, и что за тѣмъ по-
слѣдовало.

Пріѣхавъ въ Мадридъ, о-
становились мы въ неболь-
шомъ пракширѣ, гдѣ присла-
валъ Сципіонъ во время сво-
ихъ путешествій. Прежде

всего пошли къ Салеро за нашими пистюлями. Онъ принялъ насъ очень ласково, и изъяснилъ великую радость, что видишь меня на свободѣ.— „Клянусь вамъ, примолвилъ онъ: несчастіе ваше было для меня такъ чувствительно, что я отказался отъ всѣхъ связей съ придворными. Счастіе ихъ держится на волоскѣ. Я отдалъ дочь мою Габріэлу за богатаго купца.“— И очень хорошо сдѣлали, отвѣчалъ я; это гораздо надежнѣе; припомъ же мѣщанинъ, попавшій въ пѣсши къ чиновному человѣку, не всегда бываетъ доволенъ господиномъ зятемъ.—

Пошомъ перемѣнивъ разговоръ, я сказалъ, что пришелъ къ нему за своими деньгами. „Денъги ваши готовы“ — отвѣчалъ онъ; и приведя насъ въ свой кабинетъ, указалъ на два мѣшка, къ которымъ привязаны были ерлычки съ надписью: *Cuius libri sunt* двойными пистоллями принадлежатъ господину Жилблазу де Сантьяланъ. „Вотъ, примолвилъ онъ, залогъ въ такомъ видѣ, въ какомъ я получилъ его на сохраненіе.“

Я благодарилъ Салеро за одолженіе, и не шужилъ о пошерѣ его дочери. Мы пошли съ мѣшками въ прачширъ, гдѣ и начали пересчи-

пывашь свои писшоли. Онѣ
 были всѣ на лицо, кромѣ пя-
 тидесяти, употребленныхъ
 на издержки для моего осео-
 божденія. Послѣ того, спали
 мы помышляшъ, какъ бы намъ
 ошправитшся въ Аррагонію.
 Секретарь мой взялся купишъ
 коляску и пару муловъ. Я,
 съ своей стороны, запасался
 бѣльемъ и плашьемъ. Между
 тѣмъ, какъ ходилъ я шуда и
 сюда по улицамъ для разныхъ
 закупокъ, попался мнѣ Баронъ
 Шшейнбахъ, офицеръ Нѣмец-
 кой Гвардіи, у котораго Донъ
 Альфонсъ былъ воспитанъ.

Я поклонился ему. Онъ,
 узнавъ меня шакже, подошелъ
 ко мнѣ и обнялъ дружески. —

„Очень радъ, сказалъ я, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ, и могу припомъ узнать ошъ васъ, каково поживающъ прежніе господа мои, Донъ Цезарь и Донъ Альфонсъ де Лейвы.“—Мнѣ не трудно удовлетворить ваше желаніе, ошвъчалъ Баронъ: они оба теперь въ Мадридѣ, и живутъ въ моемъ домѣ. Мѣсяца при тому, какъ они сюда прѣхали благодарить Короля за милость, оказанную Альфонсу въ уваженіе заслугъ, какія сдѣланы Государству его предками. Онъ получилъ Губернаторское мѣсто въ Валенціи, безъ всякой ошъ себя просьбы и безъ посторонняго хо-

дашайсхва. Какое милоспие-
вое вниманіе! Вотъ доказа-
тельсхва, что Монархъ нашъ
любитъ награждать добродѣ-
тель!—

Хотя я лучше Шшейнбаха
зналъ, что должно о томъ
думать, но припворился, буд-
то случай сей совсемъ не
былъ мнѣ извѣстенъ. Я изъ-
явилъ такое неперпѣніе оп-
дашь поклонъ прежнимъ го-
сподамъ моимъ, что онъ пош-
часъ повель меня къ себѣ въ
домъ. Мнѣ хошѣлось испы-
тать Дона Альфонса, и узнать
по приему его, любитъ ли онъ
меня еще сколько нибудь. Я
нашелъ его въ залѣ, гдѣ игралъ
онъ въ шашки съ Баронессою

Шшейнбахъ. Онъ вскочилъ со
сшула, бросился ко мнѣ на-
встрѣчу и крѣпко обнялъ.—
„Саншиллана—сказалъ онъ мнѣ
съ видомъ непришворной ра-
досши—и такъ наконецъ шы
возвращень мнѣ! Эшо восхи-
щаешъ меня. Не я виною,
чшо мы навсегда не оспались
вмѣстѣ. Я просилъ тебя, если
помнишь, не уѣзжать изъ зам-
ка Лейвы: шы не послушался
моей просьбы. Однако я не
порицаю тебя за то, а еще
хвалю причину, побудившую
тебя удалиться. Но съ того
времени шы могъ бы меня
о себѣ увѣдомить, и избавить
ошъ труда искашь тебя по-
напрасну въ Гренадѣ: Донъ

Фернандъ, своякъ мой, писалъ ко мнѣ, будто ты тамъ находишься.“

Послѣ эшаго легкаго выговора продолжалъ онъ: „скажи мнѣ, что дѣлаешь ты въ Мадридѣ? Конечно имѣешь здѣсь какую нибудь должностъ? Будь увѣренъ, что я принимаю живѣйшее участіе во всемъ до тебя касающемся.“—За четыре мѣсяца предъ симъ, (оповѣчалъ я) занималъ я довольно значительное мѣсто при Дворѣ. Имѣлъ честь быть Секретаремъ и повѣреннымъ Герцога Лермы.—„Возможно ли?—вскричалъ Донъ Альфонсъ съ крайнимъ удивленіемъ. Ты былъ въ довѣренности у пер-

ваго Министра? — Я приобрѣлъ и потерялъ его благосклонность слѣдующимъ образомъ. — Тутъ я рассказалъ ему всю эту исторію, и заключилъ ее открытіемъ моего намѣренія, купишь на оставшіяся у меня отъ прежняго благосостоянія деньги хижину, чтобы прожить въ ней уединенно.

Сынъ Дона Цезаря, выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, отвѣчалъ: „Любезный Жилбазъ, ты знаешь, что я всегда любилъ тебя. Ты не будешь больше игрищемъ счастья: хочу избавить тебя отъ его власти, сдѣлавъ подарокъ, который

оно у тебя не опшымешъ. Ты намѣренъ жишь въ деревнѣ? Я даю тебѣ небольшое помѣстье, которое имѣемъ мы близъ Лиріаса, въ чешырехъ миляхъ отъ Валенціи. Ты знаешь его. Это не сдѣлаешъ намъ никакой разспройки. Могу увѣришь тебя, что ба-пюшка не опмѣнишь моего слова, и это принесешъ истинное удовольствіе Серафинѣ.“

Я бросился къ ногамъ Дона Альфонса, который пошчасъ меня поднялъ. Я поцѣловалъ у него руку, и, плѣнясь болѣе доброшою его сердца, нежели благодареніемъ, сказалъ ему: „Посшупокъ вашъ, сударь,

приводишь меня въ удивленіе. Эпошь подарокъ шѣмъ для меня пріятнѣе, что получаю его прежде, нежели узнали вы объ услугѣ, оказанной вамъ мною, и мнѣ ласпнѣ имѣшь его опъ вашего великодушія, нежели опъ благодарности.“

Такой опзываетъ показался Губернашору нѣсколько спрашнымъ; онъ спросилъ меня, что за услугу я ему сдѣлалъ. Я рассказалъ ему о томъ подробно; опъ чего пришелъ онъ еще въ бѣльшее изумленіе. Ни онъ, ни Баронъ Шпейнбахъ, совсемъ не думали, что Губернашорство въ Валенціи дано по моему предспашельству.

Наконецъ , не могши болѣе о томъ сомнѣваться, Донъ Альфонсъ сказалъ мнѣ : „ Такъ какъ мѣспомъ моимъ обязанъ я тебѣ , Жилблазъ , то маленькое помѣстье Лиріасъ почишаю недоспапочною съ моей стороны наградой. Опредѣляю тебѣ , сверхъ того , двѣ тысячи червонныхъ пенсіи.“—

—Остановишесь , Донъ Альфонсъ!—прервалъ я рѣчь его: не пробуждайше во мнѣ прежняго корыстполюбія ! Богатство только испортишь нравъ мой : я довольно испышалъ эшо. Охотно принимаю помѣстье ваше Лиріасъ ; буду шамъ жити пошихоньку о-

спавшимся у меня капишадомъ. Мнѣ больше не надобно; я гошовъ бросишь все, что даже теперь имѣю лишняго. Въ уединеніи, гдѣ ищемъ одного только спокойствія, богатство совсемъ не у мѣста.—

Между тѣмъ, какъ мы рассуждали такимъ образомъ, пріѣхалъ и Донъ Цезарь. Увидѣвъ меня, онъ обрадовался не меньше своего сына; и когда узналъ, сколь много обязана мнѣ его фамилія, убѣждалъ меня настоятельно принять пенсію; на что я однакожь оная не согласился. Наконецъ отецъ и сынъ пошли со мною къ Ношаріусу, у котораго сдѣлавъ на мое

имя записъ , подписали ее съ
 великимъ удовольствіемъ, какъ
 будшо бы дѣло шло о какомъ
 нибудь акшѣ въ ихъ пользу.
 По совершеніи крѣпосши, они
 ошдали ее мнѣ въ руки, ска-
 завъ , чшо помѣстше Лиріасъ
 имъ болѣе не принадлежишъ,
 и чшо я могу вспупишъ во
 владѣніе , когда мнѣ угодно.
 Они возврапились въ домъ
 Барона Шшейнбаха, а я бро-
 сился въ свой пракширъ.
 Вообразише радосшное удив-
 леніе Секретаря моего, когда
 я объявилъ ему, чшо мы имѣ-
 емъ землю въ Королевствѣ
 Валенціи , и рассказалъ , ка-
 кимъ образомъ сдѣлалъ я эшо
 пріобрѣшеніе.—,А сколько до-

ходу можешъ приносишь это помѣстье?“—спросилъ онъ меня.—Пяшь сошь червонныхъ, опвѣчалъ я; и могу себя увѣришь, что это есть прекрасное уединенное мѣсто. Я знаю его пошому, что бывалъ въ немъ, когда управлялъ имѣніемъ господъ Лейвовъ. Уюшной домикъ на берегу Гвадалквивира, въ деревнѣ, состоящей изъ пяши или шести дворовъ; мѣстоположеніе безподобное!—

„Болѣе всего нравишся мнѣ то, что у насъ будешъ шамъ хорошая дичина, Беникартское вино и превосходный мускатель. Поспѣшимъ, сударь, оставишь свѣшь, и удалимся

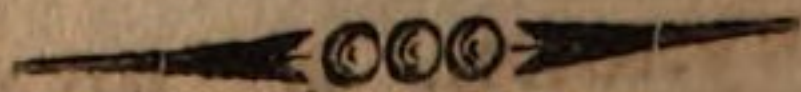

въ нашу пуспыню.“— Мнѣ сполько же, какъ и тебѣ, хочется быть тамъ; но надобно прежде съѣздишь въ Аспурию. Опець и мать мои живутъ тамъ въ бѣдноти: я думаю перевести ихъ въ Лиріасъ, гдѣ могутъ они въ покоѣ окончить дни свои. Можетъ быть, Небо низпослало мнѣ такое убѣжище для того, чѣмъ я въ немъ ихъ призрилъ; оно накажетъ меня, если этого не сдѣлаю.—Сципіонъ похвалилъ мое намѣреніе; даже побуждалъ скорѣе его исполнить. „Не спанемъ теряя времени, сказалъ онъ: я уже приготоовилъ коляску; купимъ муловъ, и, не мѣшкая,

поѣдемъ въ Овiedo.“—Хорошо,
 другъ мой, опшвѣчалъ я, оп-
 правимся какъ можно скорѣе.
 Непремѣннымъ долгомъ почи-
 паю раздѣлишь пріятность
 моего уединенія съ виновни-
 ками дней моихъ. Мы скоро
 будемъ въ нашей деревенькѣ.
 Пріѣхавъ шуда, я велю на-
 писашъ надъ дверьми моего
 дома золошыми буквами два
 слѣдующіе Латинскіе сшиха:
Inveni portum. Spes et Fortuna,
valet.
Sat me lusistis; ludite nunc al-
lios.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ОСЬМОЙ КНИГИ.

- Гл. III. Жилблазъ узнаешъ, что
мѣсто его имѣешъ свои
непріятности. Въ ка-
кое безпокойство онъ
ошъ того приходишъ,
и какимъ образомъ при-
нужденъ располагашъ Спр.
свои поступки. - - - 1.
- IV. Жилблазъ приходишъ
въ милость у Герцога
Лермы, который вѣ-
ряешъ ему важную пай-
ну. - - - - - 15.
- V. Жилблазъ въ великой
радости, чести и бѣд-
ности. - - - - - 23.

Гл. VI. Какимъ образомъ Жил-
блазъ далъ знать Гер-
цогу Лермъ о своей бѣд-
ности, и что Миниспръ
для него сдѣлалъ. - - 37.

— VII. На что употребилъ
Жилблазъ свои червон-
цы; о первомъ дѣлѣ, за
которое онъ взялся, и
какая была ему ошъ
шого выгода. - - - 54.

— VIII. Испорія Дона Рожера
де Рады. - - - 63.

— IX. Какимъ образомъ раз-
богашѣлъ Жилблазъ въ
короткое время, и какъ
началъ вести себя. - 94.

— X. Жилблазовъ нравъ со-
всемъ испортился при
Дворѣ. Какое порученіе
сдѣлалъ ему Графъ Ле-
мосъ, и въ какую ин-
тригу оба они вмѣша-
лись. - - - 121.

Гл. XI. Наслѣдный Принцъ
тайно посѣщаетъ Ка-
шалину; что онъ пода-
рилъ ей. - - - - 147.

— XII. Кто такова была Ка-
шалина. Замѣшатель-
ство Жилблаза; безпо-
койство его, и какія
мѣры онъ долженъ былъ
принять, чтобы опять
успокоиться. - - - 162.

— XIII. Жилблазъ продолжаетъ
предсказывать знаме-
наго господина. Слышитъ
вѣсти о родныхъ сво-
ихъ. Какое сдѣлали онъ
на него впечатлѣніе.
Онъ ссорился съ Фа-
бриціемъ. - - - - 173.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Гл. I. Сципіонъ хочетъ же-
нить Жилблаза на до-
чери богатаго золо-

пыхъ дѣлъ масшера,
Какъ къ тому при-
суплено. - - - - 189.

Гл. II. По какому случаю вспо-
мнилъ Жилблазъ о До-
нѣ Альфонсѣ де Лейвѣ,
и какую услугу ока-
залъ ему изъ щесла-
вія. - - - - 204.

— III. Пригопвленія къ Жил-
блазовой свадьбѣ; какое
важное происшествіе
сдѣлало ихъ щепны-
ми. - - - - 215.

— IV. Какъ поступали съ
Жилблазомъ въ Сегов-
ской крѣпости, и ка-
кимъ образомъ узналъ
онъ причину своего за-
ключенія. - - - - 221.

— V. О чемъ размышлялъ
Жилблазъ прежде, не-
жели заснулъ, и ошъ
чего пробудился. - - 236.

Гл. VI. Исторія Дона Гаспона
де Коголлоа и Донны
Елены де Галиспео. - 247.

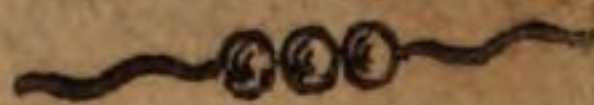
— VII. Сципіонъ посѣщаетъ
Жилблаза въ темницѣ,
и приносишь ему мно-
го новостей. - - - 307.

— VIII. Первое Сципіоново пу-
тешествіе въ Мадридъ;
для чего онъ шуда ѣз-
дилъ, и какой имѣлъ
успѣхъ. Жилбазъ за-
немогъ. Слѣдствіе бо-
лѣзни его. - - - - 319.

— IX. Сципіонъ опять ош-
правляется въ Мад-
ридъ. Какъ, и на ка-
кихъ условіяхъ, полу-
чаетъ Жилбазъ сво-
боду. Куда они напра-
вили путь, по выходѣ
изъ Сеговской крѣпо-
сти, и о чемъ разсуж-
дали. - - - - 336.

Гл. X. Чшо они дѣлали по
прибытіи въ Мадридъ.
Съ какимъ человекомъ
встрѣтился Жилбазъ
на улицѣ, и чшо за
шѣмъ послѣдовало. - 346.

Le Sage, Alain René,

Gil Blas de Santillana

Bd.: 6

St. Petersburg (1821)

P.o.gall. 1257 n-5/6

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10093803-4